

— *Краткая история* —

АМЕРИКАНСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

СОДЕРЖАНИЕ

АМЕРИКАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЛИТЕРАТУРА ДОКОЛУМБОВОЙ АМЕРИКИ И КОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА ДО 1776 ГОДА	3
ЗАРОЖДЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ И ПИСАТЕЛИ ПЕРИОДА ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ (1776–1820 гг.)	11
ПЕРИОД РОМАНТИЗМА 1820–1860 гг. ЭССЕИСТЫ И ПОЭТЫ	19
ПЕРИОД РОМАНТИЗМА 1820–1860 гг. ПРОЗА	26
ПОДЪЕМ РЕАЛИЗМА (1860–1914 гг.)	33
МОДЕРНИЗМ И ЭКСПЕРИМЕНТАТОРСТВО (1914–1945 гг.)	41
АМЕРИКАНСКАЯ ПОЭЗИЯ ПОСЛЕ 1945 г.: АНТИ-ТРАДИЦИОНАЛИЗМ	52
АМЕРИКАНСКАЯ ПРОЗА ПОСЛЕ 1945 г.: РЕАЛИЗМ И ЭКСПЕРИМЕНТИРОВАНИЕ	63
ГЛОССАРИЙ	75

ИЗДАНО ИНФОРМАЦИОННЫМ
АГЕНТСТВОМ США

НАД КНИГОЙ РАБОТАЛИ

Автор: Кэтрин ван Спэнкерен
ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ:
ХАУАРД СИНКОТТА И ДЖОРДЖ КЛЭК
РЕДАКТОР ТЕКСТА: Кэтлин Хаг
РЕДАКТОР-КОНСУЛЬТАНТ:
МАЙКЛ ДЖ. БЭНДЛЕР

Дизайн обложки: © 1994 г.,
КРИСТОФЕР ЛИТТЛ

ОБ АВТОРЕ

Д-р Кэтрин ван Спэнкерен – профессор английского языка в Университете г. Тампы, где преподает американскую литературу, литературное творчество женщин и стихосложение; автор книг «МАРГАРЕТ ЭТВУД: ОБРАЗЫ И ФОРМЫ» (1988 г.) и «ДЖОН ГАРДНЕР: КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД» (1982 г.), а также многочисленных статей и стихов; выезжала с лекциями об американской литературе в Европу, Азию, Африку и Латинскую Америку; с 1993 по 1995 г. была содиректором летних курсов американской литературы Информационного агентства США..

ГЛАВА

1

ЛИТЕРАТУРА ДОКОЛУМБОВОЙ АМЕРИКИ И КОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА ДО 1776 ГОДА

Истоков американской литературы стоят мифы, легенды, сказки и лирика (как правило, песни) индейцев, бытовавшие в рамках устной традиции. До появления в Северной Америке европейцев на континенте существовало более 500 племенных культур и индейских языков, однако письменной литературы еще не было. Этим объясняется богатство и разнообразие устной литературной традиции коренного населения Америки. Повествования полукочевых охотничьих племен типа навахо отличаются от историй, рассказываемых в среде оседлых земледельческих племен типа пуэбло, населяющих Акому; сюжеты, распространенные среди племен, селившихся на севере, по берегам озер, как оджибве, часто коренным образом отличаются от сюжетов, рассказываемых среди племен, проживавших, подобно хопи, в пустынях.

Каждое из племен практиковало свою собственную религию — культы богов, животных, растений или священных существ. Система правления варьировалась от демократии до совета старейшин или теократии. Эти племенные отличия также отразились в устной литературе.

Тем не менее, мы можем сделать некоторые обобщения. Индейские сюжеты исполнены почтительности к природе, выступающей матерью всего сущего как духовно, так и физически. Природа мыслится одушевленной и наделяется духовными силами; главными героями этих повествований могут выступать животные или растения, часто являющиеся тотемами племени, группы или личными тотемами. Наиболее близко к подобному пониманию священного из американских писателей уже в иную эпоху подошел Ральф Уолдо Эмерсон с его концепцией «сверхдуши», охватывающей все сущее.

Мексиканские племена почитали бога Кецалькоатля, божество толтеков и ацтеков, при этом сказания о верховном божестве или боге, обучающем людей культуре, встречаются и у других народов. Однако у индейцев не сложилось сколько-нибудь пространных унифицированных циклов, повествующих о едином верховном божестве. Ближайшим эквивалентом духовных повествований Старого света являются широко распространенные описания шаманских инициаций и путешествий шаманов в иных мирах. Кроме этого, встречаются повествования о культурных героях, таких, как Манабозо у

племени оджибве или Койот у навахо. Отношение к этим героям-плутам варьируется от истории к истории. В одном рассказе они могут выступать истинными героями, тогда как в другом предстают себялюбцами или глупцами. Хотя в прошлом ряд крупных ученых, в частности, швейцарский психолог Карл Густав Юнг, подчеркивали, что в повествованиях о похождениях плутов нашли выражение глубинные аморальные слои человеческой души, современные ученые — среди них есть и индейцы по происхождению — указывают, что и Одиссей, и Прометей, эти вполне «почитаемые» герои греческой мифологии, по сути являются плутами.

В литературе американских индейцев можно найти почти все устные повествовательные жанры: лирику, песни, мифы, волшебные сказки, забавные анекдоты, заклинания, загадки, пословицы, эпос и легенды. Обильно представлены повествования о переселениях племен и предках, так же как песни-видения или исцеляющие заклинания и мифы о плутах. Особой популярностью пользуется ряд мифов о сотворении мира. В одном из известных мифов такого рода, рассказываемых с некоторыми вариациями у разных племен, мир покоится на черепахе. Так, в версии чейеннов, у бога-творца Махео было четыре возможности создать мир из вселенной, где существовали одни только воды. Он послал четырех водоплавающих птиц, чтобы они нырнули и принесли ему со дна щепотку земли. Северный гусь, полярная гагара и дикая утка поднялись в высь небес и ринулись оттуда вниз, но не смогли донырнуть до дна; крошечная же лысуха, которая не может летать, принесла в клюве комок грязи. Лишь одно создание, скромная Бабушка Черепаха подходило для того, чтобы поддерживать мир, который Махео расположил на ее панцире — отсюда происходит название Америки у индейцев — «Черепаший остров».

Песни или поэзия, как и произведения повествовательных жанров, варьируются от священных до развлекательных и юмористических: мы имеем дело с колыбельными, военными и любовными песнями, особыми песнями для детских игр, а также для различных обрядов — игровых, хоровых, магических или танцевальных. В основном эти песни построены на повторе. Короткие песни-стихотворения, возникшие в состоянии транса, порой отличаются ясностью образов и утонченностью, напоминающими японскую танку или поэзию имажис-

тов, проникнутую восточным влиянием. В одной из песен индейцев-чиппева поется:

Я думал, что это гусь,
А это был плеск
Весла
Возлюбленной моей.

(Пер. А. Нестерова)

Песни-видения, чаще всего довольно короткие, обладали четкими признаками формы. Возникшие во сне или в состоянии транса, при этом довольно часто — спонтанно, они могли быть и заклинанием против болезни, и охотничьей или любовной песней. Часто такая песня воспринималась как неразрывно связанная с личностью своего создателя. Такова, например, следующая песня индейца из племени модок:

Я
Песня
Я иду здесь.

(Пер. А. Нестерова)

Устная традиция индейцев и ее связи с американской литературой в целом куда остаются наиболее обещающей и наименее исследованной областью американистики. Америка обязана индейцам гораздо больше, чем это принято думать. Обыденный английский американцев впитал в себя сотни индейских заимствований: «каное», «табак», «мокасин», «томагавк», «тотем» и др. Произведения, созданные американскими писателями индейского происхождения уже в наше время, рассматриваются в 8-й главе. Некоторые из них отличаются редкой красотой.

ЛИТЕРАТУРА ОСВОЕНИЯ АМЕРИКИ

Обернись история по-другому, США легко бы могли стать частью великой испанской или французской морской империи. Нынешние жители империи говорили бы по-испански и составляли одну нацию с мексиканцами, или по-французски — и образовывали бы единое пространство с франко-канадскими провинциями Квебек и Монреаль.

При всем том, первыми исследователями Америки были вовсе не англичане, испанцы или французы. Самые ранние сведения о посещении континента европейцами мы находим в скандинавских языках. Написанная на древнеисландском «Сага о Виноградной стране» (под этим условным названием в англоязычных странах фигурируют две исландские саги: «Сага об Эрике Рыжем» и «Сага о гренландцах». — Прим. пер.) повествует о том, как искатель приключений Лейф Эрикссон с отрядом скандинавов высадился и какое-то время жил на северо-восточном побережье Америки — возможно, в районе нынешней Нова Скотиа (Новой Шотландии) в Канаде, основав там поселение. Это происходило в первом десятилетии XI века, почти за 400 лет до того, как произошло следующее зафиксированное открытие Нового Света европейцами.

Тем не менее, первый исторически засвидетельствованный и имевший последствия контакт населения Америки с остальным миром отсчитывается от знаме-

нитой экспедиции Христофора Колумба, итальянца по происхождению, финансирование которой взяли на себя Фердинанд и Изабелла Испанские. Дневники Колумба, включенные в его «Послание об открытии Нового Света», опубликованном в 1493 г., отражают драматизм его путешествия — ужас команды, боявшейся чудовищ и думавшей, что суда могут упасть за край мира; волнения, грозящие перерасти в мятеж; историю подделки Колумбом судового журнала, чтобы команда пребывала в неведении о том, сколь далеко они заплыли в области, где до них не бывал ни один человек; и, наконец, то, как мореплаватели, достигнув Америки, впервые увидели землю.

Богатейшим источником информации о первых контактах американских индейцев с европейцами являются сочинения Бартоломе де лас Касаса. В молодости в качестве священника он принял участие в завоевании Кубы. Его перу принадлежит перевод на испанский дневников Колумба, а уже в зрелом возрасте он создал пространную и яркую «Историю индейцев», в которой критиковал порабощение индейцев испанцами.

Первые попытки колонизации, предпринятые англичанами, потерпели неудачу. Первая такая колония была создана в Роаноке, на побережье Северной Калифорнии, в 1585 г.; колонисты — все до единого — пропали без вести, но и по сей день живы легенды о голубоглазых индейцах племени кроатан, живших в этих местах. Вторая колония — Джеймстаун, основанный в 1607 г., — оказалась более «стойкой». На долю колонистов выпали испытания голодом, они столкнулись с насилием, злоупотреблением властью. И тем не менее, литература этого периода рисует Америку в радужном свете — это страна богатств и открывающихся возможностей. Хроники колонизации прославились по всему свету. История освоения Ронаоке подробно описана Томасом Хэриотом в «Кратком и правдивом сообщении о вновь открытой земле Виргинии» (1588 г.). Сочинение Хэриота почти сразу же было переведено на латынь, французский и немецкий; этот украшенный гравюрами текст многократно переиздавался на протяжении двухсот с лишним лет.

Главная хроника, созданная в Джеймстауне — сочинения капитана Джеймса Смита, одного из руководителей поселенцев, — прямая противоположность точному, наукообразному отчету Хэриота. Неизлечимый романтик, Смит, видимо, сильно приукрасил свои приключения. Именно ему обязаны мы знаменитым рассказом о судьбе индианки Покахонтас. Эта история — независимо от того, является ли она фактом или вымыслом, — прочно укоренилась в представлении американцев о прошлом их страны. Капитан Смит рассказывает, как его, когда он попал в плен к индейцам, спасла Покахонтас, любимая дочь вождя Поухатана. Позже, когда под давлением англичан Поухатан был вынужден передать им Покахонтас в качестве заложницы, та своей добротой, умом и красотой завоевала их расположение и в 1614 г. вышла замуж за англичанина благородного происхождения Джона Рольфа. Этот брак положил начало восьмилетнему миру между колонистами и индейцами, обеспечив выживание новой колонии.

В XVII в. пираты, авантюристы и исследователи проложили путь второй волне колонистов, ехавших в Аме-

рику с женами, детьми, сельскохозяйственным инвентарем и ремесленными инструментами. Ранние памятники литературы времен освоения Америки: дневники, письма, путевые заметки, судовые журналы и отчеты, которые исследователи направляли организаторам экспедиций — европейским монархам или же, если речь шла о купцах Англии и Голландии — акционерным компаниям, — постепенно вытеснялись хрониками самих колоний. Поскольку со временем североамериканские колонии перешли под власть Англии, наиболее известна и наиболее широко представлена колониальная литература на английском языке. Но так как на XX век приходится расцвет литератур американских меньшинств, а американская жизнь приобретает все более поликультурный характер, современные ученые заняты переоценкой подхода к смешанному этническому наследию континента. И хотя в нашей истории американской литературы мы обращаемся теперь к английской документалистике, важно отдавать себе отчет в том, что у ее истоков стоят самые разные культурные традиции.

ЛИТЕРАТУРА НОВОЙ АНГЛИИ КОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА

Ио всей видимости, пуритане были самыми интеллектуальными колонистами за всю историю человечества. В период между 1630 и 1690 г. в северо-восточной части США, так называемой Новой Англии, насчитывалось столько же выпускников университетов, сколько и в метрополии — факт совершенно поразительный, если принять во внимание, что наиболее образованными людьми того времени были аристократы, несклонные рисковать жизнью и отправляться в дикую страну. Пуритане, обязанные всем, что они имеют — нередко и образованием, — лишь собственным усилиям, были благородным исключением. Они стремились к образованию, ибо оно позволяло понять и исполнить Господню волю — а основание колоний в Новой Англии было ее проявлением.

Хороший текст в пуританском понимании — текст, который доносит до читателя, сколь важно поклоняться Богу и осознавать соблазны, грозящие душе в ее земном странствии. Пуританская литература стилистически очень разнообразна: это и сложная метафизическая поэзия, и домашние дневники, и до невыносимости педантичные образцы религиозной истории. Но, каковы бы ни были жанр и стиль этих произведений, в них присутствуют некоторые постоянные темы. Жизнь воспринимается как испытание; проступок ведет к вечному проклятию и в адское пламя, тогда как успех на жизненном поприще вознаграждается небесным блаженством. Мир воспринимается как арена непрестанной борьбы сил Бога и сил Сатаны, этого грозного врага, имеющего множество личин. Многие пуритане экзальтированно ожидали прихода «тысячелетнего царства Божия», когда Иисус вернется на Землю и положит конец страданиям человечества, установив на 1000 лет мир и процветание.

Ученые уже давно указали на связь между пуританизмом и капитализмом: в их основе лежат сходные представления о честности, необходимости тяжелого труда и напряженных усилий, ведущих к успеху. Хотя пу-

ританин на личностном уровне не мог знать, будет ли он, пользуясь строгой теологической терминологией, «спасен» и избран, дабы войти в небесную обитель, пуритане склонны были рассматривать успех как знак избранности. Богатство и положение в обществе ценились не только ради них самих, но также как желанный залог духовного здоровья и обещание жизни вечной.

Более того, эта концепция избранничества поддерживала стремление к преуспеванию. Пуритане все вещи и события истолковывали символически, наделяя их глубоким духовным значением, и считали, что, заботясь о росте личных доходов и состоянии их общины, они также способствуют исполнению божьего промысла. Они не делали различий между мирской и религиозной сферами: все в жизни было лишь выражением воли Божьей — позже эти верования возродятся в трансцендентализме в несколько измененном виде.

Описывая самые обычные события так, чтобы проступало их духовное значение, пуританские авторы, как правило, делали отсылки на Библию, указывая соответствующую главу и стих. История была символической религиозной панорамой, а ее целью — триумф пуритан над Новым Светом и Царство Божие на земле.

Первые пуританские колонисты, поселившиеся в Новой Англии, — лучший пример того, сколь серьезно было христианство Реформации. Известные под именем «Пилигримов», они представляли из себя небольшую группу верующих, эмигрировавших в 1608 г., во времена религиозных гонений, из Англии в Голландию, еще тогда славившиеся своей религиозной терпимостью.

Как и большинство пуритан, они истолковывали Библию буквально. Они действовали в соответствии со словами, почерпнутыми из Второго послания к коринфянам: «И потому выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь» (2 Кор. 6, 17). Разочаровавшись в возможности очистить англиканскую церковь изнутри, «сепаратисты» основывали подпольные церкви «ковенантеров», члены которых приносили клятву верности религиозному союзу, а не королю. Часто члены таких общин рассматривались как предатели короля и еретики, проклятые и обреченные аду, и подвергались преследованиям. Отделение их от англиканской церкви в конечном счете привело их в Новый Свет.

Уильям Брэдфорд (1590–1657 гг.)

Вскоре после прибытия «сепаратистов» в Америку Уильям Брэдфорд был избран поселенцами Плимута — колонии в бухте Массачусетс — их губернатором. Он был глубоко религиозным человеком, постигшим многие науки самостоятельно, выучившим несколько языков, включая иврит, с тем, чтобы «своими глазами видеть древние пророчества Господа в их первоизданной красоте». То, что он эмигрировал в Голландию и был в числе первопоселенцев, прибывших в Плимут на корабле «Мэйфлауэр», так же как и то, что он исполнял обязанности губернатора, сделало его идеально подходящим для роли первого историка колонии. Созданная им хроника — «История поселения в Плимуте» (1651 г.) — ясное и захватывающее повествование о том, как зарождалась колония. Его описание первых впечатлений от Америки известно едва ли не каждому:

«Преодолев безбрежный океан и море бедствий ... не обрели они ни радушной дружеской встречи, ни постоянного двора, где можно отдохнуть и освежить истерзанные бурями тела; ни крова, ни единого обиталища, где можно произвести ремонт или рассчитывать на помощь... дикие варвары... если и преисполненные готовности к чему-либо, то к тому лишь, чтобы осыпать прибывших стрелами. Следует принять во внимание, что стояла зима, и те, кто ведает, какovy в этой стране зимы, знают, сколь жестоки они и люты, им сопутствуют злые и яростные шторма — и все это предстало перед ними во всей своей суровости, и вся страна — сплошь чащобы и заросли — простерлась перед ними, дикая и первобытная».

Брэдфордом записан и первый документ, касающийся самоуправления английских колоний в Новом Свете — «Мэйфлауэрское соглашение», составленное пилигримами еще во время плавания. Соглашение предвосхищало Декларацию независимости, появившуюся спустя полтора века.

Пуритане порицали такие светские развлечения, как танцы или игра в карты, ассоциировавшиеся с аристократами-безбожниками и аморальной жизнью. Чтение или сочинение «развлекательных» книг также попадало в эту категорию. Пуританские мыслители направили всю свою неистовую энергию на документалистику и религиозные жанры литературы: поэзию, проповеди, богословские трактаты и исторические сочинения. Написанные ими дневники и размышления отражают богатую внутреннюю жизнь этих сильно чувствующих и внимательных к своим переживаниям людей.

Анна Брэдстрит (ок. 1612–1672 гг.)

Первый опубликованный в Америке сборник стихов был также и первой в истории американской литературы книгой, написанной женщиной — Анной Брэдстрит. В том, что книга вышла в Англии, нет ничего удивительного — следует учитывать отсутствие печатного оборудования в американских колониях в первые годы их развития. Анна Брэдстрит, дочь графского управляющего, родилась и получила образование в Англии. Семья эмигрировала в Америку, когда Анне было 18 лет. Муж ее впоследствии стал губернатором колонии в бухте Массачусетс, со временем выросшей в большой город — Бостон. Сама она более всего ценила принадлежащие ее перу пространные религиозные поэмы на общепринятые сюжеты: времена года и т.п., тогда как современным читателям скорее нравятся ее остроумные стихи на темы повседневной жизни и проникнутые любовью и теплотой стихи, обращенные к мужу и детям. Вдохновение она черпала в стихах английских поэтов-метафизиков, и в сборнике ее стихов «Десятая муза» (1650 г.) прослеживается влияние Эдмунда Спенсера, Филиппа Сидни и других английских поэтов. Она часто прибегает к причудливым и весьма пространным метафорам. В стихах «К моему дорогому и любящему мужу» (1678 г.) использованы образы восточной поэзии, любовная тема и столь популярные в европейской литературе ряды сравнений, однако заключительные строфы придают всей поэме религиозную окраску:

И если двое, как велит Господь,
Составили когда едину плоть, —
То это мы; и если был любим
Женою муж — он мужем был моим;
И если с мужем счастлива жена, —
Со мной сравнится ль, женщины! она?
Груд золота твоя любовь ценней
И всех богатств Востока мне нужней:
Не остудить водой любви моей
И не прельстить любовью — не твоей.
Твою любовь, что ныне неоплатна,
Пусть Небеса вознаградят стократно.
Так будем столь верны, пока живем,
Чтоб, жизнь свершив, жить в вечности
Вдвоем.

(Пер. И. Ковалевой)

Эдвард Тейлор (ок. 1644–1729 гг.)

Как Анна Брэдстрит, да и все остальные писатели Новой Англии на раннем этапе развития колоний, Эдвард Тейлор — пылкий, яркий поэт и священник — родился в Англии. Сын йомена — независимого фермера, владевшего собственной землей, — Тейлор, будучи преподавателем, предпочел в 1688 г. отправиться в Новую Англию, чем присягнуть на верность англиканской церкви. Образование он получил в Гарвард Колледж и, подобно большинству священников, учившихся в этом учебном заведении, знал греческий, латынь и иврит. Религиозный, преисполненный самозабвения, Тейлор действовал как миссионер, принимая на себя обязанности священника в пограничном городишке Вестфилд, Массачусетс, окруженном лесами и расположенном в 160 км от ближайшего поселения. Это служение стало делом его жизни. Тейлор был самым образованным человеком в округе и использовал свои знания, исполняя роль священника, врача и играя важную роль в жизни города.

Скромный, религиозный, всецело погруженный в работу, Тейлор не публиковал своих стихов — они были обнаружены лишь в 30-е гг. нашего века. Сам он, без сомнения, усмотрел бы в этом волю Провидения; современные читатели должны быть признательны за то, что они имеют возможность ознакомиться с его стихами, которые принадлежат к лучшим образцам поэзии XVII века, созданными в Северной Америке.

Тейлор писал самые разнообразные стихи: элегии на смерть различных лиц, лирические стихотворения, средневековые «споры», ему же принадлежит и 500-страничная «История христианства в стихах» (главным образом, история мучеников). Лучшими же его творениями современные критики считают ряд коротких пригласительных медитаций.

Михаэль Вигглсуорс (1631–1705 гг.)

Михаэль Вигглсуорс, который, как и Тейлор, родился в Англии, получил образование в Гарварде и совмещал обязанности пуританского священника с занятиями медициной, является третьим поэтом Новой Англии, достойным упоминания. В своем самом известном произведении «Судный день» (1662 г.) он продолжает развитие чисто пуританских тем. Эта вещь — пространная поэма, часто срывающаяся на уровень неуклюжего риф-

моплетства, вселяющая ужас популяризацией кальвинистского учения, — была самым читаемым поэтическим произведением, написанным в колониальный период. Первый американский бестселлер балладным размером изображал отталкивающую картину адского проклятия.

Это чудовищная поэзия — но она всем пришлось по вкусу. Поэма соединила захватывающий динамизм романа ужасов с авторитетом Жана Кальвина. На протяжении двух столетий люди заучивали наизусть этот огромный устрашающий памятник религиозному ужасу; дети с гордостью читали вслух отрывки из поэмы, а взрослые цитировали ее в повседневном обиходе. И, на самом деле, от ужасных наказаний, описанных в поэме, лишь один шаг до призрачной раны, что наносит себе жестокий пуританский священник Артур Диммесдейл из романа Натаниэля Готорна «Алая буква», (1850 г.) или увечного капитана Ахава из мелвилловского «Моби Дика» (1851 г.) — новоанглийского Фауста, чья погоня за запретным знанием ведет к тому, что корабль американского гуманизма скрывается под водой. («Моби Дик» был любимым романом американского писателя XX в. Уильяма Фолкнера, чьи глубокие, проникнутые тревогой произведения свидетельствуют о том, что мрачное, метафизическое видение мира, свойственное протестантской Америке, вовсе не исчерпало все свои возможности).

Как и вся колониальная литература в целом, стихи, написанные первыми литераторами Новой Англии, имитировали форму и технику поэтов метрополии, хотя религиозная страстность и частые аллюзии на Библию, так же как и новые повороты мысли, придавали некоторую специфичность текстам, созданным в Новой Англии. Следует учитывать и то, что писатели Нового Света до изобретения скоростного транспорта и электронных средств коммуникации жили в своеобразной изоляции, а потому подражали образцам, которые для английской литературы были уже пройденным этапом. Так, Эдвард Тейлор, лучший из американских поэтов той эпохи, писал в стиле поэтов-метафизиков, уже вышедших в Англию из моды. И одновременно — стихи Тейлора тому пример — культурная изоляция привела к появлению ярких и ни на что не похожих сочинений.

Порой возникает впечатление, что писатели из колоний даже не подозревали о существовании таких великих английских авторов, как Бен Джонсон. Иные из колониальных писателей отвергали английских поэтов, придерживающихся иного вероисповедания, тем самым отрезая себя от лучших образцов лирики и драмы, созданных на английском. И, к тому же, многие из живущих в колониях пребывали в невежестве в силу нехватки книг.

Главным образцом стиля, исповедания веры и жизненного поведения была Библия в авторизованном английском переводе, который устарел уже к моменту ее издания. Древность Библии, книги, которая намного старше римско-католической церкви, придавала ее тексту особый авторитет в глазах пуритан.

Пуритане Новой Англии особо чтит ветхозаветные повествования о судьбах еврейского народа, считая, что, подобно евреям, они претерпевают преследования за веру, они — единственные, кто исповедует ис-

тинного Бога, и они — избранные, кому дано основать Новый Иерусалим — рай на Земле. Пуритане проводили осознанную параллель между древним Израилем Ветхого Завета и своим бытием. Моисей вывел израильтян из плена египетского, он с Божьей помощью заставил расступиться Красное море, так что его народ смог уйти от преследователей, и он же получил от Господа закон в форме Десяти заповедей. Руководители пуритан считали, что они спасли свой народ от духовного разложения, которое грозило ему в Англии, чудесным образом, с Божьей помощью, переправились через морскую пустыню, и, исполняя Господню волю, устанавливают новые законы и новые формы управления.

Замкнутый мир колоний имел тенденцию к архаике, и Новая Англия не была тут исключением. Пуритане Новой Англии тяготели к архаике в силу осознанного выбора, убеждений и волею обстоятельств.

Сэмюэл Сьюолл (1652–1730 гг.)

По сравнению с возвышенной религиозной поэзией, переполненной аллюзиями на Библию, мемуарно-исторические сочинения, описывающие реальные события и полные занимательных подробностей, — чтение более легкое. «Дневник» (1790 г.) губернатора Джона Уинтропа — лучший источник сведений по ранней истории колонии в бухте Массачусетс и политической теории пуритан.

«Дневник» Сэмюэла Сьюолла, охватывающий период с 1674 по 1729 г., написан живо и увлекательно. Сьюолл соответствует тому же образу писателя, сформированному на заре новоанглийской литературы, который мы видим в Брэдфорде и Тейлоре. Сьюолл родился в Англии и был привезен в колонии ребенком. Окончив Гарвард, он поселился в окрестностях Бостона, занимаясь юридической, административной и религиозной деятельностью.

Сьюолл родился достаточно поздно, и переход от строгой религиозной жизни ранних пуритан к коммерческому процветанию колоний Новой Англии при янки, гораздо более открытых миру, происходил на его глазах; и его «Дневник», часто сравниваемый с дневником англичанина Сэмюэла Пеписа, написанным в те же годы, — почти непреднамеренно фиксирует эти изменения.

Подобно дневнику Пеписа, текст Сьюолла является подробной записью повседневной жизни автора, отражающей его стремление к праведной и достойной жизни. Так, автор упоминает о незначительных покупках сладостей для женщины, за которой он ухаживал, и тут же размышляет, насколько они не соответствуют аристократическому и дорогостоящему образу жизни, который он ведет, нося парик и разъезжая в карете.

Мэри Роулэндсон (ок. 1635– ок. 1678 гг.)

Первая из женщин-прозаиков, Мэри Роулэндсон, жена священника, оставила нам ясное, живое описание своего 11-недельного пребывания в индейском плену во время резни, учиненной индейцами в 1676 г. Эта книга, вне всякого сомнения, способствовала раздуванию антииндейских настроений, так же как и «Выкупленный из плена» (1707 г.) Джона Уильямса, где описано двухлетнее пребывание автора в плену у французов и ин-

дейцев после учиненного теми побоища. Такого рода сочинения, выходявшие из-под пера женщин, как правило, представляли собой бытовые записки и не требовали от автора специального образования. Можно говорить о том, что женская литература этого периода — благодаря присущим ей бытовому реализму и житейской мудрости — смотрится выигрышнее, чем многие писания современников; и, конечно же, сочинения вроде увлекательного «Дневника» (1825 г.) Сары Кембл Найт, повествующего о ее бесстрашном путешествии в одиночку из Бостона в Нью-Йорк и обратно, удачно избегают барочной сложности писаний пуританских авторов.

Коттон Мэзер (1663–1728 гг.)

История литературы колоний Новой Англии будет неполной без упоминания ученого педанта Коттона Мэзера. Третий отпрыск династии Мэзеров, на протяжении четырех поколений живших в бухте Массачусетс, он написал на протяжении своей жизни в Новой Англии свыше 500 книг и памфлетов. «Великие деяния Христа в Америке» (1702 г.) — наиболее претенциозная работа, вышедшая из под его пера, — является исчерпывающей историей поселений в Новой Англии, изложенной в форме биографий. Огромная книга повествует о святой миссии пуритан, отправившихся в пустыню, чтобы основать Царствие Божие; структурно она построена как сменяющие друг друга повествования о жизни «американских святых». Помпезность этого труда в какой-то мере искупается рвением его создателя: «Я пишу о чудесах христианской религии, притесняемой в Европе и бежавшей к берегам Америки».

Роджер Вильямс (ок. 1603–1683 гг.)

По мере того, как XVIII век приходил на смену XVII, религиозный догматизм шел на убыль, несмотря на спорадические судорожные попытки пуритан противостоять терпимости, все более характерной для общества. Священник Роджер Вильямс пострадал за свои религиозные убеждения. Сын портного, англичанин по происхождению, он был изгнан из Массачусетса в самый разгар свирепой зимы 1835 г. Втайне извещенный губернатором Массачусетса Джоном Уинтропом о готовящейся расправе над ним, Вильямс выжил лишь благодаря тому, что пристал к индейцам; в 1836 г. он основал новую колонию на Род-Айленде — здесь с радостью принимали поселенцев самых различных исповеданий.

Выпускник Кембриджского университета (Англия), он сохранил сочувствие к рабочему люду и терпимость к иным взглядам. Его идеи опередили свое время. Он был одним из первых критиков империализма и настаивал на том, что европейские монархи не имеют ни малейшего права распоряжаться американскими землями, ибо те принадлежат индейцам. Вильямс исповедовал необходимость отделения церкви от государства — один из принципов, лежащих в основании сегодняшней Америки. Он утверждал, что суды не вправе приговаривать людей к наказанию, если речь идет о вопросах веры, — подрывая тем самым позиции новоанглийской теократии. Поклонник равенства и демократии, он всю свою жизнь был другом индейцев. Среди многочисленных сочинений Вильямса есть и англо-индейский раз-

говорник — «Ключ к американскому языку» (1643 г.) — одна из первых книг такого рода. Это сочинение содержит также зачаточные сведения по этнографии, давая краткие описания быта индейцев, основанные на собственном опыте автора, жившего среди них. Каждая глава посвящена какой-то одной теме: пище и связанном с ней ритуалам и т.п. Индейские слова и фразы, имеющие отношение к данной теме, помещены вперемежку с комментариями, историями из жизни, венчает же главу стихотворение. Так, в конце первой главы мы читаем:

Коли природы косной сын,
чей нрав — кроток и дик,
Знаком с законами добра
и вежество постиг,
Господни дети, мы, должны
Алкать любви и доброты.

(Пер. А. Нестерова)

В главе, посвященной словам, связанным с увеселениями, мы встречаем следующий комментарий: «Странно признаться в том, что в среде этих варваров обретаешь больше отрады и отдохновения, нежели пребывая в обществе тысяч и тысяч тех, кто называет себя христианами».

Жизнь Вильямса вызывает почтительное восхищение. Посетив Англию во время кровопролитной Гражданской войны, он, опираясь на свой опыт выживания в холодном климате Новой Англии, организовал доставку дров беднякам Лондона, когда зимой те оказались отрезаны от районов, снабжающих город углем. Им написано не одно яркое сочинение в защиту религиозной терпимости — не только по отношению к различным христианским сектам, но и к иным вероисповеданиям. «Таковы воля и заповедь Господа нашего, чтобы всем людям и каждому в народе его позволено было исповедовать язычество ли, иудаизм, турецкую ли веру или антихристианские убеждения и поклоняться в соответствии с этим...», писал он в сочинении «Кровавый догмат преследования» (1644 г.). Многим в своей мудрости он обязан опыту жизни в иной культуре, среди индейцев, отличающихся милосердием и человечностью.

Культурное влияние в колониях носило взаимный характер. Джон Элиот, например, перевел Библию на язык племени наррагансетов. Некоторые индейцы перешли в христианство. Даже сегодня Церковь коренных американцев исповедует смесь христианства с традиционными индейскими верованиями.

Дух терпимости и религиозной свободы, постепенно выработавшийся в американских колониях, берет свое начало на Род-Айленде и в Пенсильвании, пристанище квакеров. Проникнутые терпимостью и человеколюбием квакеры, или, как их еще называли, «друзья», верили, что всякое индивидуальное сознание освящено Духом, и в этом видели ключ к социальному порядку и морали. В основе исповедания квакеров лежали вера во вселенскую любовь и братство, и это делало их глубоко демократичными и не приемлющими любые догматичные религиозные авторитеты. Изгнанные из косного Массачусетса, где побаивались их влияния, квакеры, под предводительством Вильяма Пенна в 1681 г. осно-

вали свою колонию — Пенсильванию, развивавшуюся крайне успешно.

Джон Вульман (1720–1772 гг.)

Самым известным из сочинений квакеров являются пространные «Записки» (1774 г.) Джона Вульмана, повествующие о перипетиях внутренней жизни автора простым, искренним стилем, который отличает редкая благозвучность, удостаивавшаяся похвал многих американских и английских писателей. Этот выдающийся человек оставил комфортабельный дом в городе, чтобы жить среди индейцев, в окружении дикой природы, ибо полагал, что у них есть чему научиться и готов был к восприятию их представлений. Сам он пишет просто о желании «почувствовать и понять их жизнь, Дух, в котором та протекает». Естественным образом любовь Вульмана к справедливости привела его к критике общества: «Я увидел, что многие белые люди часто продают индейцам ром, что, я верю, есть величайшее зло».

Вульман был также одним из первых писателей, протестовавших против рабства. Он опубликовал два эссе: «Некоторые размышления о положении негров», в 1754 и 1762 гг. соответственно. Пылкий гуманист, он следовал путем «пассивного повиновения» властям и законам, которые он считал несправедливыми, на несколько поколений предвосхищая идеи Генри Дэвида Торо, изложенные в его знаменитом эссе «Гражданское неповиновение» (1849 г.).

Джонатан Эдвардс (1703–1758 гг.)

Джонатан Эдвардс был полной противоположностью Джону Вульману. Он родился на 17 лет раньше выдающегося квакера. Вульман, фактически, не имел формального образования; Эдвардс был высокообразованным человеком. Вульман действовал, подчиняясь внутреннему озарению; Эдвардс связал свою жизнь с правом и властями. Оба были прекрасными писателями, но при этом они стоят как бы на противоположных полюсах религиозного опыта колоний.

Обостренное чувство долга и строгое пуританское окружение привели к тому, что Эдвардс встал на защиту кальвинизма в его суровом и бескомпромиссном виде от постепенно расцветавшего в то время либерализма. Более всего Эдвардс известен как автор исполненной силы и священного ужаса проповеди «Грешники в руках разгневанного бога» (1741 г.):

«Оставь Бог попечение о вас, и тут же вас ждет падение, низвержение во грех, погружение в пропасть бездонную... Никто иной, как Господь, удерживает вас над жерлом адским, как удерживают над пламенем паука или иное насекомое, чей самый вид отвратителен — так же отвратительны Ему вы, которые испытуете Его терпение... ведь в Его глазах вы ничто и достойны того лишь, чтобы отшвырнуть вас в бездну».

Проповеди Эдвардса производили на паству глубочайшее впечатление, заставляя прихожан истерически рыдать. Однако их длительное воздействие было противоположным — гротескная жестокость проповедей

отталкивала паству от кальвинизма, который Эдвардс столь доблестно защищал. Догматичные, в духе средневековья проповеди Эдвардса уже не соответствовали укладу жизни колонистов в XVIII в., познавших относительный мир и процветание. После Эдвардса свежие, либеральные настроения, отличающиеся веротерпимостью, набирают силу.

ЛИТЕРАТУРА КОЛОНИЙ ЮГА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ КОНТИНЕНТА

Литература Юга накануне революции отличалась аристократическим и светским характером, отражая доминирующую социальную и экономическую систему южных плантаций. Первые английские колонисты отправлялись в южные колонии не столько в поисках религиозной свободы, сколько привлеченные открывающимися здесь экономическими возможностями.

Хотя множество южан были бедными фермерами или торговцами, влачившими существование, мало чем отличающееся от доли рабов, образованный высший класс Юга сформировался под воздействием классического, восходящего к Старому Свету идеала благородного землевладельца-джентри, осуществление которого было возможно благодаря рабству. Институт рабства освобождал богатых белых южан от физического труда, позволяя жить в роскоши и реализовать мечту об аристократической жизни в окружении дикой американской природы. Ценности, которым пуритане придавали такое значение, — упорный труд, образование, честность — были здесь непопулярны, зато превозносились верховая езда и охота. Церковь была центром жизни благородных слоев общества, а не собранием, выносившим приговор малейшему душевному движению кого-либо из членов общины.

Уильям Бирд (1674–1744 гг.)

Идеал благородного джентльмена стал тем центром, вокруг которого формировалась вся культура Юга. Этот идеальный человек мыслился некой фигурой эпохи Возрождения; наделенный всеми правами феодального господина, он должен был равно преуспевать в управлении имением и в чтении греческих авторов в подлиннике.

В знаменитом письме 1726 г., отправленном английскому знакомому — Чарльзу Бойлу, графу Оррери, Уильям Бирд так описывает исполненный изящества образ жизни у себя на плантации Вестоувер:

«Кроме такого преимущества, как чистый воздух, мы в изобилии располагаем всяческой провизией, которая нам ничего не стоит (под «мы» я имею в виду владельцев плантаций). Семейство мое весьма велико, а двери дома открыты для всех и каждого — и при этом нет необходимости платить по счетам; полукрона может месяцами лежать в кармане моего камзола, прежде чем я извлеку ее за какой-либо надобностью.

Я подобен какому-нибудь патриарху: у меня свой крупный и мелкий скот, свои рабы и рабыни, мои слуги торгуют друг с другом в пределах моего имения; таким вот образом я живу, ни от кого не завися, лишь Провидение властно надо мной».

Уильям Бирд в паре абзацев выразил самый дух джен-три из южных колоний. Унаследовав 1040 гектаров земли, он расширил свои владения до 7160 гектаров. Он был купцом, торговцем, плантатором. Его библиотека, насчитывающая 3600 томов, была самым богатым книжным собранием на Юге. Живость ума проявилась у него еще в детстве, поэтому отец позаботился о том, чтобы сын получил образование в лучших учебных заведениях Англии и Голландии. Он был представлен ко французскому двору, состоял членом Королевского общества, дружил с самыми известными писателями Англии, в частности, с Уильямом Уичерли и Уильямом Конгривом. Его лондонские дневники являют собой полную противоположность запискам пуритан Новой Англии: Бирд массу внимания уделяет модным обедам, блестящим приемам, флирту с женщинами — и почти не занят наблюдениями за своей душой.

Ныне Бирд известен прежде всего своей «Историей пограничной линии» — это дневник 1729 г., рассказывающий о растянувшейся на несколько недель поездке вглубь континента — путешественники отделились от побережья на 960 км — с тем, чтобы точнее определить пограничную линию, разделяющую Вирджинию и Северную Каролину. Беглые зарисовки дикой природы, встреч с индейцами, наполовину одичавшими белыми, дикими животными и описание всевозможных трудностей, с которыми пришлось столкнуться цивилизованному джентльмену, делают эти путевые записки очень американской и очень южной по духу книгой. Он насмехается над первыми вирджинскими колонистами: «Числом их около ста, и большинство из них — отпрыски благородных кровей, пришедшиеся дома не ко двору», подшучивает над жителями Джеймстауна, которые, «как истинные англичане, выстроили церковь, цена которой вряд ли более 50 фунтов, и таверну стоимостью 500 фунтов». Сочинения Бирда — прекрасный пример очарованности южан материальным миром: в них говорится о землях, индейцах, растительности, животных и поселенцах.

Роберт Беверли (ок. 1673–1722 гг.)

Роберт Беверли, богатый плантатор, как и Бирд, написал «Историю и настоящее штата Виргиния» (1705, 1722 гг.), воссоздающую прошлое колонии. Книга написана энергичным, простым и ясным стилем. Как и Бирд, автор восторгается индейцами и мимоходом рассказывает о странных предрассудках европейцев, касающихся Виргинии — так, они убеждены, «что все, приехавшие в эту страну, превращаются в негров». Он отмечает чрезвычайное гостеприимство южан — черту, сохранившуюся в них до сего дня.

Юмористические сатиры, бичующие, призвав на помощь иронию, мудрость или насмешку, людские глупости и пороки, — не редкость в литературе колониального Юга. Так группа разгневанных поселенцев создает

памфлет «Истинное историческое повествование о колонии Джорджия» (1741 г.), направленный против генерала Джеймса Олеторпа, основателя благотворительного общества в Джорджии. Они притворно превозносят его за то, что он держит население в нищете, заставляя его трудиться до изнеможения, так что жители вынужденно развивают в себе «столь ценную добродетель, как смирение», и остерегаются «желать чего-либо большего».

Озорная сатирическая поэма «Хмельной торговец табаком» высмеивает нравы колонии Мэриленд. Автор поэмы, англичанин Эбнезер Кук пытался заняться в Мэриленде торговлей табаком, но потерпел фиаско. Кук с вдохновенным юмором описывает косность местной жизни и обвиняет колонистов в том, что они надували его. Поэма заканчивается яростным проклятием: «Господень гнев да обратит в пустыню эти земли, / где всяк мужчина плут, а женщины все — ведьмы».

Рассматривая литературу колониального Юга как целое, легко проследить ее связь с галантной, реалистичной, открытой мировым влияниям и тяготеющей к информативности традицией. Подражая английской литературной моде, южане достигли непревзойденных высот в том, что касается точного и меткого описания своеобразных условий Нового Света.

Олаудах Эквиано (Густавус Васса) (ок. 1745—ок. 1797 гг.)

В колониальный период сформировалось несколько крупных писателей негритянского происхождения, среди них — Олаудах Эквиано и Джупитер Хэммон. Эквиано, принадлежащий к народу ибо и родившийся в Нигере (Западная Африка), был первым из американских негров, написавших автобиографию, — «Занимательное повествование о жизни Олаудаха Эквиано, или Густавуса Вассы» (1789 г.). В этой книге — самом раннем произведении повествовательного жанра, вышедшем из-под пера раба, — Эквиано рассказывает о своей родине, ужасах и жестокостях плена и рабства в Вест-Индии. Обращенный в христианство, Эквиано сетует на жестокое «нехристианское» обращение с ним — этот мотив будет звучать у афро-американских авторов на протяжении столетий.

Джупитер Хэммон (ок. 1720—ок. 1800 гг.)

Черный американский поэт Джупитер Хэммон, раб из Лонг-Айленда, штат Нью-Йорк, известен своими религиозными стихами и «Обращением к неграм штата Нью-Йорк» (1787 г.), в котором он отстаивает требования освобождения детей рабов, протестуя против того, чтобы они по наследству получали от своих родителей статус рабов. Его поэма «Вечерние размышления» была первым стихотворным произведением, опубликованным в Америке негром.

ГЛАВА

2

ЗАРОЖДЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ И ПИСАТЕЛИ ПЕРИОДА ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ (1776–1820 гг.)

Война против Англии за независимость Северной Америки (1775–1783 гг.), отличавшаяся особым накалом борьбы, стала первой современной освободительной войной против колониального господства. Завоевание независимости Северной Америкой казалось многим знаменем божьим, указывающим на то, что ей уготована великая судьба. Военная победа породила в стране надежды на появление в ней новой великой литературы. Однако, если не считать выдающихся политических трудов, за годы революции и в ближайший послереволюционный период вышло в свет мало сколь-нибудь значительных литературных произведений.

В Англии американские книги подвергались суровой критике. Американцам было больно сознавать свою чрезмерную зависимость от образцов английской литературы. Стремление к созданию собственной самобытной литературы приобрело в стране характер всеобщего наваждения. Вот что писал по этому поводу в 1816 г. редактор одного из американских журналов: «Зависимость представляет собой состояние деградации, чреватое позором, и зависеть от чужого ума в том, с чем мы в состоянии справиться сами, значит добавлять к такому преступлению, как праздность, еще один недостаток — глупость».

В отличие от революций, осуществляемых с помощью военной силы, культурные революции не поддаются успешному навязыванию, а возникают на почве обмена опытом. Революции являются выражением души народа; они постепенно вырастают из нового мироощущения и накопленного опыта. Америке понадобился 50-летний опыт исторического развития для того, чтобы добиться культурной независимости и дать миру первое поколение великих американских писателей — Вашингтона Ирвинга, Джеймса Фенимора Купера, Ральфа Уолдо Эмерсона, Генри Дэвида Торо, Германа Мелвилла, Натаниэля Готорна, Эдгара Аллана По, Уолта Уитмена и Эмили Дикинсон. Процесс обретения Америкой независимости в области литературы замедлялся ее затянувшимся отождествлением с английской традицией, чрезмерным подражанием английским или классическим литературным образцам и трудными экономическими и политическими условиями, тормозившими развитие издательского дела.

Несмотря на свой истинный патриотизм, писатели периода борьбы за независимость по необходимости

оказывались робкими. Они так и не смогли обрести себя в своем американском мироощущении. Колониальные писатели революционного поколения рождались англичанами, достигали зрелости как английские граждане и придерживались образа мышления, стиля одежды и манеры поведения, характерных для англичан. Их родители, бабушки и дедушки и все друзья были англичанами (или европейцами). Кроме того, американцы по-прежнему отставали от англичан в области понимания литературных тенденций, и это отставание лишь усиливало подражательность американской литературы. В Америке все еще охотно подражали английским писателям неоклассического направления, таким как Джозеф Аддисон, Джонатан Свифт, Александр Поуп, Оливер Голдсмит и Сэмюэл Джонсон, несмотря на то, что прошло уже пятьдесят лет с тех пор, как они были в зените славы в Англии.

Более того, головокружительные планы создания новой страны побуждали талантливых и образованных людей заниматься политикой, правом и дипломатией. Именно на этом поприще можно было снискать себе честь и славу и добиться прочного материального положения. Писательство же не приносило дохода. У первых американских писателей, теперь оторванных от Англии, по сути дела не было современных издателей, читательской аудитории и достаточной правовой защиты. Редакторская помощь, распространение книг и их реклама находились в зачаточном состоянии.

До 1825 г. большинство американских авторов сами платили издателям за опубликование своих работ. Совершенно очевидно, что только люди, имеющие много свободного времени и не зависящие от заработка, такие как Вашингтон Ирвинг и нью-йоркская группа Никербокера или группа коннектикутских поэтов, известная под названием «Хартфордские остроумцы», могли позволить себе стать писателями. Исключение составлял лишь Бенджамин Франклин, который, будучи выходцем из бедной семьи, имел профессию печатника и потому мог сам издавать свои произведения.

Более типичным представителем писателя того времени был Чарльз Брокден Браун. Автор нескольких интересных романов, написанных в готическом стиле, Браун стал первым американским писателем, пытавшимся зарабатывать на жизнь литературным трудом. Однако он кончил свою короткую жизнь в нищете.

Другую проблему представляло собой отсутствие читательской аудитории. Небольшая культурная аудитория в Америке отдавала предпочтение известным европейским авторам, отчасти потому, что в бывших колониях с преувеличенным уважением относились к своим предыдущим хозяевам. Подобное пристрастие к английским авторам не было лишено смысла, если принять во внимание низкое качество американской литературной продукции. Однако это лишь усугубляло создавшееся положение, лишая американских авторов читательской аудитории. Оплачивался только журналистский труд, но массовый читатель требовал легких, непритязательных стихов и коротких очерков на актуальную тему, а не больших или экспериментальных журналистских работ.

Самую очевидную причину застоя в литературе, видимо, составляло отсутствие надлежащих законов об авторском праве. Американские издатели, выпускавшие в свет пиратские издания ходких книг, разумеется, не хотели платить тому или иному американскому автору за неизвестный материал. Поначалу незаконное переиздание иностранных книг рассматривалось как услуга, оказываемая колониям, а также как источник прибыли для таких издателей, как Франклин, который переиздавал произведения классиков и великие европейские книги с целью просвещения американской общины.

По всей Америке издатели пошли по его стопам. Встречались случаи вопиющего пиратства в издательском деле. Один из ведущих американских издателей Мэтью Кэри платил своему лондонскому агенту — своеобразному литературному шпиону — за то, что тот на быстроходных судах, способных за месяц покрыть расстояние от Англии до Америки, отправлял ему страницы несброшюрованных книг или даже их корректуру. Люди Кэри обычно выходили в море, с тем чтобы встречать прибывающие суда в гавани и как можно скорее отправлять краденные книги в типографию, где наборщики делили их на части и, разбившись на смены, работали круглосуточно. Для воспроизведения подобных книг достаточно было суток, и эта пиратская продукция попадала на полки американских книжных магазинов почти так же быстро, как законные издания этих книг — в книжные магазины Англии.

Поскольку импортные законные издания стоили дороже пиратских и не могли конкурировать с ними, сложившееся в Америке положение в области авторского права наносило ущерб не только американским писателям, но и таким иностранным авторам, как Вальтер Скотт и Чарльз Диккенс. Однако ко времени появления на рынке пиратских изданий их произведений иностранные писатели по крайней мере уже получили за них деньги от своих первоначальных издателей и пользовались известностью. Американцам же, например, Джеймсу Фенимору Куперу, не только не удавалось добиться достойной оплаты своего литературного труда, но и приходилось страдать от того, что у них под носом продавались пиратские издания их собственных произведений. Уже через месяц после своего появления «Шпион» (1821 г.), первая книга, принесшая Куперу успех, была самовольно выпущена в свет четырьмя различными издателями.

По иронии судьбы закон об авторском праве от 1790 г., разрешавший самовольное издание литературных произведений, носил националистский характер. Этот закон, проект которого был разработан великим лексикографом Ноем Уэбстером, впоследствии составившим «Американский словарь английского языка», защищал лишь произведения американских авторов; тогда считалось, что английские писатели должны сами позаботиться о себе.

При всем несовершенстве упомянутого закона ни один из ранних издателей не хотел вносить в него никаких изменений, поскольку он служил их выгоде. Пиратство в области издательской деятельности привело к тому, что первому поколению американских писателей периода борьбы за независимость приходилось жить впроголодь; неудивительно поэтому, что на следующее поколение американских писателей приходится еще меньше достойных произведений. Пик пиратства в издательском деле (1815 г.) совпадает с периодом самого низкого уровня развития американской литературы. Тем не менее, бурный и дешевый приток в новую страну самовольно изданных иностранных книг в течение первых 50 лет ее существования многому научил американцев, включая первых великих писателей, которые стали появляться в ней где-то в 1825 г.

АМЕРИКАНСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Американское Просвещение XVIII века представляло собой общественное течение, цели которого заключались в замене традиции рациональным подходом, абсолютных религиозных догм — научным поиском и монархии — представительной властью. Мыслители и писатели Просвещения отстаивали идеалы справедливости, свободы и равенства, считая их неотъемлемыми правами человека.

Бенджамин Франклин (1706–1790 гг.)

Бенджамин Франклин, которого шотландский философ Дэвид Хьюм назвал «первым великим литератором» Америки, олицетворяет собой идеал Просвещения — разумного начала в человеке. Практик и при этом идеалист, неутомимый труженик и преуспевающий бизнесмен, Франклин рассказал о своей молодости в ставшей широко известной «Автобиографии». Писатель, печатник, издатель, ученый, филантроп и дипломат, он стал самой известной и уважаемой личностью своего времени. Франклин был первым в Америке человеком, выбившимся из низов, бедным демократом, родившимся в аристократический век, который помог сделать более свободным своим собственным примером.

Франклин представлял собой иммигранта второго поколения. Его отец-пуританин, работавший свечным мастером, в 1683 г. приехал из Англии в Бостон, штат Массачусетс. Жизнь Франклина являет собой яркий пример того, какое влияние оказывает Просвещение на одаренного человека. Самоучка, проштудировавший Джона Локка, Лорда Шафтсбери, Джозефа Аддисона и других писателей Просвещения, Франклин научился у них применять разумное начало к своей собственной жизни и порывать с традициями — в частности, с устаревшей пуританской традицией, — когда они грозили разрушить его идеалы.

В молодости он изучил ряд иностранных языков, много читал и стал публицистом. Переехав из Бостона в Филадельфию, штат Пенсильвания, Франклин уже не уступал в образованности представителям высших классов. Он также обладал типичными для пуритан качествами — способностью к упорному и добросовестному труду, постоянным самоанализом и неустанным стремлением к самосовершенствованию. Эти качества неуклонно вели его к богатству, всеобщему уважению и почету. Франклин никогда не руководствовался корыстными помыслами и помогал другим простым людям добиться успеха, делясь своими мыслями и положив начало сугубо американскому литературному жанру — книгам из серии «Помоги себе сам».

В 1732 г. Франклин стал писать свой «Альманах бедного Ричарда», который издавал на протяжении многих лет. Альманах принес ему богатство и широкую известность в колониях. В этом ежегоднике, где помещались напутствия, полезные советы и фактические сведения, забавные персонажи, такие как отец Абрахам или бедный Ричард, воспитывали читателя с помощью лаконичных, выразительных, поучительных и незабываемых афоризмов. В трактате «Путь к богатству», впервые появившемся в упомянутом альманахе, отец Абрахам, «добропорядочный старик с белоснежными волосами», пространно цитирует бедного Ричарда. «Умный понимает с полуслова», говорит Абрахам. «Кто рано ложится и рано встает, здоровье, богатство и ум наживет». Бедный Ричард — психолог («Трудолюбие платит долги, а отчаяние приумножает их»). Кроме того, он проповедует упорный труд («Терпенье и труд все перетрут»). «Не ленись, — советует он, — ибо сделанное сегодня станет завтра вдвое дороже». Иногда он сочиняет нравоучительные истории, чтобы яснее выразить суть: «Бывает, что и малая небрежность ведет к большой беде... не хватило гвоздя — пропала подкова... не хватило подковы — пропала лошадь, не хватило лошади — пропал всадник — враги догнали его и убили, а все оттого, что не позаботились о подковном гвозде». Франклин гениально умел скупыми словами передавать мораль: «Один порок обходится дороже двух добродетелей». «Малая течь большой корабль топит». «Умные используют дураков».

«Автобиография» Франклина частично представляет собой еще одну книгу из серии «Помоги себе сам». Написанная им для наставления собственного сына, она охватывает лишь молодые годы жизни писателя. Пользующийся наибольшей известностью раздел книги посвящен составленной автором научной схеме самосовершенствования. В нем Франклин приводит перечень из 13 добродетелей: умеренность, молчание, порядок, твердость характера, бережливость, трудолюбие, искренность, чистота, уравновешенность, непорочность, покорность и скромность. Он раскрывает содержание каждой из них с помощью афоризма; так, например, умеренность сопровождается следующим афоризмом: «Не ешь до отупения, не пей до возбуждения». Ученый-прагматик Франклин решил испытать на себе идею самосовершенствования.

Для того, чтобы выработать в себе навыки достойного поведения, Франклин придумал своеобразную записную книжку многократного использования, куда в хро-

нологическом порядке заносил сведения о том, как он работал над собой. Каждую неделю он старался утвердить в своем характере какую-то одну добродетель, и если ему что-либо не удавалось, отмечал все свои промахи черным цветом. Его теория явилась прототипом психологического бихейвиоризма, а метод, применявшийся им в процессе создания своей системы обозначения, предвосхитил модификацию современного поведения. В проекте работы над собой Франклина сочетаются присущая Просвещению вера в возможность совершенствования человека и пуританская привычка к нравственному самоанализу.

Франклин рано понял, что профессия литератора предоставляет ему самые широкие возможности популяризации его идей, и поэтому намеренно совершенствовал гибкий стиль своей прозы. Однако Франклин не считал улучшение литературного стиля самоцелью, а рассматривал его лишь как средство. «Когда пишешь, подражай образованным. Когда говоришь, подражай простому народу». Выступая в качестве ученого, он следовал рекомендациям Королевского (научного) общества, в 1667 г. советовавшего людям науки «говорить четко, прямо и естественно; пользоваться понятными выражениями, правильно употреблять слова и проявлять легкость изложения, присущую носителю языка, по возможности добиваясь математической точности определения всех вещей и явлений».

Несмотря на свои богатство и славу, Франклин никогда не отступал от своего демократического мироощущения. Он сыграл большую роль в работе конвента 1787 г., на котором был разработан проект Конституции США. Позднее Франклин занял пост президента ассоциации по борьбе с рабством. Одним из последних этапов общественной деятельности этого человека стало содействие созданию национальной системы всеобщего образования.

Гектор Сент-Джонде Кревкер (1735–1813 гг.)

Другим выдающимся представителем Просвещения является Гектор Сент-Джон де Кревкер, «Письма американского фермера» которого (1782 г.) позволили европейцам получить наглядное представление о том, какие широкие возможности для мирного развития, накопления богатства и гордости за свою страну открывает Америка. Кревкер не был ни американцем, ни фермером, но именно он, этот французский аристократ, воздал хвалу колониям за трудолюбие, терпимость и растущее процветание. В своих 12 письмах он охарактеризовал Америку как рай для сельских хозяев, и его представление об этой стране стало источником вдохновения для Томаса Джефферсона, Ральфа Уолдо Эмерсона и многих других литераторов. Это произведение придает творческую силу и писателям наших дней.

Кревкер стал первым европейцем, обратившим серьезное внимание на Америку и раскрывшим характер нового американца. Именно ему принадлежит первенство в создании обобщающего образа этой страны — «гигантского тигля», в котором перемешались многие национальности. В одном из получивших широкую известность отрывков из 12 писем Кревкер задается вопросом:

«Так кто же он американец, этот новый человек? Он представляет собой европейца или потомка европейца; отсюда столь необычное смешение национальностей, которого вы не найдете ни в одной другой стране. Я бы мог указать вам на семью, где дед был англичанином, имевшим жену голландского происхождения и сына, женившегося на француженке, которая родила ему четырех ныне здравствующих сыновей, взявших в жены женщин различных национальностей... Здесь представители разных народов смешались в новый род человеческий, чей труд и потомство когда-нибудь изменят мир».

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМФЛЕТ:

Томас Пейн (1737–1809 гг.)

Энтузиазм литературы периода борьбы за независимость нашел свое отражение в памфлетах, являвшихся самой популярной формой политической литературы того времени. В этот период было опубликовано более 2000 памфлетов. Они приводили в восхищение патриотов и представляли собой угрозу лоялистам; памфлеты служили своего рода драматическими произведениями, поскольку их часто публично зачитывали для того, чтобы наэлектризовать аудиторию. Американские солдаты читали их вслух в лагерях; сторонники английского владычества на глазах у всех разводили из них костры.

Сто тысяч экземпляров памфлета Томаса Пейна «Здравый смысл» были распроданы в первые три месяца после его публикации. Он и теперь приводит в волнение читателей. «Дело Америки во многом является делом всего человечества», писал Пейн, выражая идею американской исключительности, которая до сих пор пользуется большой популярностью в США. Она заключается в том, что, поскольку Америка представляет собой эксперимент в области демократии, страну, теоретически открытую всем иммигрантам, в определенном, основополагающем смысле судьба Америки предвосхищает судьбу всего человечества.

В демократическом обществе политическая публика должна быть ясной. Только в этом случае она сможет привлечь к себе внимание избирателей. Для того, чтобы иметь хорошо информированных избирателей, многие из отцов-основателей выступали за введение всеобщего образования. Одним из проявлений активной, хотя и не отличавшейся особой утонченностью, литературной жизни стал рост газетного дела. В период борьбы за независимость в Америке читалось больше газет, чем в какой-либо другой стране мира. Наличие иммиграции также диктовало им простоту стиля. Ясность имела очень большое значение для новоприбывших, у которых английский мог быть вторым языком. Проект Декларации независимости, написанный Томасом Джефферсоном, ясен и логичен. Однако работавший при нем комитет внес в этот документ изменения, сделавшие его еще проще. «Записки федералиста», написанные в поддержку Конституции, также представляют собой понятные, логически построенные доводы, пригодные для обсуждения в демократическом обществе.

НЕОКЛАССИЦИЗМ: ЭПОС, ЭПИЧЕСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В КОМИЧЕСКОМ СТИЛЕ И САТИРА

К сожалению, «литературные» произведения не были столь простыми и прямолинейными, как политическая публицистика. В своем поэтическом творчестве большинство образованных авторов скатывалось в болото изысканного неоклассицизма. В частности, плохую службу им сослужил эпос. Патриоты американской литературы были уверены в том, что великую борьбу за независимость в Северной Америке можно выразить только в эпической поэме, представлявшей собой пространное, написанное напыщенным слогом, преувеличенно эмоциональное произведение, в котором воспеваются подвиги того или иного легендарного героя.

Многие писатели пытались подтвердить свою уверенность на практике, но ни одному из них не удалось сделать этого. В качестве примера можно привести Тимоти Дуайта (1752–1817 гг.), который входил в литературную группу, известную под названием «Хартфордские остроумцы». Дуайт, впоследствии ставший президентом Йельского университета, построил свою эпическую поэму «Завоевание Ханаана» (1785 г.) на библейском описании борьбы Иисуса Навина за право ступить на землю обетованную. Дуайт прибегнул к аллегории и изобразил командующего американской армией и будущего президента США генерала Вашингтона в образе Иисуса Навина, а форму рифмованного двустопия взял из переводов произведений Гомера, сделанных Александром Поупом. Эпическая поэма Дуайта была столь же скучна, сколь претенциозна. Английские критики разнесли ее в пух и прах; она не произвела впечатления даже на друзей Дуайта, таких как Джон Трамбул (1750–1831 гг.). В мелодраматических сценах сражений противники так рьяно метали громы и молнии, что Трамбул предложил поставить в поэме громоотводы.

Неудивительно поэтому, что сатирическая поэзия пользовалась гораздо большей популярностью, чем серьезные стихи. Иерокомический жанр побуждал американских поэтов петь своим голосом и не затыгивал их в трясины претенциозных и предсказуемых патриотических чувств и безликих условных поэтических эпитетов, заимствованных через английских стихотворцев у греческого поэта Гомера и римского поэта Вергилия.

В литературных произведениях в иерокомическом стиле, таких как полный здорового юмора «Мак Фингал» (1776–1782 гг.) Джона Трамбула, стилизованные чувства и избитая фразеология становятся объектом умелой сатиры, а также высмеивается само высокопарное красноречие Революции. В своей сатирической поэме, построенной по образцу «Гудибраса» английского поэта Сэмюэла Батлера, Трамбул издевается над тори Маком Фингалом. Сатира в ней часто носит отточенный характер. Примером может служить замечание о заключенных в тюрьму преступниках, которых ждет виселица:

Когда на казнь тебя ведут,
Хвалить не станешь правый суд.

(Пер. В. Немодрука)

За пятидесятилетний период поэма «Мак Фингал» выдержала более 30 изданий и была по достоинству оценена как в Англии, так и в Америке. Сатира нравилась революционно настроенной аудитории еще и потому, что затрагивала различные аспекты жизни общества и критиковала его недостатки, а политические темы и социальные проблемы составляли в то время злобу дня. В «Контрасте» Ройала Тайлера (1757–1826 гг.), первой американской комедии, поставленной на сцене (1787 г.), с юмором противопоставляются друг другу офицер американской армии полковник Мэнли и подражающий английской моде Димпл. Совершенно естественно, что автор высмеивает последнего. В лице персонажа по имени Джонатан в этой пьесе впервые выведен образ янки.

Другое сатирическое произведение, роман «Современное рыцарство», печатавшийся по частям Хью Генри Брэккенриджем с 1792 по 1815 г., представляет собой незабываемую язвительную пародию на крайности того времени. Прототипом огромного плутовского романа Брэккенриджа (1748–1816 гг.), шотландского иммигранта, детство которого прошло в американском «фронтире», послужил «Дон Кихот»; в «Современном рыцарстве» рассказывается о злоключениях капитана Фарраго и его бестолкового и неотесанного, но по-человечески привлекательного слуги Тига О'Ригана.

ПЕВЕЦ АМЕРИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Филип Френо (1752–1832 гг.)

Одному из поэтов, Филипу Френо, удалось воплотить в своем творчестве новый подъем европейского романтизма и при этом уйти от подражательности и расплывчатой универсальности «Хартфордских остроумцев». Причину его успехов и неудач следует искать в его страстной приверженности духу демократии, которая сочеталась в нем с несгибаемой волей.

В произведениях «Хартфордских остроумцев», каждый из которых несомненно был патриотом, отразилась общая консервативность просвещенных классов в области культуры. Френо выступил против этого пережитка старого мышления тори, выражая недовольство «писаниями аристократической, склонной к абстрактному теоретизированию группы в Хартфорде, направленными на защиту монархии и сословных различий». Несмотря на то, что Френо получил прекрасное образование и знал классиков не хуже любого из «Хартфордских остроумцев», он отстаивал дело свободы и демократии.

Будучи выходцем из семьи гугенотов (французских протестантов-радикалов), Френо в период борьбы за независимость в Северной Америке сражался в рядах милиционной армии. В 1780 г. он попал в плен и некоторое время провел на двух английских кораблях, служивших плавучими тюрьмами. Там Френо был близок к смерти. Однако семье поэта удалось добиться его освобождения. В своей поэме «Британский тюремный корабль» Френо резко обличает зверства англичан, которые хотели «мир кровью запятнать». Эта поэма и другие революционные произведения поэта, включая «Источники Юто», «Американская свобода», «Литания

политикам», «Полночный совет», «Монолог Георга III», снискали ему славу «певца Американской революции».

На различных этапах своей деятельности Френо редактировал ряд газет и журналов. При этом он никогда не изменял великому делу борьбы за демократию. Когда в 1791 г. Томас Джефферсон помог ему основать боевую, антифедералистскую газету «Нэшнл газетт», Френо стал первым сильным, активно участвующим в общественных компаниях редактором в Америке и предшественником Уильяма Каллена Брайента, Уильяма Ллойда Гаррисона и Генри Луиса Менкена.

Поэт и редактор Френо отстаивал свои демократические идеалы. Его популярные поэмы, печатавшиеся в газетах, предназначенных для рядового читателя, посвящены различным аспектам американской жизни. В «О пользе табака» описывается табачная фабрика, построенная на американской земле, которую автор считает одним из оплотов экономики Юга, а в «Кувшине рома» воздается хвала спиртному напитку с Вест-Индских островов, ставшему одним из основных товаров в нарождающейся американской торговле и ведущей статьей экспорта Нового Света. Героями «Кормчего Гаттераса» и поэм, посвященных врачам-шарлатанам и напыщенным евангелистам, являются рядовые американцы.

Творчество Френо отличается естественной, разговорной манерой повествования, соответствующей истинной демократии. Однако он владел и высоким, утонченным стилем, характерным для лирики неоклассицистов, которым пользовался в таких часто включаемых в антологию американской литературы произведениях, как наполненная благоуханием родной земли «Дикая жимолость» (1786 г.). Только в эпоху «американского Ренессанса», начавшуюся в двадцатых годах XIX столетия, американской поэзии удалось превзойти высочайший художественный уровень, достигнутый Френо сорока годами раньше.

В эти ранние годы была заложена дополнительная основа последующих достижений в области литературы. Подъем национального духа послужил издателем источником вдохновения для выпуска в свет трудов, воздающих должное всему американскому и в других, самых разных областях. Ной Уэбстер (1758–1843 гг.) составил «Американский словарь английского языка», а также школьную хрестоматию и сборник упражнений по правописанию. С момента своего первого издания его «Орфографический словарь» разошелся тиражом свыше 100 миллионов экземпляров. Исправленные и дополненные словари Уэбстера и в наше время являются образцом этого вида справочной литературы. Еще одним крупным шагом на пути развития подобной литературы явилось издание «Американской географии» Джедидии Морзе, способствовавшей росту знаний об огромной и растущей американской стране. Несмотря на то, что не все написанное колонистами и исследователями можно отнести к литературному творчеству, некоторые из их трудов являются самыми интересными материалами этого периода. В качестве примера можно привести дневники Мериветера Льюиса (1774–1809 гг.) и Зебулона Пайка (1779–1813 гг.), которые вели записи во время экспедиций по территории

Луизианы, обширного района Североамериканского континента, который Томас Джефферсон в 1803 г. купил у Наполеона.

МАСТЕРА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

Темой первых значительных прозаиков, получивших в наши дни широкое признание (Чарльз Брокден Браун, Вашингтон Ирвинг и Джеймс Фенимор Купер), стала жизнь Америки, ее исторические перспективы, происходящие в ней великие перемены и тоска по ее уходящему прошлому. Эти писатели работали в различных жанрах художественной прозы, создавали ее новые формы и находили ранее не известные способы зарабатывать на жизнь литературным трудом. Они возбудили интерес к американской литературе, которая получила признание в США и за рубежом.

Чарльз Брокден Браун (1771–1810 гг.)

Источником вдохновения Чарльза Брокдена Брауна, ставшего, как отмечалось выше, первым американским писателем-профессионалом, послужили английские прозаики Анна Радклифф и Уильям Годвин. (Радклифф приобрела известность как автор готических романов ужасов; романист и сторонник социальных реформ Годвин был отцом Мэри Шелли, которая написала «Франкенштейна» и вышла замуж за английского поэта Перси Биши Шелли).

Подстрекаемый бедностью Браун начал писать очень быстро и за два года сочинил четыре «населенных» призраками романа: «Виланд» (1798 г.), «Артур Мервин» (1799 г.), «Ормонд» (1799 г.) и «Эдгар Хантли» (1799 г.). В них он разрабатывал жанр американского готического романа, пользовавшегося в то время большой популярностью. В таких «черных романах», или «романах ужасов», действие обычно разворачивалось в экзотических и пустынных местах и оказывало сильное воздействие на психику читателя, заставляя его пребывать в постоянном напряжении. Неизменными атрибутами подобных романов являются разрушенные замки или монастыри, привидения, глубокие тайны, злодеи и одинокие девушки, которым благодаря уму и силе духа удается спасти свою жизнь. В лучшем случае эти романы наряду с глубоким проникновением в душу человека в минуты ее крайнего напряжения могут поддерживать интерес и взволнованность читателя, как бы завораживая его магией повествования. По мнению ряда критиков, готическое мироощущение Брауна объясняется его глубокой обеспокоенностью несовершенством общественных институтов новой страны.

Романы Брауна ясно указывают на то, что их действие происходит в Америке. Являясь человеком широких взглядов, он развивал в своих произведениях научные теории, создал собственную теорию художественной прозы и отстаивал высокий уровень литературного творчества. Несмотря на свое крайне тяжелое материальное положение, Браун никогда не поступался своими художественными принципами. Его произведения не свободны от недостатков, но в них чувствуется большая скрытая сила. В настоящее время Брауна все больше считают предшественником таких писателей-романтиков, как Эдгар Аллан По, Герман Мелвилл и Натаниэль Готорн. В творчестве Чарльза Брокдена Брауна

отразился его неосознанный страх перед тем, что внешне полный оптимизма период Просвещения ушел в подполье.

Вашингтон Ирвинг (1789–1859 гг.)

Вашингтону Ирвингу, младшему из 11 детей одного из удачливых нью-йоркских торговцев, наряду с Бенджамином Франклином и Натаниэлем Готорном суждено было стать своего рода культурным и дипломатическим полпредом Америки в Европе. Несмотря на свой талант, Ирвингу, пожалуй, так и не удалось бы стать писателем, зарабатывавшим на жизнь только литературным трудом, если бы случай не позволил ему избрать писательство своей профессией. Друзья помогли Ирвингу одновременно издать в Англии и Америке его «Книгу эскизов» (1819–1820 гг.) и получить на нее авторские права в обеих странах.

В «Книгу эскизов Джоффри Крейна» (псевдоним Ирвинга) вошли два его самых известных рассказа «Рип ван Винкль» и «Легенда о сонной лощине». Слово «эскиз» метко характеризует тонкий, элегантный и в то же время как будто бы небрежный стиль Ирвинга, а английское слово «крейн» (пастель) указывает на умение этого писателя быть колористом, т.е. передавать на полотне страницы все богатство приглушенной палитры и эмоциональную окраску своего литературного стиля. Ирвинг превращает горы Катскилл, протянувшиеся вдоль реки Гудзон к северу от Нью-Йорка, в потрясающий, волшебный край.

Американские читатели с благодарностью приняли созданную воображением Ирвинга «историю» гор Катскилл, несмотря на то, что он позаимствовал сюжеты своих рассказов из немецкого источника (факт, не известный американской читательской аудитории). Ирвинг дал Америке нечто такое, чего ей очень не доставало в первые годы своего независимого существования, отмеченные стремлением к наживе и грубым материализмом, — романтическое отношение к этой новой стране.

Ирвинг был единственным писателем, которому удалось столь убедительно очеловечить американскую страну — придумать ей имя, придать определенные черты ее лицу и подобрать для нее романтические одежды легенд. История Рип ван Винкля, проспавшего 20 лет и после пробуждения обнаружившего, что колонии добились независимости, с годами приобрела поистине народный характер. Ее ставили на сцене и передавали из уст в уста. Постепенно она стала подлинно народной легендой для многих поколений американцев.

Вашингтон Ирвинг первым обнаружил, что эта еще очень молодая нация начинает проявлять интерес к своей истории, и помог американцам удовлетворить его. Многочисленные произведения Ирвинга можно рассматривать как вдохновенную попытку воссоздать душу этой новой нации путем оживления в памяти полнокровной, романтической и невероятной истории Америки. В качестве объекта своего творчества он выбирал самые волнующие аспекты американской истории: открытие Нового Света, жизнь первого президента и национального героя страны и освоение Запада. Первым произведением Ирвинга стала искрометная, полная сатиры «История Нью-Йорка» (1809 г.), нахо-

дившегося под голландским владычеством, якобы написанная Дидрихом Никербокером (фамилию этого литературного персонажа использовали в названии своей группы – «Школа Никербокера» – дружившие с Ирвингом несколько нью-йоркских писателей того времени).

Джеймс Фенимор Купер (1789–1851 гг.)

Подобно Ирвингу Джеймс Фенимор Купер в своих произведениях воскрешал прошлое, придавая ему конкретные черты и создавая запоминающиеся литературные персонажи из американской жизни, относящиеся к тому времени. Однако у Купера читатель находит мифическое изображение золотого века и горечь его утраты. Если Ирвинг и другие американские писатели, включая его предшественников и последователей, «колесили» по Европе, в поисках ее преданий, замков и широких тем, Куперу удалось понять, в чем состоит основной миф Америки – в ошибочном представлении о том, что эта страна неисчерпаема, как дикая природа. Вся история Америки – это злоупотребление вечным; европейская история в Америке свелась к воспроизведению первородного греха в райском саду. В природном цикле рассматривался только акт разрушения. Дикая природа исчезала у американцев прямо на глазах, как мираж рассеиваясь перед идущими на Запад пионерами. Именно таково основное, трагическое отношение Купера к парадоксальному разрушению дикой природы, этого нового рая, который в первую очередь и привлек в Америку колонистов.

Личный опыт позволил Куперу дать яркую картину освоения новых земель, а также живо и красочно писать на другие темы, такие как морские путешествия или столкновение людей различных культур. Он родился в семье квакеров и вырос в уединенном имении своего отца, расположенном на берегу озера Отсега (теперь здесь находится поселок Куперстаун) в центральной части штата Нью-Йорк. Несмотря на то, что во времена детства писателя жизнь там протекала сравнительно мирно, однажды этот район стал местом массового истребления индейцев. Юного Фенимора Купера окружала почти феодальная обстановка. Его отец, судья Купер, был землевладельцем и одним из лидеров федералистской партии. Еще мальчиком будущий писатель видел у озера Отсега колонистов и индейцев; позднее, когда Купер стал уже более взрослым, белые смельчаки колонисты вторглись на его землю.

В созданном Купером знаменитом литературном персонаже Натти Бампо отразились представления писателя о колонисте как о джентльмене, «прирожденном аристократе» джефферсоновского типа. Еще в 1823 г. в романе «Пионеры» Купер приступил к созданию образа Бампо. Натти является первым в американской литературе широко известным персонажем, воплощающим в себе характерные черты колониста, и литературным предшественником бесконечных храбрых ковбоев и героев лесных дебрей. Это – идеализированный образ честного индивидуалиста, по своим человеческим качествам стоящего выше того общества, которое он защищает. Бедный и одинокий, но чистый душой, он является эталоном этических ценностей и предвосхищает Билли Бадда Германа Мелвилла и Гека Финна Марка Твена.

Частично основанный на реальных событиях жизни американского пионера Даниэла Буна, который подобно Куперу был квакером, Натти Бампо, такой же необыкновенный житель лесных дебрей, как и Бун, вел мирную жизнь. Из милости его взяло к себе племя индейцев. Сам Бун и списанный с него литературный персонаж Бампо любят природу и свободу. Они постоянно движутся на запад, чтобы спастись от приближающихся поселенцев, которых они сами привели в эти необитаемые места. Оба они в свое время стали легендой. Натти также выделяется своей скромностью, великодушием и религиозностью. Он напоминает благородного рыцаря средневековых романов, перенесенного в девственные леса и горы Америки.

Жизнь и приключения Натти Бампо связывают воедино пять романов, известных под общим названием «Эпопея о Кожаном Чулке». Являясь замечательным достижением писателя, они представляют собой монументальное эпическое произведение в прозе, посвященное событиям, разворачивающимся на Североамериканском континенте, участниками которых становятся индейские племена. Социальным фоном этого полотна служат великие войны и переселение пионеров на запад. Все пять романов воскрешают жизнь во «фронтире» Америки с 1740 по 1804 гг.

В романах Купера дается описание накатывавшихся одна за другой волн заселения пионерами новых земель: дикая местность, в которой живут индейцы; появление первых белых – разведчиков, солдат, торговцев и колонистов; приезд бедных и грубых семей пионеров и, наконец, прибытие на постоянное жительство представителей среднего класса, которые привезли с собой первых людей интеллектуальных профессий – судей, врачей и банкиров. Очередная волна смывала принесенное предыдущей: белые пришли на смену индейцам, отступившим на запад; «цивилизованные» представители среднего класса, строящие школы, церкви и тюрьмы, сменили пионеров-индивидуалистов из низшего класса, а те, в свою очередь, заняли место шедших впереди индейцев. Купер воскрешает в памяти бесконечную, неизбежную волну колонистов, видя, что она принесла с собой не только выгоду, но и потери.

В романах Купера также присутствует острая напряженность между личностью и обществом, природой и культурой, духовностью и организованной религией. Купер придает миру природы и индейцам основополагающее положительное значение. Столь же благоприятно он относится и к своим наиболее культурным персонажам, окружая их ореолом высокой цивилизованности. Промежуточные персонажи часто не вызывают у читателя симпатии. Это прежде всего относится к белым поселенцам, которым катастрофически не хватает образования и воспитания для того, чтобы должным образом оценить природу и культуру. Подобно Редьярду Киплингу, Э.М. Форстеру, Герману Мелвиллу и другим наблюдателям, чутко относившимся к взаимодействию самых разных культур, Купер был культурным релятивистом. Он понимал, что ни у одной культуры нет монополии на добродетель или совершенство.

В отличие от Ирвинга Купер признавал самобытность американских условий. Ирвинг подходил к изображению американской действительности с позиции евро-

пейца, перенося европейские предания, культуру и историю на американскую почву, соответственно приспосабливая их. Купер проявил иной подход и в своих произведениях сделал шаг вперед в передаче реалий своей страны. Он создал американское место действия и новых, явно американских героев, а также поднял чисто американские темы. Он также первым внес в американскую художественную прозу постоянно повторяющуюся трагическую ноту.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТРУД СРЕДИ ЖЕНЩИН И НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ

Если колониальный период дал Америке ряд известных писательниц, эпоха борьбы за независимость, несмотря на появление многочисленных школ, журналов, газет и литературных клубов, не способствовала развитию литературного труда среди женщин и национальных меньшинств. Писательницы колониального периода, такие как Анна Брэдстрит, Энн Хачинсон, Энн Коттон и Сара Кембл Найт оказали значительное влияние на общество и литературу, несмотря на тяжелые условия жизни и опасности того времени; из 18 женщин, прибывших в Америку в 1620 г. на судне «Мэйфлауэр», в течение первого года пребывания в этой стране выжили только четверо. В обстановке, отмеченной значимостью каждого трудоспособного человека и непостоянством условий, природный талант мог найти свое выражение. Однако, когда в новой республике культурные институты получили законный статус, из них постепенно исключили женщин и национальные меньшинства.

Филлис Уитли (ок. 1753–1784 гг.)

Принимая во внимание тяготы жизни в Америке на ранней стадии ее развития, парадоксальным является тот факт, что лучшие поэтические произведения этого периода написаны необычной рабыней. Первая значительная афро-американская писательница США Филлис Уитли родилась в Африке. Приблизительно семи лет от роду девочку привезли в Бостон, штат Массачусетс, где ее купил набожный и зажиточный портной Джон Уитли, с тем чтобы она стала компаньонкой его жены. Чета Уитли заметила её необыкновенный ум, и с помощью их дочери Мэри Филлис научилась читать и писать.

Темы стихов Уитли носят религиозный характер, а их стиль, подобно стилю Филипа Френо, является неоклассическим. В число ее самых известных стихов входят «Молодому африканскому художнику С.М. при виде его работ», стихотворение, воздающее хвалу другому молодому и талантливому представителю Африки и вдохновляющее его на новые творческие успехи, и короткое стихотворение, иллюстрирующее сильные религиозные чувства самой поэтессы в свете ее опыта обращения в христианство. Это стихотворение не устраивает некоторых современных критиков. Белые критики находят его банальным, а темнокожие недовольны тем, что в нем не выражается протеста против аморальности рабства. Однако эта работа отлича-

ется искренностью выражения чувств и мыслей; в нем автор выступает против расизма белых и утверждает духовное равенство. На самом деле, Уитли первая уверенно поставила в стихах подобные вопросы, например, в стихотворении «О переезде из Африки в Америку»:

То милость Божья меня с земли безбожной увела,
Чтоб темная душа моя вдруг поняла,
Что есть на свете Бог, чтоб я Христа узнала;
Когда-то искупления я не искала и не знала.
Порой относятся с презреньем к нашей расе:
«Их дьявол в этот черный цвет раскрасил».
Христиане, знайте, негры, что чернее Каина,
Подобно ангелам бывают душой чисты
необычайно.

(Пер. И. Гульянца)

Другие писательницы

Филологи-феминистки заново открыли ряд искусных писательниц периода борьбы за независимость в Северной Америке. Одной из первых американских романисток-профессионалок была Сюзанна Роусон (ок. 1762–1824 гг.). Среди ее опубликованных семи романов можно выделить «Храм Шарлотты» (1791 г.), представлявший собой историю соращения и пользовавшийся у читателей большой популярностью. В своем творчестве она развивала феминистские и аболиционистские темы и с уважением писала об индейцах.

Другой давно забытой романисткой является Ханна Фостер (1758–1840 гг.). В 1797 г. вышел в свет ее ставший бестселлером роман «Кокетка» о молодой женщине, разрывающейся между добродетелью и соблазном. Сначала ее отвергает возлюбленный – бездушный служитель церкви. Затем эту женщину соблазняют и бросят. У нее рождается ребенок, и она погибает в одиночестве.

Еще одна писательница, Джудит Сарджент Мюррей (1751–1820 гг.), писала свои произведения под мужским псевдонимом, чтобы добиться серьезного отношения к ним со стороны читателей. Заслуживает внимания и Мерси Отис Уоррен (1728–1814 гг.), которая была поэтессой, историком, драматургом, сатириком и патриоткой. В период, предшествовавший получению страной независимости, эта писательница у себя дома проводила собрания, призывая к освобождению от власти англичан, которых она подвергала нападкам в своих язвительных пьесах. Уоррен написала единственную современную радикальную историю борьбы за независимость в Северной Америке.

Важными документами этого периода являются письма, в частности переписка между такими женщинами, как Мерси Отис Уоррен и Абилай Адамс. Так, например, в 1776 г. в одном из писем своему мужу Джону Адамсу (впоследствии ставшему вторым президентом США), Абилай Адамс настаивала на включении в будущую конституцию США положений, гарантирующих независимость женщин.

ГЛАВА 3

ПЕРИОД РОМАНТИЗМА 1820–1860 гг.

ЭССЕИСТЫ И ПОЭТЫ

Романтизм как литературное течение возник в Германии, но быстро распространился в Англии и за ее пределами. Около 1820 г. романтизм достиг и Америки; это случилось 20 лет спустя после публикации «Лирических баллад» Уильяма Водсворта и Сэмюэля Кольриджа. Эта книга произвела переворот в английской поэзии. В Америке, так же как и в Европе, этот свежий новый взгляд на мир романтиков произвел огромное впечатление на интеллектуальную элиту США. Однако была и значительная разница: романтизм в Америке совпал с периодом экспансии, ростом национального самосознания. В литературе отчетливо зазвучали свои, национальные ноты. Формирование чувства национальной независимости, романтический пыл – все это породило шедевры «американского Ренессанса».

Романтические идеи витали в воздухе, они вдохновляли поэтов и художников. Эти идеи способствовали духовному и эстетическому познанию. Романтики утверждали, что искусство в большей степени, чем наука, способно выразить истину. Романтики подчеркивали важность искусства для человека и всего общества в целом. В своем эссе «Поэт» (1844 г.) Ральф Уолдо Эмерсон, один из самых влиятельных писателей романтизма, утверждал:

«Все люди живут по законам истины и нуждаются в способе выражения своих мыслей. В любви и в искусстве, в торговле и политике, в трудах и играх мы учимся выражать те тайные мысли, которые так мучают нас порой. Человек – это только половина самого себя; вторая его половина – это то, как он выражает свои чувства».

Развитие этого чувства стало главной темой, а постижение процесса самосознания человека – главным методом писателей-романтиков. Если, согласно теории романтизма, человеческое «я» и природа едины, то самосознание человека было не эгоистическим действием, ведущим в тупик, а способом познания, открывающим Вселенную. Если человеческое «я» составляло единое целое со всем человечеством, значит, моральный долг человека – уничтожить социальное неравенство и облегчить человеческие страдания. Идея самопознания, восприятия себя как индивидуальной, неповторимой личности для прошлых поколений звучала

эгоистично. Теперь эта мысль получила новое определение. Появились и новые слова, несущие в себе положительный смысл: «самореализация», «самовыражение», «доверие к самому себе».

Поскольку так важна стала личность человека, ее своеобразие и неповторимость, гораздо большее значение стали придавать психологии. Развивали особые методы для того, чтобы в человеке пробудить и усилить определенное психологическое состояние. Появились новые слова, например «возвышенность» – то есть эффект от созерцания величественной красоты (например, вид окрестностей с вершины горы). Это чувство вызывало благоговейное восхищение, сознание безбрежности и мощи; оно было выше человеческого разума.

Для большинства писателей романтизм был жизнеутверждающим направлением, которое могло выразить их взгляды. Огромные горы Америки, пустыни и тропики соответствовали их представлению о возвышенном. Казалось, сам дух романтизма, его идеи отвечают представлениям об американской демократии. Ведь романтизм в Америке подчеркивал индивидуализм, утверждал ценность каждого человека и вдохновенно стремился выразить эстетические и этические ценности. Безусловно, трансценденталистов Новой Англии – Ральфа Уолдо Эмерсона, Генри Дэвида Торо и их сторонников вдохновляли оптимистические и возвышенные идеи романтизма. В Новой Англии эти идеи упали на особо плодородную почву.

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМ

Трансцендентализм был движением, в котором сказалась реакция против рационализма XVIII века и выразилась общая гуманистическая тенденция развития мысли XIX века. Это движение имело в своей основе веру в единство мира и Бога. Душа каждого индивида считалась тождественной всему миру и представляла собой этот мир в миниатюре. Учение о «доверии к самому себе» и индивидуализм развивались путем убеждения читателя в том, что душа человека связана с Богом и отождествлялась с ним.

Трансцендентализм был территориально связан с Конкордом, маленьким городком в Новой Англии, который расположен в 32 км к западу от Бостона. Конкорд был одним из первых поселений колонистов штата Массачусетс. В те времена это был маленький тихий

городок, окруженный лесами. Он расположен неподалеку от Бостона, и туда можно было легко добраться, чтобы послушать лекцию в колледже или заглянуть в книжные лавки. Тем не менее, он находится вдали от крупных городов и сохранил тишину и спокойствие. Конкорд был местом первой битвы во время американской революции, и Ральф Уолдо Эмерсон написал в память об этом событии «Конкордский гимн»:

По дощатому мостику шли через бурный поток,
И свой флаг развернули навстречу апрельскому ветру.
Руки фермеров крепко сжимали приклады винтовок.
Эхо выстрелов долго гремело по белому свету.
(Пер. Е. Нестеровой)

Конкорд стал первой сельской колонией художников и писателей. Именно здесь возникла духовная и культурная альтернатива американскому материализму. Это было место, где люди вели возвышенные разговоры, но жили просто и скромно. (Так, Эмерсон и Торо с охотой работали на своих огородах.) С Конкордом наиболее тесно были связаны Эмерсон (он переехал сюда в 1834 г.) и Торо. Но это место привлекло и романиста Натаниэля Готорна, и писательницу-феминистку Маргарет Фуллер. Здесь же поселился Бронсон Олкотт, отец будущей писательницы Луизы Мей Олкотт, и поэт Уильям Эллери Чаннинг. Можно условно считать, что общество трансценденталистов образовалось в 1836 г. В разное время в него входили: Эмерсон, Торо, Фуллер, Чаннинг, Бронсон Олкотт, священник Орестес Браунсон, abolitionист и проповедник Теодор Паркер и многие другие.

Трансценденталисты выпускали журнал, выходящий раз в три месяца — «Дайэл». Этот журнал существовал в течение четырех лет. Вначале его редактором была Маргарет Фуллер, затем — Эмерсон. Их интересовали и вопросы литературы, и политические реформы в стране. Большое число трансценденталистов было abolitionистами. Некоторые из них приняли участие в экспериментальной коммуне «Брук Фарм», описанной Готорном в романе «Блитдейл».

В отличие от многих европейских групп, трансценденталисты никогда не выпускали никаких манифестов. Они настаивали на том, что все люди обладают своей индивидуальностью и эта индивидуальность неповторима. Американские трансценденталисты довели радикальный индивидуализм до крайности. Писатели Америки часто считали себя одинокими исследователями человеческого общества. Герои американской литературы (такие, как капитан Ахав Германа Мелвилла, или Гек Финн Марка Твена, или Артур Гордон Пим Эдгара По) порой находятся на грани между жизнью и смертью. Они поступают так потому, что стремятся раскрыть свою внутреннюю суть, свое «я». Ведь для американского писателя-романтика не было ничего устойчивого, ничего определенного. Литературные и социальные традиции отнюдь не помогали, более того — они были опасными. Писатели стремились создать новую литературную форму, наполнить ее новым содержанием и найти нужное звучание. Причем они стремились сделать все это одновременно. Да, американские писатели приняли вызов. Сейчас, когда мы обращаемся к шедеврам, созданным за три десятилетия до Граж-

данской войны (1861–1865 гг.), мы явно убеждаемся в их желании создать свою, национальную литературу.

Ральф Уолдо Эмерсон (1803–1882 гг.)

Ральф Уолдо Эмерсон, один из самых выдающихся людей своей эпохи, обладал сознанием своей особой, религиозной миссии. Порой его даже обвиняли в разрушении основ христианства. На это он обычно отвечал, что «дабы быть хорошим священником, необходимо покинуть церковь». В 1838 г. Эмерсон обратился с речью к студентам теологического отделения Гарварда — alma mater самого Эмерсона.

В своем эссе «О доверии к себе» Эмерсон замечает: «Глупая логичность — свойство посредственных умов». Однако сам он удивительно последователен, когда призывает к рождению американского индивидуализма. Его главные идеи следующие: необходимость нового национального видения мира, использование человеком личного опыта, понятие космической Сверхдуши и теория компенсации. Все эти идеи были изложены в его первом трактате «Природа» (1836 г.). Этот трактат начинается следующими словами:

«Наш век обращен в прошлое. Он строит склепы своим предкам. Он пишет биографии, истории, критические статьи. Прошлые поколения созерцали Бога и Природу; они смотрели в глаза друг другу. Мы же смотрим на все теперь их взглядом. Почему мы не способны наслаждаться нашей изначальной связью со Вселенной? Почему мы не можем иметь поэзию интуитивную, поэзию внутреннего видения, а довольствуемся поэзией традиционной? Где та религия, которая стала бы для нас откровением, а не только историей религий? Нас окружает могущественная природа, на смену одним временам года приходят другие. Потоки жизни бурлят и проносятся сквозь нас; своей силой они зовут нас к действию, соразмерному с силой природы. Так почему мы должны бродить на ощупь среди истлевших костей прошлого? Вот сегодня тоже ярко светит солнце, в полях все больше колосьев. Есть новые страны, новые люди, новые мысли. Так давайте займемся нашей собственной работой, нашими собственными законами, нашим собственным служением Богу».

Эмерсон любил гения парадокса и остроумия французского писателя XVI века Монтеня. Однажды он сказал Олкотту, что хотел бы, подобно Монтеню, написать книгу, «полную веселья и поэзии, дельных вещей и богословия, анекдотов и непристойностей». Эмерсон жаловался на тяжеловесный стиль Олкотта, из-за которого читатель не заметит «лучик солнца, пляшущий на шляпе прохожего, отблеск света в серебряной ложке, которую сжимает ребенок».

Высокая духовность, простая, доступная форма выражения своих мыслей, их афористичность — все это делает Эмерсона писателем веселым и радостным. Один из трансценденталистов Конкорда как-то заметил, что, слушая его, «летишь к небесам, как на качелях». Многие идеи Эмерсона берут свое начало из восточных религий — буддизма, ислама, учения Конфуция, которые писатель прилежно изучал. Например, его стихотворе-

Уильяма Батлера Йейтса, в частности, «Озерный остров Иннисфри». Эссе Торо «Гражданское неповиновение» строится на теории пассивного сопротивления. Это сопротивление объясняется моральной необходимостью для честного человека не повиноваться несправедливым законам. Эссе Торо повлияло на взгляды Мохандаса Ганди — лидера движения за независимость Индии, а также на Мартина Лютера Кинга — борца за гражданские права негров в XX в.

Сегодня Торо — наиболее привлекательная фигура из всех трансценденталистов. Мы разделяем его мысли об экологии; его идею независимости, которая требует от человека самому решать свои проблемы; его этические принципы, сделавшие Торо сторонником аболиционизма; его политическую теорию гражданского неповиновения и мирного сопротивления. Идеи Торо не потеряли своей свежести и по сей день; его острый и в то же время поэтический стиль, его пристальная наблюдательность очень современны и сегодня.

Уолт Уитмен (1819–1892 гг.)

Уолт Уитмен родился в Нью-Йорке, на острове Лонг-Айленд. Он был простым человеком; одно время даже работал плотником. Но его блестящее новаторство выразило демократический дух Америки. Уитмен в основном получил образование самостоятельно; в 11 лет ему пришлось бросить школу и начать работать, поэтому у него не было традиционного образования, которое превращало большинство американских авторов в почтительных подражателей английским писателям. Сборник «Листья травы» (1855 г.), который Уитмен переписывал и переделывал всю жизнь, включал в себя «Песнь о себе». Это, пожалуй, самое удивительное и оригинальное произведение во всей американской поэзии. Эмерсон и еще несколько человек с восторгом отзывались об этой книге. Их высокая оценка убедила Уитмена в его поэтическом призвании, хотя сборник и не имел особого успеха у широкого читателя.

«Листья травы» — книга, славящая созидание, воздающая хвалу всему существу. В ней чувствуется влияние трудов Эмерсона, особенно его эссе «Поэт», где был как бы предсказан образ нового американского поэта — здорового, сильного, с сердцем, открытым людям. Это был некий универсальный тип поэта, удивительно похожий на самого Уитмена. Новаторская форма поэмы, нерифмованный белый стих, открытое прославление сексуальности, демократизм, романтическое утверждение, что сам поэт, его личность составляют нечто единое с самой поэмой и со всей Вселенной, — все это резко изменило направление американской поэзии.

«Листья травы» — книга великая, энергичная и естественная, как сам Американский континент. Это было то произведение, о котором звали, которого ждали поколения американских критиков, хотя и не сразу узнали ее. Движение и ритм, пронизывающие «Песнь о себе», подобны музыке, не знающей пауз:

Мои цепи и балласты спадают с меня,
Локтями я упираюсь в морские пучины,
Я обнимаю сьерру, я ладонями покрываю всю сушу,
Я иду, и все, что я вижу, со мною.
(Пер. К. Чуковского)

Поэма наполнена конкретными звуками и реальными, видимыми образами. Птицы Уитмена — это не искусственные «крылатые духи» поэзии. Его цапля с желтым хохолком прилетает ночью на край болота и ловит маленьких крабов. Кажется, что Уитмен сам живет во всем, что он видит или воображает. Поэт — один из людей толпы:

Отплывая в каждую гавань за
товарами и приключениями,
Торопливо шагая среди шумной толпы,
Такой же ветреный и горячий, как все...
(Пер. К. Чуковского)

Но он и страдающий человек:

...Женщина старых времен, уличная ведьма, горит
На сухом костре, а дети ее стоят и глядят на нее...

Я — этот загнанный раб,
это я от собак отбиваюсь ногами...
У раненого я не пытаю
о ране, я сам становлюсь тогда раненым...
(Пер. Е. Нестеровой)

Именно Уитмен, гораздо в большей степени, чем другие писатели, создал миф о демократической Америке. «Возможно, американцы имеют самую поэтическую природу в мире. Соединенные Штаты — это величайшая из всех поэм». Когда Уитмен писал это, он смело отбрасывал широко распространенное мнение, что Америка — слишком новая страна и в ней мало поэтического. Он создал свою Америку — воображаемую страну, лишенную времени, населенную мятежными душами всех народов. Д.Г. Лоуренс, английский романист и поэт, метко назвал самого поэта «открытой дорогой».

Мощь Уитмена чувствуется во многих его стихотворениях, среди них — «На бруклинском перевозе», «Из колыбели, вечно баюкавшей...», «Когда во дворе перед домом цвела этой весной сирень...». Последнее стихотворение — это элегия, посвященная смерти А. Линкольна. Важную роль играет его трактат «Демократические дали» (1871 г.), написанный в самый разгар безудержного практицизма «позолоченного века». В этом трактате Уитмен справедливо критикует Америку за «мощное переплетение богатства и промышленности», которое, как маска, прикрывает «сухую, безжизненную Сахару души». Поэт призывает создать новую литературу, которая бы оживила американский народ. («Нужно, чтобы не только книга была бы законченной и совершенной, нужно, чтобы был совершенным и ее читатель») Стремление к бессмертию Уитмена сосредоточено главным образом в «Песне о себе». Здесь он помещает свое романтическое «я» в смысловой центр поэмы:

Я славлю себя и воспеваю себя,
И что я принимаю, то примете вы,
Ибо каждый атом, принадлежащий мне,
принадлежит и вам.
(Пер. К. Чуковского)

Уитмен передает свою мощь и энергию даже современным читателям, утверждая единство и жизненную силу всего сущего. Он — величайший новатор. От него берет свое начало поэма-автобиография; он создал новый образ поэта — простого американца; ему принадлежит мысль о читателе-творце и открытие экспериментальной или органической формы, звучащей современно и сегодня.

ПОЭТЫ-«БРАМИНЫ»

В свое время «бостонские брамины» (так называли поэтов-аристократов, получивших образование в Гарварде) представляли собой наиболее уважаемых и всеми любимых литературных метров США. Их образ жизни вписывался в приятное и удобное представление обывателя о богатстве и удовольствии, их творчество с уважением изучали.

В эпоху раннего пуританства «бостонские брамины», несомненно, были бы проповедниками; в XIX веке они стали профессорами, большей частью в Гарварде. В конце жизни они иногда становились послами или получали почетные степени европейских университетов. Большинство из них либо специально путешествовали по Европе, либо получили там образование. Они были знакомы с философией и литературой Англии, Германии и Франции, часто — Италии и Испании. По происхождению они принадлежали к высшему классу, но имели демократические убеждения и симпатии. Поэты-«брамины» сумели передать свои прекраснотушные взгляды, ориентированные на европейские идеалы, представителям всех слоев американского общества. Они выступали с чтением публичных лекций перед огромной по тем временам аудиторией в 3000 человек (в специальных центрах, предназначенных для публичных выступлений). Они также печатались на страницах двух влиятельных бостонских журналов — «Норт америкэн ревью» и «Атлэнтик мансли».

В произведениях поэтов-«браминов» переплетались американская и европейская традиции. Они стремились создать продолжение этого совместного опыта. Эти поэты-ученые пытались дать знания и поднять общий уровень образования простого народа, введя в американскую литературу европейские критерии. Как ни парадоксально, но в целом эффект их деятельности был консервативно-реакционный. Настаивая на европейских образцах и формах, они замедлили рост американского самосознания. Несмотря на добрые намерения, их консервативные взгляды привели к тому, что они не заметили смелого новаторства Торо и Уитмена (с которым они демонстративно отказались встречаться) и Эдгара Аллана По (которого даже Эмерсон назвал «свистуном»). Они были столпами того, что называли потом «традицией благопристойности в литературе». С этой традицией впоследствии боролись три поколения американских реалистов. Отчасти благодаря влиянию «браминов» прошло почти 100 лет, прежде чем такие гении американской литературы, как Уитмен, Мелвилл, Торо и По получили всеобщее признание в США.

Генри Уодсворт Лонгфелло (1807–1882 гг.)

Наиболее важной фигурой среди бостонских поэтов-«браминов» были Генри Уодсворт Лонгфелло, Оливер

Уэнделл Холмс и Джеймс Рассел Лоуэлл. Лонгфелло, профессор новых языков в Гарварде, был самым известным поэтом своего времени. Именно благодаря ему в литературе США возникло некое таинственное, легендарное чувство прошлого, которое смогло слить воедино американскую и английскую традиции. Он написал три длинные сюжетно-тематические поэмы, где пытался сделать популярными национальные американские легенды, однако подходил к ним с европейскими мерками: «Эвангелина» (1847 г.), «Песнь о Гайавате» (1855 г.) и «Сватовство Майлза Стендиша» (1858 г.).

Лонгфелло также написал учебники о современных языках и книгу о путешествиях «за морем», где пересказываются иностранные легенды (здесь он следовал традиции «Книги эскизов» Вашингтона Ирвинга). Длинные поэмы Лонгфелло отмечены некой искусственностью сюжета, сентиментальностью и легкостью повествования. Но его небольшие лирические произведения вроде «Еврейского кладбища в Ньюпорте» (1854 г.), «Утраченная юность» (1855 г.), «Прилив» (1880 г.) продолжают доставлять удовольствие читателям.

Джеймс Рассел Лоуэлл (1819–1891 гг.)

Джеймс Рассел Лоуэлл, который стал профессором современных языков в Гарварде после ухода Лонгфелло, — это Мэттью Арнольд американской литературы. Он начал свою деятельность как поэт, но постепенно утратил поэтический дар и превратился в уважаемого всеми критика и преподавателя. В качестве редактора «Атлантик» и соредатора «Норт америкэн ревью», Лоуэлл пользовался огромным влиянием. «Басня для критиков» Лоуэлла (1848 г.) — это забавная и меткая характеристика американских писателей. Ему принадлежат строки об Эдгаре По:

Вот пришел По со своим
«Вороном» —
Почти диккенсовский
«Барнеби Радж»,
На три пятых он — гений,
Остальное — лишь фарс.

(Пер. Е. Нестеровой)

Под влиянием своей жены Лоуэлл стал либеральным реформатором. Он увлекся аболиционизмом, был сторонником феминистского движения и выступал за введение закона, запрещающего использовать труд детей. В его серии сатирических стихотворений «Записки Бигло» (первая серия — 1847–1848 гг.) рисуется образ Хоси Биглоу — проницательного, но необразованного деревенского поэта, который в стихах обсуждает реформы. В свое время Бенджамин Франклин и Филип Френо использовали персонажи сообразительных крестьян в качестве выразителей социальных взглядов. Лоуэлл в своих стихотворениях также стремился рисовать «характер», но теперь эта традиция сочеталась с новым реализмом и рационализмом. Эта традиция процветала в 50-е гг. и достигла своего расцвета в творчестве Марка Твена.

Оливер Уэнделл Холмс (1809–1894 гг.)

Оливер Уэнделл Холмс, прославленный врач, профессор анатомии и физиологии в Гарварде — это самый трудный для анализа поэт из всех трех наиболее известных «браминов». Его работы отмечены большим разнообразием. Он писал сборники юмористических рассказов (например, «Самодержец утреннего застолья», 1858 г.); романы («Элси Веннер», 1861 г.); биографии («Ральф Уолдо Эмерсон», 1885 г.). Писал он и стихи — шуточные («Шедевр священника, или удивительный фаэтон»), философские («Комнатный корабль») и пылко-патриотические («Старый фрегат»).

Он родился в пригороде Бостона Кеймбридж, штат Массачусетс. Холмс был сыном известного проповедника. Среди его предков по материнской линии — поэтесса Анна Брэдстрит. И при жизни, и еще в большей степени после смерти он слыл символом остроумия, ума, очарования. Это происходило не потому, что он открыл что-то новое в литературе или стал новатором формы, а скорее потому, что был поучительным толкователем всего на свете — начиная с общества и кончая медициной.

ДВА РЕФОРМАТОРА

В годы, предшествующие Гражданской войне, писатели Новой Англии блистали своим интеллектом. Некоторые яркие фигуры, которые сегодня гораздо заметнее на литературном небосводе, чем знаменитое «созвездие браминов», страдали в свое время от бедности, происхождения или от расовых предрассудков. Современные читатели все больше ценят работы аболициониста Джона Гринлифа Уиттьера и писательницы-феминистки, социального реформатора Маргарет Фуллер.

Джон Гринлиф Уиттьер (1807–1892 гг.)

Джон Гринлиф Уиттьер, наиболее активный поэт своего времени, по происхождению напоминал Уолта Уитмена. Он родился и вырос на маленькой ферме в Массачусетсе, в семье квакеров. Он получил весьма скромное образование и работал журналистом. В течение нескольких десятилетий, прежде чем добиться известности, он был страстным аболиционистом. Уиттьера уважают за стихотворения против рабства — такие, как «Икабод». Его поэзия иногда рассматривается как один из первых образцов религиозного реализма.

Яркие образы Уиттьера, простая форма стиха, похожая на балладу, воскрешают в памяти читателей поэзию Роберта Бернса. Лучшее из его произведений — поэма «Занесенные снегом». В ней поэт создает яркие, запоминающиеся образы членов своей семьи и друзей — таких, какими помнил их с детства, — уютно собравшихся вокруг пылающего камина во время одной из самых свирепых метелей в Новой Англии. Эта простая, религиозная, очень личная и напряженная поэма была написана после долгих страшных дней Гражданской войны. Она одновременно — и плач по умершим, и молитва об исцелении. В ней утверждается мысль о бессмертии души, о власти любви над памятью человека, любви, которая не знает преград времени. В ней воспевается красота природы, которая не увядает — вопреки яростным политическим бурям.

Маргарет Фуллер (1810–1850 гг.)

Маргарет Фуллер, выдающаяся писательница-публицист, родилась и выросла в Кэмбридже, штат Массачусетс. Она родилась в семье адвоката; предки ее были скромными финансистами. Отец сам занимался образованием дочери (женщин не принимали в Гарвард). Маргарет была на редкость одаренным ребенком; прекрасно знала классическую и современную литературу. Она увлекалась немецким романтизмом и особенно Гете, которого сама переводила.

Она стала первой крупной профессиональной журналисткой в Америке. Фуллер писала рецензии и статьи на социальные темы — например, о жестоком обращении с женщинами-заключенными и сумасшедшими. Некоторые эссе были опубликованы в ее книге «Заметки о литературе и искусстве» (1846 г.). Годом раньше вышла в свет самая значительная ее книга — «Женщина в девятнадцатом столетии». Первоначально отрывки из нее печатали в журнале трансценденталистов «Дайэл», где Фуллер была редактором с 1840 по 1842 гг.

Книга Фуллер «Женщина в девятнадцатом столетии» — это одно из самых ранних исследований роли женщины в обществе, где очень ярко выражена типично американская точка зрения. Писательница часто использует демократические принципы и тезисы трансценденталистов. Она анализирует многочисленные случаи и пагубные последствия сексуальной дискриминации и предлагает принять определенные меры против этого. Многие ее идеи звучат удивительно современно. Она подчеркивает важность «собственной независимости», самостоятельности, которой женщины лишены, потому что «их учат узнавать свои права извне, а не открывать их внутри себя».

В целом Фуллер — не столько феминистка, сколько активный деятель и реформатор, главной целью которой была творческая свобода человеческой личности и чувство собственного достоинства для всех людей:

«...Давайте будем мудрыми и не будем чинить препятствий душе... Давайте будем обладать одной созидательной энергией... Пусть она принимает любую форму, какую выберет, и не будем привязывать ее путами прошлого к мужчине или женщине, к черному или белому».

Эмили Дикинсон (1830–1886 гг.)

Поэзия Эмили Дикинсон является связующим звеном между ее временем и литературой конца XIX века. Яростная сторонница индивидуализма, она родилась и провела всю свою жизнь в маленькой деревушке Амхерст, штат Массачусетс. Всю жизнь она оставалась незамужней и вела весьма необычную жизнь. Внешне эта жизнь была небогата событиями, но полна внутреннего напряжения. Она любила природу и черпала вдохновение у природы Новой Англии — у птиц, животных, растений; искала его в смене времен года.

Дикинсон провела вторую половину жизни затворницей — отчасти в силу своей чрезмерно чувствительной натуры и, возможно, чтобы иметь время для сочинения стихов (иногда были периоды, когда она писала по стихотворению каждый день). Она также помогала своему

отцу, видному юристу, выдающемуся человеку в Амхерсте, который стал членом Конгресса.

Дикинсон не была широко начитанным человеком, но прекрасно знала Библию, произведения Шекспира и труды по классической мифологии. Это были ее учителя, ибо Дикинсон — одна из наиболее одиноких фигур своего времени. Когда в 50-е гг. вновь открыли миру ее поэзию, читатели были поражены, как могла эта замкнутая, замкнутая женщина, которая всю жизнь провела в деревне, чьи стихотворения почти не публиковались и были мало кому известны, создать подлинные шедевры XIX века.

Стиль Дикинсон, очень насыщенный, наполненный образами, сейчас кажется даже более современным и новаторским, чем манера Уитмена. Она никогда не использует двух слов, если хватает одного; сочетает конкретные вещи с абстрактными идеями. Ее строки афористичны, а стиль сжат и динамичен. В ее лучших стихотворениях нет ничего лишнего. Во многих высмеивается модная в то время сентиментальность, а некоторые стихи звучат просто еретически. Иногда она показывает такое знание реальности и природы человека, что это выглядит ошеломляющим. Подобно Эдгару По она исследует темные, потайные уголки сознания; драматизирует смерть и могилу. В то же время она прославляет простые предметы — цветок, пчелу и т.д. В ее поэзии чувствуется глубокий ум, и у читателей возникает мучительная мысль, что человеческое сознание поймано в ловушку времени. У Дикинсон замечательное чувство юмора, а диапазон ее поэзии удивительно велик и разнообразен. Оригинальна и ее трактовка многих тем. Ее стихотворения обычно известны по номерам, которыми они были обозначены в ставшем каноническим издании Томаса Х. Джонсона (1955 г.). Они изобилуют непривычным обилием заглавных букв и тире.

Как и Торо, она не соглашалась с общепринятым образом мысли: часто она использует слова и фразы в обратном смысле. С большим эффектом она применяет и парадоксы.

Безумие — божественное чувство
Для пронизательного взгляда,
А слишком много Чувства — сплошь
Безумье.

Но большинство людей
Живет в нем постоянно.
Согласен с миром — значит, ты нормален,
А если сомневаешься — опасен,
И вот уже оковы на руках...

(Пер. Е. Нестеровой)

Ум ее блистает в следующем стихотворении, где высмеивается человеческое тщеславие и так называемая «общественная жизнь»:

Я — Никто. А ты — ты кто?
Может быть — тоже — Никто?
Тогда нас двое. Молчок!
Чего доброго — выдворят нас за порог.

Как уныло — быть кем-нибудь —
И — весь июнь напролет —
Лягушкой имя свое выкликать —
К восторгу местных болот.

(Пер. В. Марковой)

Стихотворения Дикинсон (а их общее количество — 1775) продолжают привлекать внимание критиков, которые весьма неоднозначно относятся к ее творчеству. Одни подчеркивают мистическую сторону ее поэзии, другие — особенную любовь к природе. Многие отмечают ее странность, влечение к экзотике. Один из современных критиков, Блэкмур, сказал, что Дикинсон иногда «похожа на кошку, невестку откуда явившуюся к вам, которая вдруг заговорила по-английски». Чистая, ясная, чеканная поэзия Эмили Дикинсон — одна из самых пленительных и вызывающих страниц в американской литературе.

ГЛАВА

4

ПЕРИОД РОМАНТИЗМА 1820–1860 ГГ. ПРОЗА.

Уолт Уитмен, Натаниэль Готорн, Герман Мелвилл, Эдгар Аллан По, Эмили Дикинсон и трансценденталисты представляют первое поколение великих писателей в американской литературе. Что касается прозаиков, то романтическое мировоззрение стремилось выразить себя в форме, которую Готорн назвал «ромэнс» (“romance”). Это – роман, но роман возвышенный, эмоционально напряженный, имеющий нередко символический подтекст. “Romance” – это не любовная история, а серьезный роман, где используются специальные технические средства для передачи сложного, порой неуловимо тонкого смысла.

Вместо тщательно выписанных реалистических характеров, где авторы пользовались обилием деталей (как, например, английские и европейские писатели), Готорн, Мелвилл и По создавали героические фигуры, которые порой казались больше, чем сама жизнь. Они наполняли поступки своих персонажей особым, мистическим смыслом. Типичные герои американского романтизма – это яркие, незаурядные личности, которых часто преследуют, они чужды обществу. Артур Димсдейл или Гестер Прин в «Алой букве», капитан Ахав в «Моби Дике», многие одинокие, одержимые герои новелл По – это персонажи, которые противостоят неизвестному, темному року, судьбе. Неким мистическим образом они вырастают из глубин человеческого подсознания. Символические сюжеты раскрывают самые тайные движения страдающей души.

Одна из причин этого вымышленного исследования глубин человеческой души – отсутствие устоявшейся, традиционной общественной жизни в Америке. Английские романисты – такие, как Джейн Остин, Чарльз Диккенс (самый любимый из английских писателей), Энтони Троллоп, Джордж Элиот, Уильям Теккерей – жили в сложном, но традиционном обществе, которое привыкло точно выражать свои мысли. Они разделяли мнения своих читателей, и это мнение влияло на реалистическую манеру их письма. Американские писатели столкнулись с историей борьбы и революции. В стране были огромные незаселенные пространства с подвижным и относительно бесклассовым демократическим обществом. В американских романах мы часто видим весьма революционное качество – отсутствие традиции. Во многих английских романах изображается герой-бедняк, который поднимается вверх по экономической и

социальной лестнице. Причем иногда это происходит с помощью удачной женитьбы, а иногда выясняется, что герой-бедняк на самом деле принадлежит славному аристократическому роду. Но такой поворот событий романа отнюдь не бросает вызов социальной структуре Англии и ее аристократии. Напротив, роман как бы вновь утверждает традиционные ценности. Благополучное восхождение героя по социальной лестнице удовлетворяет чаяния большинства читателей среднего класса.

В Америке, напротив, писатель целиком зависел только от себя, своих собственных литературных приемов. Америка все еще была (хоть и отчасти) постоянно меняющимся фронтиром – государством с подвижной границей, населенным иммигрантами, говорящими на разных языках и ведущими странный и довольно грубый образ жизни. Таким образом, главный герой в американской литературе мог внезапно оказаться среди людоедов (подобно герою романа Мелвилла «Тайпи»). Он мог бродить по диким прериям, как Кожаный Чулок Фенимора Купера, или наблюдать из могилы странные видения, как персонажи новелл Э. По. Он мог даже познакомиться в лесу с самим Дьяволом, как Браун, герой Готорна. На самом деле, все герои американской литературы того времени были «героями-одиночками». Американец как личность, индивидуальность еще должен был создать себя.

Крупный американский писатель должен был также изобретать новые формы. Отсюда такая причудливая, необычная форма романа Мелвилла «Моби Дик», или похожий на странное видение, скитающийся Артур Гордон Пим у Эдгара По. Немногие из американских писателей достигают совершенства формы даже в настоящее время. Вместо того, чтобы заимствовать испытанные литературные методы, американцы предпочитают изобретать новые. В Америке недостаточно быть традиционным писателем, ибо старое и традиционное стремятся отбросить. Внимание привлекают лишь новые силы, новые веяния.

РОМАНТИЗМ

Американский роман в эпоху романтизма кажется очень мрачным. В конце повествования большинство героев, как правило, умирают. Так, в романе Мелвилла «Моби Дик» все матросы, кроме Измаила, погибают. В «Алой букве» Готорна в конце романа умирает чувствительный, грешный священник Димсдейл. Эта нота раздвоенности, трагизма становится главной в американском романе еще задолго до Гражданской войны 1860 г. И это свидетельствует о большой социальной трагедии общества, которое находится в разладе с самим собой.

Натаниэль Готорн (1804–1864 гг.)

Натаниэль Готорн, потомок старинного рода, представитель пятого поколения американцев, когда-то переселившихся из Англии, родился в Сейлеме, штат Массачусетс. В те времена это был богатый морской порт, расположенный к северу от Бостона, который вел торговлю с Индией. Один из предков Готорна в конце XVII века был судьей, который участвовал в известном процессе над «салемами ведьмами». Одна из женщин, обвиненных в колдовстве, прокляла его. Готорн вспоминает об этом семейном проклятии в своем романе «Дом о семи фронтонах».

Действие многих рассказов Готорна происходит в пуританской Новой Англии, а его самый известный роман «Алая буква» (1850) стал классическим описанием пуританской Америки. В нем рассказывается о страстной, запретной любви, которая связывает чувствительного религиозного молодого человека, священника Артура Димсдейла, и молодую и красивую горожанку Гестер Прин. Действие происходит в Бостоне около 1650 г., во время заселения этой части Америки пуританами из Англии. В романе выдвигается на первый план та одержимость, которую кальвинисты придавали вопросам морали; подавление сексуальности; чувство вины и необходимость покаяния; вопрос о спасении души.

Для своего времени «Алая буква» была весьма смелым произведением. Спокойный стиль повествования, тот факт, что действие отодвинуто в далекое прошлое, некая неопределенность — все это смягчило мрачную тему романа и удовлетворило публику. Однако такие искушенные писатели, как Ральф Уолдо Эмерсон и Герман Мелвилл уловили «адскую» силу романа. В этом произведении говорилось о проблемах, обсуждение которых находилось под запретом в Америке XIX века — таких, как воздействие нового демократического опыта на поведение личности, в особенности на сексуальную и религиозную свободу человека.

Композиция романа превосходна; он написан блестяще. Автор пользуется аллегориями, к которым так часто прибегали и ранние колонисты-пуритане.

На репутацию Готорна-писателя повлияли и другие его романы и рассказы. В романе «Дом о семи фронтонах» писатель вновь возвращается к истории Новой Англии; здесь рассказана история известного семейства из Сейлема. Затрагивается и тема семейного проклятия; герой получает возмездие через любовь. Как заметил один из критиков, идеалистически настроенный герой Холгрейв излагает убеждения самого Готорна, когда говорит о том, что не доверяет старинным

аристократическим родам: «Истина заключается в том, что, по крайней мере, раз в полвека этот род должен раствориться в огромной массе всего человечества и забыть о своих предках».

Последние два романа Готорна имели меньший успех. В обоих действие относится к современности, и это снижает эффект таинственности. Роман «Блिटдейл» (1852 г.) интересен тем, что там изображена коммуна социалистов-утопистов «Брук Фарм». В этом произведении Готорн критикует эгоизм и жажду власти и социальных реформаторов, чьи подлинные инстинкты отнюдь не отличаются демократизмом. В романе «Мраморный фавн» (1860 г.), хотя его действие происходит в Риме, трактуются темы греха, искупления и спасения.

Эти темы, а также то, что действие происходит в пуританской Новой Англии, являются характерным для многих хорошо известных рассказов Готорна: «Черная ряса священника», «Молодой Браун» и «Мой родственник, майор Молино». В последнем рассказе герой — наивный молодой человек, который приезжает из провинции в город (тема, довольно популярная в Америке в XIX веке). Он стремится найти поддержку у своего влиятельного родственника, которого никогда в глаза не видел. Робин ищет майора, но найти его, оказывается, невероятно трудно. Наконец, совершенно случайно он принимает участие в странном ночном столкновении. Здесь он встречает человека, который на первый взгляд кажется отъявленным преступником. Происходит комическая ситуация, когда этого человека весьма бесцеремонно выдворяют из города. Робин хохочет громче всех и вдруг осознает, что этот англичанин, представитель английской администрации — тот самый родственник, которого он так долго ищет.

«Мой родственник, майор Молино» проливает свет на одну из наиболее поразительных особенностей прозы Готорна: в его произведениях нет нормальных, естественных семей. В романах Купера о Кожаном Чулке семьи иногда появляются в самых диких и неподходящих для жизни местах. Но в рассказах и романах Готорна снова и снова появляются разбитые, проклятые семьи, где царят лживые отношения.

Революционная идеология также сыграла свою роль в прославлении гордой свободы — пусть даже это была свобода одинокого человека. Если рассматривать ситуацию с психологическо-исторической точки зрения, то можно найти параллель в бунтарстве подростка против родителя, которого в данном случае представляла Англия. Вся английская империя как бы воплощала большую семью. Американцы добились независимости и затем столкнулись с трудной задачей — каким образом раскрыть свою индивидуальность и отделиться от старых авторитетов. Этот сценарий без конца разыгрывался на фронтире и дело дошло до того, что одиночество часто кажется основным условием жизни американца. Пуритане, а в дальнейшем — протестанты, возможно, также ослабили семейные связи, проповедуя идею о том, что первым долгом человека является спасение души.

Герман Мелвилл (1819–1891 гг.).

Герман Мелвилл, как и Натаниэл Готорн, был потомком старинной богатой семьи, которая совершенно разорилась и дошла до нищеты после смерти отца. Несмотря на аристократические традиции и фамильную гордость, Мелвилл бедствовал и не получил высшего образования. В 19 лет он отправился в море, нанявшись матросом на судно. Его интерес к жизни матросов естественным образом вырос из собственного жизненного опыта, а большая часть ранних романов — это результат его путешествий. В этих произведениях мы видим весьма разнообразный жизненный опыт молодого Мелвилла, его демократизм, ненависть к тирании и угнетению. Его первая книга «Тайпи» основывалась на реальных фактах. Мелвилл провел некоторое время среди каннибальского племени тайпи на Маркизских островах в южной части Тихого океана. Однако люди этого племени отнеслись к нему вполне дружелюбно. В книге воспеваются жители острова, их естественная, гармоничная жизнь и критикуются христианские миссионеры. Мелвилл считал их менее цивилизованными, чем народ, который они явились обращать в христианство.

«Моби Дик, или Белый кит», шедевр творчества Мелвилла — эпическое повествование о китобойном судне «Пекод» и его «безбожном богоподобном» капитане Ахаве. Именно его навязчивая идея найти белого кита приводит корабль и его команду к гибели. В этом произведении, которое, с одной стороны, является реалистическим приключенческим романом, содержатся глубокие размышления о природе и положении человека в ней. На протяжении всей книги проходит мысль о том, что китобойный промысел — не что иное, как развернутая метафора, означающая поиск человеком знаний. Описание видов китов даны в романе настолько реалистично и детально, что порой эти страницы напоминают главы учебника или каталога. Очень подробно рассказывается и о китобойном промысле. Но во всем есть особый, символический подтекст. Так, в главе XV («Голова настоящего кита», рассказчик говорит о том, что «настоящий кит был стойким, а кашалот — платоником», имея в виду две школы классической философии.

Это одновременно и философский роман, и трагедия. Несмотря на свой героизм, Ахав обречен и, возможно, проклят в конце повествования. Природа, хоть и прекрасна, остается чуждой человеку и несет в себе смерть. В романе «Моби Дик» Мелвилл бросает вызов оптимистическому убеждению Эмерсона, который считал, что люди способны понять природу. Огромный белый кит Моби Дик — это непостижимое существо, оно занимает в романе главное место; именно мысль о белом ките одержим капитан Ахав. Моби Дика не могут объяснить и многочисленные сведения о китах и китобойном промысле, которые приводит автор. Скорее наоборот: сами факты как бы стремятся перерасти в символы и каждый факт странным образом переплетается в некоем космическом единстве с другим фактом. Эта мысль о соответствиях (так называет ее Мелвилл в главе «Сфинкс»), однако, не означает, что люди могут «прочитать» истину в природе, как считал Эмерсон. За грудой фактов Мелвилла есть некое мистическое видение мира, но является ли это видение злым или до-

брым, человеческим или бесчеловечным — нигде не объясняется.

Этот роман очень современен, так как содержит в себе собственные символы; он как бы отражает сам себя. Иными словами, это похоже на роман о романе. Мелвилл часто комментирует мыслительные процессы — такие, как чтение, письмо, понимание. Например, одна из глав является длинным исчерпывающим описанием, в котором рассказчик стремится дать некую классификацию. Но в конце концов он отказывается от этой мысли, заявляя, что все великое не имеет конца («Боже упаси меня закончить что-нибудь. Вся эта книга — только воздух, только порыв ветра. О Время и Мошь, о Богатство и Терпение!»). Замечание Мелвилла о литературном тексте как о несовершенном переводе или черновом наброске звучат и сейчас вполне современно.

Ахав утверждает, что существует героический вневременной мир абсолютных понятий, в котором он стоит выше всех остальных людей. Но он требует законченности текста, требует окончательного ответа — и это безрассудно. Роман доказывает, что нет ни законченных текстов, ни окончательных ответов; и единственное исключение из этого правила — смерть.

По всему роману слышны определенные литературные намеки. Ахав, названный в честь царя из Ветхого завета, стремится, как Фауст, к познанию, дабы сравняться с Богом. Подобно царю Эдипу в драме Софокла, который платит дорогой ценой за преступные знания, Ахав слепнет, потом получает рану и, наконец, гибнет. «Моби Дик» кончается словом «сирота». Измаил, рассказчик, — это сиротливый странник. Имя Измаил тоже взято из Ветхого завета — он был сыном Авраама и Агарь (служанки жены Авраама, Сары). Агарь с младенцем во чреве бежала в пустыню.

Существуют и другие примеры. Так, корабль, который подобрал Измаила в эпилоге, называется «Рахиль». И, наконец, метафизический кит напоминает читателям библейское сказание об Ионе. Иона был выброшен за борт корабельщиками, которые посчитали его виновным в своих несчастьях. Его проглотил большой кит. И жил Иона во чреве кита три дня, после чего кит выбросил пророка живым на берег с помощью Божьей. Стремясь избежать наказания, Иона только навлек на себя новые страдания.

В романе есть много исторических намеков и аллегорий. Так, корабль «Пекод» назван в честь вымершего племени индейцев, живших когда-то в Новой Англии. Таким образом, в самом названии корабля уже содержится намек на то, что судну суждено погибнуть. Китобойный промысел был в те времена фактически целой отраслью промышленности, особенно в Новой Англии. Киты давали жир, который использовался как горючее, особенно для ламп. Таким образом, киты, выражаясь буквально, «проливали свет» на все вокруг. Китобой стремились захватить все новые территории. Охотиться на китов часто означало бросить вызов судьбе. Нередко американцам приходилось плыть вокруг света в поисках китов. (Например, нынешний штат Гавайи вошел в состав США потому, что эти острова использовались в качестве главной базы для пополнения запасов топлива китобойными судами.) В команду «Пекода» входили представители всех рас и различных религий;

таким образом, это символизировало идею об Америке как о некоем универсальном состоянии ума. И, наконец, Ахав воплощает трагический тип американского индивидуализма. Он утверждает свое достоинство как личность и осмеливается бросить вызов неумолимым внешним силам Вселенной.

Эпилог романа несколько смягчает сцену трагической гибели корабля. На протяжении всей книги Мелвилл подчеркивает важность дружбы и человеческой общности. После того как корабль тонет, Измаил спасается благодаря гробу, который сделал его лучший друг, бесстрашный гарпунер-полинезиец. Гроб украшен примитивными рисунками, изображающими историю космоса. Таким образом, Измаил спасается от смерти при помощи предмета, связанного со смертью. Иными словами, из смерти возникает жизнь.

«Моби Дик» называют «эпической поэмой природы». Здесь показана захватывающая драма человеческого духа, которая происходит на фоне дикой, первобытной природы. В романе чувствуется восхищение автора жизнью народов, не знающих цивилизации (рассказ об охотнике; посвящение в таинство; символическое описание райского острова). В книге живет мечта о возрождении человека. Есть в романе и другая, типично американская черта — здесь показан одинокий человек в окружении природы. Французский писатель и общественный деятель Алексис де Токвиль в своей работе «Демократия в Америке» предсказывал появление этой темы именно как результат демократии:

«Тема судьбы человечества, причем человек как бы изъят из своей страны и из своего времени и стоит один на один перед Природой и Богом со всеми своими страстями, сомнениями, пристрастиями, одинокий и несчастный — именно эта тема станет главной, если не единственной темой американской поэзии».

Токвиль полагал, что при демократическом обществе литература будет описывать скрытые глубины человеческой природы, а не внешние различия — такие как классы или общественное положение. Безусловно, и «Моби Дик», и «Тайпи», так же как «Приключения Гекльберри Финна» и «Уолден», вполне соответствуют этому описанию. Они прославляют природу и ниспровержение классово-ориентированной, урбанистической цивилизации.

Эдгар Аллан По (1809–1849 гг.)

Эдгар Аллан По обладал, как и Мелвилл, особым метафизическим видением мира, где смешались элементы реализма, пародии и бурлеска. Он довел мастерство рассказа до совершенства и стал основателем детективного жанра. Во многих его новеллах уже появляются черты научной фантастики, «рассказов ужаса» и «фэнтэзи» — жанров, столь популярных сегодня.

Жизнь По была короткой; многое в ней казалось зыбким и ненадежным. Как и многие другие американские писатели XIX века, он рано остался сиротой. Его странную женитьбу на своей кузине Вирджинии Клемм, которой еще не было и 14 лет, можно рассматривать как попытку обрести стабильную семью, которой у него никогда не было.

По считал, что странность — это один из главных компонентов красоты. Его творения порой очень экзотичны. Герои его рассказов и стихотворений — угрюмые самоуглубленные аристократы. По, как и многие южане, лелеял в душе идеал просвещенного аристократа. Эти замкнутые, грустные герои никогда не работают, не общаются с другими людьми. Они одиноко живут в темных, полуразрушенных замках. Причудливые ковры и тяжелые портьеры скрывают солнечный, реальный мир: они закрывают окна, стены, пол. В комнатах замка в шкафах стоят старинные книги, причудливые предметы искусства, горят восточные светильники. Герои По проводят время, играя на музыкальных инструментах или читая древние манускрипты. Иногда они размышляют о трагических событиях — например, о смерти возлюбленной. Во многих рассказах По трактуется тема «жизни после смерти»: героя или героиню хоронят заживо, и они, подобно вампиру, встают из могил. («Преждевременное погребение», «Лигейя», «Бочонок амонтильядо», «Падение дома Ашероу» и др.). Сумрачное царство фантазии По находится между жизнью и смертью, а его живописное готическое окружение несет не только декоративную функцию. Оно отражает сверхтонченную и сверхобразованную, но уже мертвую душу его персонажей. Его герои выражают темные мысли подсознания.

Поэзия По очень ритмична и музыкальна. Наибольшей известностью — как при жизни поэта, так и в наше время — пользовалось стихотворение «Ворон» (1845 г.). Герой, от имени которого ведется повествование, не может уснуть и читает «древний фолиант», скорбя о смерти своей возлюбленной — «утраченной Ленор». В полночь к нему в комнату влетает ворон (напомним, что эта птица, которая питается падалью, является символом смерти). Ворон усаживается над входом и зловеще повторяет одно слово: «Никогда» (тумукьшк), ставшее знаменитым рефреном. Стихотворение кончается как бы застывшей сценой «жизни в смерти»:

И сидит, сидит над дверью Ворон, оправляя перья,
С бюста бледного Паллады не слетает с этих пор;
Он глядит в недвижимом взлете, словно
 демон тьмы в дремоте,
И под люстрой, в позолоте, на полу он тень простер,
И душой из этой тени не взлечу я с этих пор,
Никогда, о тумукьшк!

(Пер. М. Зенкевича)

Рассказы По — подобные тем, о которых мы уже упоминали, — рассматриваются как «рассказы ужаса». Новеллы типа «Золотой жук», «Похищенное письмо» — рассказы, которые принято называть «рациональными», то есть рассказы-объяснения. «Рассказы ужасов» предвосхищают произведения таких авторов, как Г.П. Лавкрафт и С. Кинг. «Рассказы рациональные» — предвестники таких произведений детективного жанра, как романы Д. Хэмметта, Р. Чэндлера, Р. Макдональда и Д.Д. Макдональда. В творчестве По есть также зерна того, из чего впоследствии выросла научная фантастика. Во всех его рассказах видно восхищение писателя разумом человека, научными знаниями, что было характерно для XIX века.

В каждом из этих жанров По исследует душу человека. Глубоким психологическим анализом проникнуты все его рассказы. «Кто из нас сотни раз не совершал отвратительные или глупые поступки лишь по одной причине: потому что знал, что не должен так поступать», — читаем мы в рассказе «Черный кот». Чтобы заглянуть в причудливые изгибы души человека, По изучал описания симптомов сумасшествия и состояния аффекта. Нарочито спокойный стиль повествования, тщательное объяснение мельчайших подробностей только усиливает чувство ужаса. События рассказа кажутся очень жизненными и правдоподобными.

Сочетание у По мотивов декаданса и романтического примитивизма привели в восхищение европейцев, в особенности французских поэтов Стефана Малларме, Шарля Бодлера, Поля Валери и Артура Рембо. Но По все-таки американец, несмотря на его аристократическое презрение к демократии, восхищение экзотикой, интерес к теме дегуманизации человека. Его творчество еще раз подтверждает предсказание Токвиля, что американская демократия будет порождать произведения, которые покажут в обнаженном виде самые темные стороны души человека. Глубокое беспокойство, психическая неуравновешенность, похоже, раньше обнаружили свои признаки в Америке, чем в Европе, поскольку европейцы, по крайней мере, имели устойчивую социальную структуру и это давало им чувство психологической безопасности. В Америке не было этого чувства безопасности, и нечем было его заменить: каждый человек стоял сам за себя. По тщательно описал оборотную сторону американской мечты о человеке, который «сделал себя сам». Он показал цену материализма и изматывающей конкуренции — одиночество, отчуждение и образы «жизни в смерти».

«Декаданс» По также отражает обесценивание символов, которое произошло в 19 веке: тенденцию беспорядочно смешивать предметы искусства, относящиеся к разным местам и эпохам. Это лишало их своеобразия, превращая в предметы украшения коллекции. В США особенно заметно было смешение стилей, что нередко приводило к отсутствию стиля вообще. Эта беспорядочная смесь отражает отсутствие ясной системы мышления. Ведь иммиграция, урбанизация и индустриализация разорвала семейные узы и изменила традиционный образ жизни. В искусстве это смешение символов послужило основой для гротеска (напомним, что это была одна из главных тем По в его классическом сборнике рассказов «Гротески и арабески», 1840 г.).

ЖЕНЩИНЫ — ПИСАТЕЛЬНИЦЫ И РЕФОРМАТОРЫ

В 19 веке американские женщины испытали немало проявлений неравноправия. Они были лишены избирательных прав, перед ними были закрыты двери профессиональных учебных заведений и большая часть высших учебных заведений. Они не могли выступать публично и даже посещать собрания; не могли владеть собственностью. Несмотря на это, возникло много различных женских обществ. С помощью писем, личных дружеских связей, официальных собраний, газет и книг, женщины ускорили ход социальных перемен. Образованные женщины сравнивали свое положение

с положением рабов. Они бесстрашно требовали коренных реформ, таких как уничтожение рабства и права голоса. Женщины боролись за это, несмотря на осуждение общества, а иногда и ценой финансового краха. Их работы положили начало новой литературной традиции, которая включала в себя сентиментальный роман. Сентиментальные романы, созданные писательницами-женщинами, были необычайно популярны. Они обращались к чувствам читателей и часто драматизировали острые социальные вопросы — в особенности те, которые касались семьи, роли женщины и ответственности.

Аболиционистка Лидия Чайлд (1802–1880 гг.), которая во многом повлияла на Маргарет Фуллер, была во главе этого движения. В 1824 г. она пишет роман «Хобомок», где проводится мысль о терпимости к вопросам религии и расовым проблемам. Место действия романа — пуританский Сейлем, штат Массачусетс. В выборе именно этого города она опередила Натаниэля Готорна. Лидия Чайлд была активным общественным деятелем. Она открыла частную школу для девочек; основала и редактировала первый американский детский журнал. Она опубликовала и первый трактат против рабства «В защиту тех американцев, которых именуют африканцами» (1833 г.). Эта вызывающая публикация сделала ее имя скандально известным и привела ее к финансовому краху. В своей работе «История положения женщины в разные века и у разных народов» (1855 г.) Чайлд выступала за равноправие женщин, указывая на их исторические достижения.

Энджелина Гримке (1805–1879 гг.) и Сара Гримке (1792–1873 гг.) родились в большой семье богатого рабовладельца в респектабельном Чарльстоне, штат Южная Каролина. Став взрослыми, сестры переехали на Север, чтобы защищать права негров и женщин. В качестве представителей нью-йоркского общества борьбы с рабством, они были первыми женщинами, которые обратились с публичными лекциями к слушателям, среди которых были мужчины. В письмах, эссе, научных трудах они проводили параллель между расизмом и дискриминацией женщин.

Элизабет Кейди Стэнтон (1815–1902 гг.), аболиционистка и сторонница равноправия женщин, жила некоторое время в Бостоне, где подружилась с Лидией Чайлд. Вместе с Лукрецией Мотт она организовала в 1848 г. собрание сторонников борьбы женщин за равные права. Она также составила проект «Декларации чувств». Ей принадлежит «Декларация независимости женщин», которая начинается словами: «Мужчины и женщины созданы равными». В Декларацию включено требование предоставить женщинам право голоса. Вместе с Сьюзан Б. Энтони, Элизабет Кейди Стэнтон развернула в 1860–1870 гг. кампанию за равноправие женщин. Она основала антирабовладельческую организацию «Национальная лига женщин» и «Национальную ассоциацию суфражисток»; была одним из редакторов еженедельника газеты «Революшн». В течение 21 года она была президентом Ассоциации суфражисток и вела борьбу за права женщин. Она выступала с публичными лекциями в нескольких штатах — отчасти для того, чтобы заработать деньги на образование для своих семерых детей.

После смерти своего мужа Кейди Стэнтон еще больше стала заниматься борьбой женщин за равноправие. Ее книга «Библия для женщин» (1895 г.) рассматривает глубоко укоренившееся предубеждение против женщин в христианской и иудейской традициях. Она выступала с лекциями на разные темы: о разводе, о правах женщин, о вопросах религии. Умерла Стэнтон в возрасте 86 лет, после того, как написала письмо президенту Теодору Рузвельту в поддержку требования права голоса для женщин. Ее многочисленные работы, которые вначале она публиковала под вымышленным именем, а затем — под своим собственным, составляют трехтомную «Историю борьбы женщин за равные права» (1881–1886 гг.), а также автобиографию, написанную с большим юмором.

Соджорнер Труф (1797–1883 гг.) воплощает в себе терпимость и умение увлечь за собой. Родилась она рабыней в Нью-Йорке, ее родным языком был датский. В 1827 г. она бежала от рабства вместе с сыном и дочерью. Их приютила семья Ван-Вагенеров датско-американского происхождения. Она стала у них служанкой. Эти люди помогли добиться законной свободы для её сына, дали ей свою фамилию, и она стала носить имя Исабелла Ван-Вагенер. Она была очень энергичной и работала со священником, помогая ему обращать проституток в христианство. Жила она в одном из домов общины. Ее окрестили и дали имя «Соджорнер Труф», так как она слышала мистические голоса и ей являлись видения. Чтобы поведать людям об этих видениях, она поселилась одна, выступала с лекциями и религиозными песнопениями и проповедовала аболиционизм во многих штатах в течение трех десятилетий. Получив поддержку у Элизабет Кейди Стэнтон, она стала выступать за равноправие женщин. Она написала о своей жизни в книге «История Соджорнер Труф» (1830 г.). Это автобиографическое повествование, записанное и изданное Оливером Тилбертом. Сама Соджорнер Труф всю жизнь была неграмотна и говорила по-английски с сильным датским акцентом. Говорят, что когда на съезде борьбы за женское равноправие ее обвинили в том, что на самом деле она — мужчина, Соджорнер Труф публично обнажила грудь. Ее ответ мужчине, что женщины — слабый пол, стал поистине легендарным:

«Я пахала, сеяла и собирала урожай, и ни один мужчина не делал это быстрее и лучше меня! А разве я не женщина? Я могла работать наравне с мужчиной и есть как мужчина — когда у меня было что есть! И я терпела удары плетью наравне с мужчиной — а разве я не женщина? Я родила тринадцать детей и видела, как большинство из них продавали в рабство, и когда я рыдала, выплакивая свое горе матери, кто, кроме Господа, слышал меня? А разве я не женщина?»

Ораторов, обладающих непринужденностью и чувством юмора, порой сравнивают с великими исполнителями блюзов. Гарриет Бичер-Стоу и многие другие видели большую мудрость в словах этой чернокожей женщины, которая могла заявить: «О великий Боже, я могу любить даже негров!»

Гарриет Бичер-Стоу (1811–1896 гг.)

Роман Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» был самой популярной американской книгой XIX века. Он был впервые опубликован частями в журнале «Нэшнл эра» (1851–1852 гг.) и сразу имел огромный успех. Только в Англии его сразу перепечатали сорок различных издательств; он был быстро переведен на 20 языков. О нем высоко отзывались такие писатели, как Жорж Санд во Франции, Генрих Гейне в Германии и Иван Тургенев в России. Страстный призыв положить конец рабству в США, прозвучавший в этом романе, вызвал ярые споры, которые, спустя десятилетие, привели к Гражданской войне (1861–1865 гг.).

Легко понять причину успеха «Хижин дяди Тома». В романе звучала мысль о том, что рабство было огромной несправедливостью в стране, которая подчеркнуто стремилась стать воплощением демократии и всеобщего равенства.

Сама писательница была истинной представительницей пуританского населения Новой Англии. Ее отец, брат и муж — все они были хорошо известными учеными, протестантскими священниками и реформаторами. Стоу говорила, что идея романа пришла ей в голову во время службы в церкви: ей было видение «старого одетого в лохмотья раба, которого били плетью». Позже она добавила, что роман был «вдохновлен и написан Богом». Ею руководило религиозное стремление изменить жизнь к лучшему. В это время романтизм уже изменился; наступил период, когда главное внимание уделяли чувствам. Больше всего ценились любовь и семейные добродетели. Роман Стоу яростно нападал на рабство большей частью потому, что оно разрушало семейные узы.

Дядя Том, главный герой книги — чернокожий раб, истинный христианский мученик, который трудится на благо своего доброго хозяина Сен-Клера, стремится обратить его на истинный путь; молится за душу Сен-Клера, когда тот умирает. Дядю Тома убивают, когда он защищает женщин-рабынь. Рабство описывается как зло, но не по политическим или философским причинам, а большей частью потому, что оно разлучает семьи, уничтожает естественную родительскую любовь и по сути своей противоречит христианству. Наиболее трогательные сцены рисуют отчаянье негритянки-рабыни, которая бессильна помочь своему плачущему ребенку, и отца, которого продают отдельно от остальных членов семьи. Это были преступления против святыни семейной любви.

Первоначально Стоу не ставила в своем романе целью нападать на Юг. Она не раз посещала Юг США, ей нравились южане, и она с симпатией обрисовала их. Южане-рабовладельцы были хорошими господами и обращались с Томом хорошо. Сам Сан-Клер ненавидел рабство и собирался освободить всех своих рабов. Плохой господин, Симон Легри, напротив, северянин. Он — отъявленный негодяй. По странной причине в намерения автора входило примирить Север и Юг, которые спустя десятилетие начали Гражданскую войну. Но в конечном итоге книга стала использоваться аболиционистами в полемике против Юга.

Гарриет Джейкобс (1818–1896 гг.)

Гарриет Джейкобс родилась рабыней в Северной Каролине. Ее госпожа научила Гарриет читать и писать. После ее смерти Джейкобс продали белому хозяину, который пытался силой заставить ее вступить с ним в связь. Она сопротивлялась и нашла другого белого любовника, от которого имела двоих детей. «Кажется мне позорным отказаться от своего «я», чем подчиниться насилию», — откровенно писала она. Джейкобс бежала от своего владельца и пустила слух, что отправилась на Север.

В ужасе при одной мысли о том, что ее могут поймать, наказать и вновь обратить в рабство, она провела почти семь лет в городе своего хозяина, сидя взаперти в крошечной комнате на чердаке дома своей бабушки. На своих любимых детей она могла смотреть только через дырки, которые просверлила в полу. Наконец, она смогла уехать на Север и обосновалась в Рочестере, штат Нью-Йорк. Здесь Фредерик Дуглас издавал антирабовладельческую газету «Норт стар», а неподалеку недавно проходил съезд женщин, борющихся за свои права. Там Джейкобс подружилась с Эми Пост, феминистской и аболиционистской, которая убедила ее написать повесть о своей жизни. Так появилась на свет книга «Случаи из жизни девушки-рабыни», которая вышла в свет под псевдонимом «Линда Брент» в 1861 году. Издала ее Лидия Чайлд. В ней откровенно описывалась и осуждалась сексуальная эксплуатация чернокожих рабынь. Книга Джейкобс, как и книги Дугласа, положили начало особому жанру — рассказам о жизни чернокожих рабов — восходящему к творчеству Олаудаха Эквиано в колониальный период.

Гарриет Уилсон (1807–1870 гг.)

Гарриет Уилсон была первой американкой африканского происхождения, которая опубликовала свой роман в США («Наша Ниг, или рассказы о жизни свободной чернокожей женщины» — 1859 г.). Этот роман реалистически описывает брак белой женщины и чернокожего, а также рисует трудную жизнь чернокожей служанки в богатом доме. Когда эта книга вышла в свет, все считали, что автор изобразила собственную жизнь; теперь ясно, что это — художественное произведение.

Подобно Джейкобс, Уилсон не публиковала свои произведения под собственным именем. До недавнего вре-

мени на ее романы не обращали особого внимания. То же самое можно сказать о работах большинства писательниц-женщин той эпохи. Известный исследователь афро-американской литературы Генри Луис Гейтс переиздал роман «Наша Ниг» в 1983 году.

Фредерик Дуглас (1817–1895 гг.)

Наиболее известный из чернокожих американцев, которые боролись против рабства, один из признанных вождей и ораторов своего времени, Фредерик Дуглас родился рабом на плантации Мэриленд. Ему повезло: молодым человеком его отправили в относительно либеральный Балтимор, где он научился читать и писать. Он бежал в Массачусетс в 1838 году, когда ему был 21 год. Дугласу помог аболиционист, редактор Уильям Л. Гаррисон. Молодой человек начал выступать с лекциями против рабства в различных обществах.

В 1845 г. он опубликовал свой роман «Рассказ о жизни Фредерика Дугласа, американского раба, написанный им самим» (второе издание вышло в свет в 1855 г., переработанное и исправленное — в 1892 г.). Это произведение — лучшее и наиболее известное из книг «о жизни рабов». Часто неграмотные чернокожие диктовали свои рассказы белым аболиционистам. Эти повести нередко использовались в целях агитации и были хорошо известны в годы, предшествующие Гражданской войне. Рассказы Дугласа обладают живостью и литературными достоинствами. Они дают уникальную возможность заглянуть в проблему рабства с точки зрения раба.

«Рассказы о жизни рабов» были первым прозаическим жанром литературы чернокожего населения США. Они помогали чернокожим в трудной задаче признания их прав в Америке белых. На протяжении всего XX века эта литература продолжает оказывать большое влияние на тематику и форму современной «черной прозы». Поиски своей манеры изложения, протест против расовой дискриминации свойственны и сегодняшней прозе. Чувство человека, которого вечно преследуют и он вынужден жить жизнью невидимки, «человека из подполья» — это чувство, знакомое белому большинству Америки, возродилось в работах «черных американцев» XX века, таких как Ричард Райт, Джеймс Болдуин, Ральф Эллисон и Тони Моррисон.

ГЛАВА

5

ПОДЪЕМ РЕАЛИЗМА (1860–1914 гг.)

Гражданская война в США 1861–1865 гг. между индустриальным Севером и аграрным рабовладельческим Югом стала переломным моментом в американской истории. На смену невинному оптимизму молодой демократической нации пришел период послевоенной опустошенности и усталости. Американский идеализм продолжал жить, но его направленность изменилась. Если до войны идеалисты выступали за права человека и особенно за отмену рабства, то после войны американцы начинают все больше идеализировать прогресс и человека, который всего добивается сам. Это была эпоха миллионера-промышленника и спекулянта, когда дарвиновская теория эволюции и «выживания сильнейшего», казалось, оправдывала подчас неэтичные методы, используемые преуспевающими промышленниками.

После войны бизнес был на подъеме. Военное производство привело к промышленному росту на Севере, дав ему престиж и политическое влияние. Руководители промышленности также приобрели ценный опыт в управлении людьми и машинами. Громадные природные ресурсы Америки, такие как железо, уголь, нефть, золото и серебро, способствовали развитию бизнеса. Новая система межконтинентальных железных дорог, открытая в 1869 г., и трансконтинентальный телеграф, введенный в действие в 1861 г., обеспечили промышленности доступ к материальным ресурсам, рынкам и средствам связи. К тому же постоянный приток иммигрантов, казалось, гарантировал нескончаемое предложение недорогой рабочей силы. Свыше 23 миллионов иностранцев – в первые годы немцев, скандинавов и ирландцев, а впоследствии все больше выходцев из Центральной и Южной Европы – прибыло в Соединенные Штаты с 1860 по 1910 гг. Владельцы плантаций на Гавайях, железнодорожные компании и другие представители американского бизнеса на западном побережье завозили китайских, японских и филиппинских рабочих для работы по контракту.

В 1860 г. большинство американцев жило на фермах или в небольших деревушках, однако к 1919 г. половина населения была сконцентрирована примерно в двенадцати городах. Появились проблемы урбанизации и индустриализации – убогие, перенаселенные жилища, антисанитарные условия, низкая зарплата (так называемое «рабство за зарплату»), тяжелые условия труда и

недостаточные ограничения на бизнес. Росли профсоюзы, а благодаря забастовкам нация узнала о бедственном положении рабочих. Фермеры также начали бороться против «денежных интересов» восточного побережья и так называемых грабителей-баронов подобных Дж. П. Моргану и Джону Д. Рокфеллеру. Их банки в восточных штатах жестко контролировали закладные и кредиты, столь жизненно важные для развития Запада и сельского хозяйства, в то время как железнодорожные компании взимали высокие тарифы за перевозку сельскохозяйственной продукции в города. Постепенно фермеры превратились в объект насмешек, пародируемые как неотесанные деревенщины. Миллионер стал американским идеалом в период после Гражданской войны. В 1860 г. миллионеров было менее сотни, а к 1875 г. их число перевалило за тысячу.

С 1860 по 1914 гг. США превратились из небольшой молодой аграрной бывшей колонии в огромную современную индустриальную нацию. Нация-должник в 1860 г. стала к 1914 г. богатейшим государством мира, чье население возросло более чем в два раза: с 31 миллиона в 1860 г. до 76 миллионов в 1900 г. К началу первой мировой войны США стали крупнейшей мировой державой.

С развитием индустриализации росло отчуждение. В типичных американских романах того времени, таких как «Мэгги, девушка с улицы» Стивена Крейна, «Мартин Иден» Джека Лондона и позднее в «Американской трагедии» Теодора Драйзера, описывается урон, наносимый слабому или ранимому человеку экономическими силами и отчуждением. Люди, подобные Геку Финну Твена, Хамфри Ванвейдену в «Морском волке» Лондона и оппортунистически настроенной Сестре Кэрри Драйзера, выживают благодаря своей внутренней силе, проистекающей из доброты, гибкости и прежде всего индивидуальности.

Сэмюэл Клеменс (Марк Твен) (1835–1910 гг.)

Сэмюэл Клеменс, больше известный под псевдонимом Марк Твен, вырос в городке Ганнибал, шт. Миссури, на новых землях вдоль Миссисипи. Знаменитое высказывание Эрнеста Хемингуэя о том, что вся американская литература вышла из одной великой книги – «Приключений Гекльберри Финна» Твена, – указывает на выдающееся место этого писателя в американской традиции. Американские писатели начала XIX века бы-

ли склонны к излишней цветистости, сентиментальности или нарочитости отчасти в силу того, что они все еще пытались доказать, что могут писать столь же элегантно, как и англичане. Твеновский стиль, в основе которого лежала живая, реалистичная разговорная американская речь, дал американским авторам возможность по-новому оценить свой национальный голос. Твен стал первым крупным писателем, вышедшим из глубинки, которому удалось запечатлеть отличный, полный юмора сленг и борьбу с предрассудками.

Для Твена и других американских писателей конца XIX века реализм был не просто литературным приемом, но и способом сказать правду и взорвать устаревшие условности. Таким образом, он носил глубоко освободительный характер и потенциально входил в противоречие с обществом. Лучше всего это демонстрирует Гек Финн — бедный мальчик, который решает следовать голосу совести и помочь негру-рабу бежать на свободу несмотря на то, что по мнению Гека, он будет проклят и попадет в ад за то, что нарушил закон.

В шедевре Твена, опубликованном в 1884 г., действие происходит в городишке Санкт-Петербург на Миссисипи. Гека, сына бродяги-пьяницы, только что усыновленного почтенным семейством, грозит убить напавшийся до белой горячки отец. Опасаясь за свою жизнь, Гек убегает, инсценировав свою смерть. К нему присоединяется еще один отверженный, раб Джим, чья хозяйка, мисс Уотсон, собирается продать его вниз по реке в более суровое рабство на самом Юге. Гек и Джим плывут на плоту вниз по величественной Миссисипи до тех пор, пока пароход не топит их плот, они разлучаются, но позже вновь соединяются. На берегу с ними происходит много комических и опасных приключений, в которых отражаются многообразие, щедрость, а иногда и жестокая абсурдность общества. В конце концов оказывается, что мисс Уотсон уже освободила Джима, а почтенная семья берет на себя заботу о дикаре-мальчишке Геке. Однако Гек начинает тяготиться цивилизованным обществом и планирует ударить на Индейскую территорию. Конец преподносит читателю обратную версию классического американского мифа об успехе: открытая дорога ведет в девственную природу, подальше от морально развращающего влияния «цивилизации». Другие литературные примеры этой мысли содержатся в романах Джеймса Фенимора Купера, гимнах открытой дороге Уолта Уитмена, в «Медведе» Уильяма Фолкнера и «На дороге» Джека Керуака.

«Гекльберри Финн» вдохновил писателей на бесчисленное множество интерпретаций. Совершенно очевидно, что этот роман есть история смерти, возрождения и посвящения. Беглый раб Джим становится для Гека вроде отца, а решая спасти Джима, Гек морально вырастает из тесных рамок своего рабовладельческого общества. Именно приключения Джима посвящают Гека в сложности человеческой природы и дают ему моральную смелость.

В романе находит яркое выражение твеновский идеал гармоничного сообщества: «... самое главное, когда плывешь на плоту, — это чтобы все были довольны, не ссорились и не злились друг на друга». Подобно кораблю «Пекод» у Мелвилла, плот тонет, а вместе с ним и

это особое сообщество. Чистый, простой мир плота в конце концов одолевает прогресс в виде парохода, но остается мифический образ реки, огромной и меняющейся, как сама жизнь.

Характерной темой Твена и основой большей части его юмора является неустойчивая связь между реальностью и иллюзией. Великолепная и в то же время коварная, вечно меняющаяся река также занимает главное место в его образном пейзаже. Вспоминая свое ученичество в качестве молодого лоцмана парохода, Твен пишет в «Жизни на Миссисипи»: «Я взялся за работу и стал изучать очертания реки; но из всех ускользающих, неуловимых явлений, которые я когда-либо пытался уловить и закрепить в памяти, река была самым неуловимым».

У Твена моральное чувство писателя сродни его ответственности в качестве лоцмана за то, чтобы довести пароход в безопасное место. Словами «Марк Твен», которые Сэмюэль Клеменс сделал своим псевдонимом, моряки Миссисипи обычно обозначали глубину воды в два фатомы (3,6 метра), необходимую для безопасного прохождения корабля. Серьезные цели Твена в сочетании с его редким юмористическим даром и стилем гарантируют свежесть и привлекательность его произведений.

ЮМОР И РЕАЛИЗМ НОВЫХ ЗЕМЕЛЬ

В творчестве Марка Твена слились два основных течения американской литературы девятнадцатого века, а именно: популярный юмор новых земель и школа местного колорита, или иначе «регионализм». Эти родственные направления зародились в 1830-е годы, хотя их корни уходили в более раннюю местную устную традицию. Байки процветали в драных деревнях новых земель, на речных судах, в шахтерских поселениях и у костров, вокруг которых сидели ковбои, вдалеке от городских увеселений. Преувеличения, небылицы, невероятное хвастовство и комические герои рабочего люда оживляли литературу новых земель. Подобные юмористические формы встречались во многих районах новых земель — на «старом Юго-Западе» (нынешний внутренний Юг и нижний Средний Запад), шахтерских новых землях и тихоокеанском побережье. В каждом районе в центре этих историй были свои колоритные персонажи, как например, скандалист Майк Финк из среды лодочников Миссисипи, отважный паровозный машинист Кейси Джонс, американский негр молотобоец Джон Генри, лесоруб-исполин Поль Баньян, чьей славе содействовала реклама, борец за права индейцев Кит Карсон и пионер Дэви Крокет с западного побережья. В преувеличенном виде их подвиги воспевались в балладах, газетах и журналах. Иногда, как это было с Китом Карсоном и Дэви Крокетом, из этих историй составлялись целые книги.

Твен, Фолкнер и другие писатели, особенно южане, многим обязаны юмористам новых земель периода, предшествовавшего Гражданской войне, таким как Джонсон Купер, Джордж Вашингтон Харрис, Огастес Лонгстрит, Томас Бэнгз Торп и Джозеф Болдуин. Благодаря им и поселенцам новых земель широкое распространение получили комичные американские неологизмы, вроде “absquatulate” (покидать), “flabbergasted”

(ошарашенный) и “rampagious” (неистовый, буйный). Местные хвастуны или «горлопаны с закрученными хвостами», утверждавшие, что они — наполовину лошадь, а наполовину аллигатор, также подчеркивали безграничную энергию новых земель. Они черпали силу из стихийных бедствий, которые вселяли ужас в людей помельче. «Я — самый настоящий торнадо, — расплялся один, — крепкий, как пекан, и выносливый, как северо-западный ветер. Я могу ударить, как падающее дерево, и стоит мне лизнуть, как в толпе появится дыра с полгектара солнечного света».

МЕСТНЫЕ КОЛОРИСТЫ

Подобно юмору новых земель, корни литературы местного колорита уходили в прошлое, но лучшие произведения появились значительно позже периода Гражданской войны. Очевидно, что многие довоенные писатели, начиная с Генри Дэвида Торо и Натаниэля Готорна и кончая Джеймсом Гринлифом Уиттьером и Джеймсом Расселом Лоуэллом, рисовали удивительные картины определенных областей Америки. Колористов же отличал осознанный и исключительный интерес к описанию данной местности и скрупулезная фактологическая и реалистическая техника.

Брет Гарт (1836–1902 гг.) остался в памяти как автор приключенческих рассказов, таких как «Счастье Ревущего Стана» и «Изгнанники Покер-Флета», в которых действие происходит на новых шахтерских землях Запада. Добившийся большого успеха первым из школы местных колористов, Гарт в течение короткого времени был, наверное, самым известным американским писателем — настолько привлекательна была его романтическая картина потрясающего оружием Запада. Внешне реалистичный, он первым ввел в серьезные литературные произведения персонажей из низших слоев общества — коварных шулеров, вульгарных проституток и грубых грабителей. Это сходило ему с рук (как и Чарльзу Диккенсу в Англии, который восхищался произведениями Гарта), так как в конце он показывал, что у этих, казалось бы, отщепенцев на самом деле золотое сердце.

В памяти также сохранились имена писательниц, оставивших тонкие описания Новой Англии, среди них Мэри Уилкинс Фримен (1852–1930 гг.), Гарриет Бичер-Стоу (1811–1896 гг.) и особенно Сара Орн Джуитт (1849–1909 гг.). Лучшим примером оригинальности Джуитт, ее точно подмеченных типов и обстановки шт. Мэн и чуткого стиля является великолепный рассказ «Белая цапля» из «Страны островерхих елей» (1896 г.). Большое влияние на Джуитт оказали полные местного колорита произведения Гарриет Бичер-Стоу, особенно «Жемчужина острова Орт» (1862 г.), где изображались бедные рыбацкие поселения шт. Мэн. Как показывают их письма, в девятнадцатом веке писательницы создавали свою собственную систему моральной поддержки и влияния. Женщины составляли большую часть публики, читающей беллетристику, и многие из них сами писали популярные романы, стихи и юморески.

Все районы страны нашли свое отображение в произведениях, написанных под влиянием местного колорита. В некоторых из них содержался социальный протест, особенно к концу века, когда вопросы обществен-

ного неравенства и экономические трудности ощущались особенно остро. Темы расовой несправедливости и неравенства между полами появляются в произведениях писателей-южан, таких как Джордж Вашингтон Кейбл (1844–1925 гг.) и Кейт Чопин (1851–1904 гг.), чьи мощные романы, в которых действие происходит в кайен-франкоговорящей Луизиане, выходят далеко за рамки местной колористики. В романе «Грандиссимы» (1880 г.) Кейбл дает высокохудожественное изображение расовой несправедливости и опережает свое время, так же как это делает Кейт Чопин в своем смелом романе «Пробуждение» (1899 г.) об обреченной попытке женщины найти себя в страстной любви. В «Пробуждении» молодая замужняя женщина с прелестными детьми и потакающим ей преуспевающим мужем приносит в жертву семью, деньги, респектабельность и в конце концов свою жизнь в поисках самореализации. Необычную интенсивность и сложность этому короткому роману придает поэтическое воплощение океана, птиц (в клетке и выпущенных на волю) и музыки.

Вместе с «Пробуждением» часто упоминают отличный рассказ Шарлотты Перкинс Гилмен (1860–1935 гг.) «Желтые обои». Оба произведения оказались забытыми в течение некоторого времени и были вновь открыты литературными критиками феминистского направления в конце двадцатого века. В рассказе Гилмен снисходительный врач доводит свою жену до безумия, заперев ее в комнате, чтобы «вылечить» от нервного истощения. «Заключенная» жена проецирует свое заточение на обои, в рисунке которых ей видятся женщины, ползущие за решеткой.

РЕАЛИЗМ СРЕДНЕГО ЗАПАДА

Уильям Дин Хоуэлс (1837–1920 гг.), бывший в течение многих лет редактором значительного журнала «Атлантик мансли», печатал реалистические произведения местного колорита, написанные Бретом Гартом, Марком Твенем, Джорджем Вашингтоном Кейблом и другими. Он был поборником реализма, и в его романах, таких как «Современный пример» (1882 г.), «Возвышение Сайлеса Лэфема» (1885 г.) и «Превратности погони за богатством» (1890 г.), описание социальных условий тонко переплетается с чувствами обычных американцев среднего класса.

Его герои движимы любовью, амбициями, идеализмом и соблазнами; Хоуэлс остро сознавал моральное разложение воротил бизнеса «позолоченного века» 1870-х годов. В подтверждение этого Хоуэлс использует ироничное название «Возвышение Сайлеса Лэфема». Сайлес Лэфем становится богатым, надув старого партнера по бизнесу; его семья глубоко обеспокоена его аморальным поступком, однако проходят годы, прежде чем сам Лэфем понимает, что поступил неправильно. В конце происходит моральное искупление, когда Лэфем предпочитает банкротство неэтичному успеху. Как и в случае с Гекльберри Финном, Сайлес Лэфем — это история неуспеха: в крушении бизнеса Лэфема состоит его моральное возвышение. К концу жизни Хоуэлс, подобно Твену, занимает все более активную политическую позицию, защищая права организаторов профсоюзов и осуждая американский колониализм на Филиппинах.

РОМАНИСТЫ-КОСМОПОЛИТЫ *Генри Джеймс (1843–1916 гг.)*

Генри Джеймс однажды написал, что искусство, особенно литературное искусство, «дает жизнь, создает интерес, придает важность». Беллетристика и критика Джеймса была для своего времени самой сознательной, тонкой и сложной. Наряду с Твенем Джеймс обычно называется величайшим американским романистом второй половины девятнадцатого века.

Джеймса отличала его «интернациональная тема», а именно: сложные взаимоотношения между наивными американцами и космополитическими европейцами. По определению его биографа Леона Иделя, первый, или «интернациональный», период творчества Джеймса включал такие произведения, как «Трансатлантические скетчи» (очерки путешествий, 1875 г.), «Американец» (1877 г.), «Дейзи Миллер» (1879 г.) и его шедевр «Женский портрет» (1881 г.). Например, в романе «Американец» Кристофер Ньюмен, наивный, но умный и идеалистично настроенный миллионер-промышленник, добившийся успеха собственными силами, отправляется в Европу в поисках невесты. Когда ее семья отвергает его из-за того, что у него нет аристократического происхождения, он имеет возможность отомстить; отказываясь от мести, Ньюмен демонстрирует свое моральное превосходство.

Второй период в творчестве Джеймса был экспериментальным. Он разрабатывал новые темы, такие как феминизм и социальная реформа в «Бостонцах» (1886 г.) и политическая интрига в «Княгине Казамассиме» (1885 г.). Он также попробовал писать для театра, но неожиданно провалился, когда на первом же представлении его пьеса «Гай Домвилл» была ошканирована.

В третьем, основном периоде своего творчества Джеймс вернулся к международным темам, продемонстрировав более тонкий подход и психологическое проникновение. Сложные и почти мифические «Крылья голубки» (1902 г.), «Послы» (1903 г.; по мнению Джеймса, его лучший роман) и «Золотая чаша» (1904 г.) относятся к этому главному периоду. Если в творчестве Твена главной темой была видимость и реальность, то Джеймс постоянно интересовался восприятием. У Джеймса только самоосознание и ясное восприятие других приводит к мудрости и жертвенной любви. По мере развития Джеймса в его романах появляется все больше психологии, а интерес к внешним событиям ослабевает. В его поздних произведениях все главные события происходят в области психологии — обычно это моменты острого прозрения, показывающие героям их бывшую слепоту. Например, в «Послах» стареющий идеалист Ламберт Стретер обнаруживает тайную любовную связь и тем самым значительно усложняет свою внутреннюю жизнь. Его жесткая честная мораль возрастает и делается более человеческой, когда он открывает в себе способность принять тех, кто согрешил.

Эдит Уортон (1862–1937 гг.)

Как и Джеймс, Эдит Уортон росла некоторое время в Европе и в конце концов осела там. Она была родом из состоятельной семьи с устоявшимся положением в нью-йоркском обществе и воочию видела упадок этой рафинированной группы и, по ее мнению, восхождение

грубоватых семейств бизнесменов-нуворишей. Эти социальные изменения составляют фон многих ее романов.

Как и Джеймс, Уортон противопоставляет американцев европейцам. В центре ее внимания была пропасть, разделяющая общественную реальность и внутренний мир человека. Часто ранимым натурам кажется, что они находятся во власти бесчувственных типов или общественных сил. Эдит Уортон лично испытала подобные ощущения, когда, будучи молодой писательницей, пережила долгий нервный срыв отчасти из-за трудностей роли писательницы и жены.

Среди лучших произведений Уортон «Дом радости» (1905 г.), «Обычай страны» (1913 г.), «Лето» (1917 г.), «Век наивности» (1829 г.) и прекрасно выстроенная новелла «Этан Фром» (1911 г.).

НАТУРАЛИЗМ И «РАЗГРЕБАТЕЛИ ГРЯЗИ»

Препарирование скрытых сексуальных и финансовых мотивов в жизни общества, проводимое Уортоном и Джеймсом, роднит их с писателями, которые на поверхностный взгляд кажутся совсем отличными от них, а именно: со Стивеном Крейном, Джеком Лондоном, Фрэнком Норрисом, Теодором Драйзером и Эптоном Синклером. Подобно прозаикам-космополитам натуралисты использовали реалистический метод, чтобы соотнести личность с обществом, но делали это в более открытой форме. Они часто разоблачали социальные проблемы, находясь под влиянием дарвиновской теории и родственной ей философской доктрины детерминизма, представляющей человека беспомощной пешкой перед лицом экономических и социальных сил, которые он не в состоянии контролировать.

По существу натурализм был литературным выражением детерминизма. Ассоциируемый с унылым реалистическим описанием жизни низов, детерминизм исключает религию из числа движущих сил в мире и вместо этого представляет вселенную в качестве машины. Мыслители эпохи просвещения XVIII века тоже рисовали себе мир наподобие машины, которая однако была совершенной, богоданной и склонной к прогрессу и человеческому совершенствованию. Натуралисты, напротив, представляли общество слепой машиной, безбожной и неконтролируемой.

Американский историк XIX века Генри Адамс выстроил замысловатую теорию истории, состоящей из идеи генератора, или машинной силы, и энтропии, иначе ослабления силы. Вместо прогресса Адамс видел неизбежный упадок человеческого общества.

Сын священника Стивен Крейн сформулировал утрату бога в крайне сжатой форме:

Человек сказал вселенной:

«Сэр, я существую!»

«Однако, — ответила вселенная, —

Сей факт не вызывает во мне чувства долга».

(Пер. Л. Лежневой)

Как и романтизм, натурализм впервые зародился в Европе. Обычно его истоки прослеживаются в работах Оноре де Бальзака 40-х годов XIX века, а сам натурализм

представляется французским литературным движением, связанным с именами Гюстава Флобера, Эдмона и Жюль Гонкуров, Эмиля Золя и Ги де Мопассана. Он смело вскрыл неприглядную изнанку общества и такие темы, как развод, секс, адюльтер, нищета и преступления.

Расцвет натурализма пришелся на период урбанизации американского общества и осознания им важности больших экономических и социальных сил. К 1890 г. границы были объявлены официально закрытыми. Большинство американцев жили в городах, и даже самые отдаленные фермы подпали под власть бизнеса.

Стивен Крейн (1871–1900 гг.)

Стивен Крейн родился в Нью-Джерси, и в его роду были солдаты революционной войны, священники, шерифы, судьи и фермеры, жившие за сто лет до него. Будучи в основном журналистом, который видел жизнь без прикрас в трущобах и на полях сражений, Крейн также писал романы, эссе, стихи и пьесы. Эта литературная форма нашла свое выражение в его коротких рассказах, в частности в «Шлюпке», «Голубом отеле» и «Невеста приходит на желтое небо». Его незабываемый роман о Гражданской войне «Алый знак доблести» был напечатан в 1895 г. и имел большой успех. Крейн, однако, не успел вволю насладиться общественным вниманием, так как умер в возрасте 29 лет вследствие запущенного здоровья. Он был буквально забыт в первые два десятилетия XX века и воскрешен в памяти хвалебной биографией, написанной Томасом Биром в 1923 г. С тех пор его слава защитника простого человека, реалиста и символиста не ослабевала ни на минуту.

«Мэгги, девушка с улицы» (1893 г.) Крейна — один из лучших и, возможно, самых ранних натуралистических американских романов. Это — душераздирающая история бедной чувствительной девушки, которая не находит поддержки у своих невежественных родителей-алкоголиков. Влюбленная и жаждущая убежать от дикостей своего домашнего очага, она позволяет совратить себя молодому человеку, который вскоре ее покидает. Когда ханжествующая мать выгоняет ее, Мэгги становится проституткой, чтобы заработать на пропитание, но вскоре от отчаяния кончает жизнь самоубийством. Приземленная тема Крейна и его объективный, научный стиль, лишенный какого бы то ни было морализаторства, характеризует «Мэгги» как натуралистическое произведение.

Джейк Лондон (1876–1916 гг.)

«Сын волка» (1900 г.), повествующий в основном о районе Клондайк на Аляске и канадском Юконе, был первым сборником рассказов Джека Лондона, бедного рабочего-самоучки из Калифорнии, пишущего в натуралистическом жанре, — сборником, принесшим ему славу и вырвавшим из бедности. Благодаря другим своим бестселлерам, включая «Зов предков» (1903 г.) и «Морской волк» (1904 г.), Лондон стал самым высокооплачиваемым писателем США своего времени.

Автобиографический роман «Мартин Иден» (1909 г.) описывает внутренние стрессы, корнящиеся в американской мечте, которые выпали и на долю самого Лондона во время его молниеносного взлета из неизвест-

ности и нищеты к богатству и славе. Бедный, но умный и трудолюбивый моряк и рабочий, Иден намерен стать писателем. Сочинительство в конце концов делает его богатым и известным, но Иден вдруг понимает, что женщину, которую он любит, интересуют только его деньги и слава. Ее неспособность любить повергает его в отчаяние и приводит к утрате веры в человеческую природу. Он также страдает от классового отчуждения, ибо он больше не принадлежит к рабочему классу и в то же время отвергает материалистические ценности богатых, приложив так много сил, чтобы стать одним из них. Он отплывает на юг Тихого океана и кончает жизнь самоубийством, бросившись в море. Как и многие лучшие романы того времени, «Мартин Иден» — это история неуспеха. Обнажая отчаяние посреди большого богатства, он предвосхищает «Великого Гэтсби» Скотта Фицджеральда.

Теодор Драйзер (1871–1945 гг.)

«Американская трагедия» Теодора Драйзера, вышедшая в 1925 г., как и «Мартин Иден» Лондона, исследует опасности, таящиеся в американской мечте. В романе с большими подробностями описывается жизнь Клайда Гриффитса, слабовольного юноши с ничтожно малым самосознанием. Он растет в страшной бедности в семье уличных проповедников, но мечтает о богатстве и любви красивых женщин. Богатый дядя устраивает Клайда на работу на свою фабрику. Его девушка Роберта, забеременев, требует, чтобы Клайд женился на ней. Между тем Клайд влюбляется в богатую девушку, которая символизирует успех, деньги и признание в обществе. Клайд тщательно планирует утопить Роберту во время лодочной прогулки, но в последний момент передумывает; девушка, однако, случайно падает из лодки. Хороший пловец, Клайд не спасает ее, и она тонет. Пока над Клайдом вершится правосудие, Драйзер раскручивает историю его жизни в обратном порядке, с большим мастерством используя выигрышные положения защиты и обвинения для того, чтобы проанализировать каждый шаг и мотив, приведшие кроткого Клайда, выросшего в глубоко религиозной семье с хорошими связями, к убийству.

Несмотря на свой корявый стиль Драйзер демонстрирует в «Американской трагедии» сокрушительный авторитет. Из точных подробностей вырастает непреодолимое чувство трагической неизбежности. В романе дается убийственная картина мифа об американском успехе, который пошел прахом, и в то же время это — универсальный рассказ о стрессах урбанизации, модернизации и отчуждения. В нем блуждают романтические и опасные фантазии обездоленных.

«Американская трагедия» размышляет о неудовлетворенности, зависти и отчаянии, которые бушуют многих бедных трудящихся в американском обществе конкуренции и погони за успехом.

По мере роста индустриальной мощи Америки представленная в газетах и фотографиях блистательная жизнь богатых все резче контрастировала с бесцветной жизнью обычных фермеров и городских рабочих. Пресса подогревала растущие ожидания и неблагоприятные желания. Такие проблемы, характерные для всех наций, переживающих модернизацию, породили

журналистику «разгребателей грязи», проницательные репортажи-расследования, которые документировали социальные проблемы и служили важным стимулом социальной реформы.

Великая традиция американской журналистики исследования зародилась именно в этот период, когда национальные издания, такие как «Мак-Клур мэгэзин» и «Коллирс», публиковали «Историю «Стандард Ойл Компани» (1904 г.) Айды М. Тарбелл, «Позор городов» (1904 г.) Линкольна Стеффенса и другие мощные разоблачения. В романах «разгребателей грязи» хлесткие журналистские методы использовались для описания тяжелых условий труда и угнетения. В «Спруте» (1901 г.) популист Фрэнк Норрис разоблачал крупные железнодорожные компании, в то время как социалист Эптон Синклер в романе «Джунгли» (1906 г.) рисовал грязь, царящую на мясных комбинатах Чикаго. Антиутопия Джека Лондона «Железная пята» (1908 г.) предвосхищает «1984» Джорджа Оруэлла, предсказывая классовую войну и свержение правительства.

Более художественным откликом был реалистический портрет или групповой портрет рядовых героев и их неудачной внутренней жизни. Сборник рассказов «Главные проезжие дороги» (1891 г.), написанный протее Уильяма Дина Хоуэлса Хэмлингом Гарлендом (1860–1940 гг.), дает портретную галерею обычных людей и шокирующее описание нищеты фермеров на Среднем Западе, требовавших проведения аграрных реформ. В заглавии подразумеваются многие дороги, ведущие на Запад, по которым шли закаленные пионеры, а также пыльные главные улицы их поселков.

К «Главным проезжим дорогам» Гарленда близок по духу «Уайнсбург, Огайо» Шервуда Андерсона (1876–1941 гг.), начатый им в 1916 году. Это – сборник не связанных между собой рассказов о жителях вымышленного городка Уайнсбург, как они видятся молодому наивному репортеру Джорджу Уилларду, который в конце концов уезжает попытать счастья в большом городе. Как «Главные проезжие дороги» и другие натуралистические произведения этого периода, «Уайнсбург, Огайо» выделяет тихую нищету, одиночество и отчаяние, царящие в маленьких городках Америки.

ЧИКАГСКАЯ ШКОЛА ПОЭЗИИ

Карл Сэндберг, Вэчел Линдсей и Эдгар Ли Мастерс были тремя поэтами Среднего Запада, которые выросли в Иллинойсе и разделяли характерную для Среднего Запада заботу о простых людях. В своих стихах они часто писали о мало кому известных личностях и развивали методы реализма и драматического изложения, которые доходили до широкого круга читателей. Их относят к «среднезападной» или «чикагской школе», возникшей накануне первой мировой войны, чтобы бросить вызов литературному истеблишменту восточного побережья. «Чикагский Ренессанс» стал поворотным моментом в американской культуре – он показал, что американская глубинка созрела.

Эдгар Ли Мастерс (1868–1950 гг.)

К концу XIX века Чикаго превратился в крупный город, место новаторской архитектуры и космополитских художественных коллекций. Кроме того, здесь издавался

журнал «Поэтри» Гарриет Монро – самый значительный литературный журнал того времени.

Среди увлекательных современных поэтов, чьи произведения печатались в этом журнале, был Эдгар Ли Мастерс, автор дерзкой «Антологии Спун-Ривер» (1915 г.), с ее новым «непоэтическим» разговорным стилем, откровенным описанием секса, критическим взглядом на сельскую жизнь и внутренней жизнью обычных людей, описанной с большим воображением.

«Антология Спун-Ривер» – это галерея портретов, представленных в виде разговорных эпитафий (надписей на могильных камнях), в которых отдельные жители городка как бы своими словами вкратце описывали свою жизнь. В ней дается панорама захолустного городка с помощью его кладбища: 250 человек, погребенных там, говорят, открывая свои самые потаенные секреты. Многие из них являются родственниками; члены около 20 семей рассказывают о своих неудачах и желаниях в монологах, написанных вольным стихом и звучащих на удивление по-современному.

Карл Сэндберг (1878–1967 гг.)

Один мой друг как-то сказал: «Пытаться написать коротко о Карле Сэндберге – все равно, что попытаться запечатлеть Большой Каньон на одной черно-белой фотографии». Сын кузнеца, работавшего на железной дороге, Сэндберг был поэтом, историком, биографом, романистом, музыкантом, эссеистом и не только. Журналист по профессии, он написал монументальную биографию Авраама Линкольна, ставшую классикой двадцатого века.

Для многих Сэндберг был современным Уолтом Уитменом, писавшим экспансивные, пробуждающие воспоминания урбанистические стихи и патриотические поэмы, а также простые, искренние стишки и баллады. Он много ездил, выступая с чтением своих стихов, и записывал их на студиях, читая нараспев ритмичным сладкозвучным голосом. В глубине души он был совершенно неприязнителен несмотря на свою всенародную славу. Однажды он заметил, что все, что ему нужно от жизни, это «не сидеть в тюрьме... регулярно есть... напечатать то, что я пишу,... чуточку любви дома и чуточку нежной привязанности в разных направлениях американского ландшафта... (и) петь каждый день».

Прекрасным примером его тематики и уитменовского стиля является стихотворение «Чикаго» (1914 г.):

Свинобой и мясник всего мира,
Машиностроитель, хлебный ссыпщик,
Биржевой воротила, хозяин всех перевозок,
Буйный, хриплый, горластый,
Широкоплечий – город-гигант.

(Пер. И. Кашкина)

Вэчел Линдсей (1879–1931 гг.)

Вэчел Линдсей воспевал популизм среднезападного городишки и писал сильные ритмичные стихи, предназначенные для чтения вслух. Его произведения являются необычным связующим звеном между популярными или народными формами поэзии, такими как христианские духовные песнопения и водевиль (популярный театр), с одной стороны, и прогрессивной модернист-

ской поэзией, с другой стороны. Его публичные выступления с чтением собственных стихов были чрезвычайно популярны в свое время и послужили прототипом чтения поэзии битников под аккомпанемент джаза в период после второй мировой войны.

Для популяризации поэзии Линдсей разработал то, что он называл «водевилем более высокого уровня» с использованием музыки и ярко выраженного ритма. В его знаменитом стихотворении «Конго» (1914 г.), расистском с сегодняшней точки зрения, африканская история воспевается посредством смешения джаза, поэзии, музыки и песнопений. В то же самое время он увековечил память таких фигур американской истории, как Авраам Линкольн («Авраам Линкольн бродит в полночь») и Джон Чэпмен («Джонни Эплсид»), часто сдвигая факты вымыслом.

Эдвин Арлингтон Робинсон (1869–1935 гг.)

Лучшим поэтом конца XIX века был Эдвин Арлингтон Робинсон. Как и Эдгар Ли Мастерс, он известен своими короткими ироническими зарисовками характеров обычных людей. Однако в отличие от Мастерса Робинсон пользовался традиционными стихотворными размерами. В придуманном Робинсоном городке Тильбюри-таун, как и в Спун-Ривер Мастерса, жизнь некоторых людей есть сплошное тихое отчаяние.

Среди наиболее известных драматических монологов Робинсона – «Люк Хэвергол» (1896 г.) о покинутой любви, портрет романтического мечтателя «Минивер Чиви» (1910 г.) и «Ричард Кори» (1896 г.), мрачный портрет состоятельного человека, который кончает жизнь самоубийством:

Когда он выходил за свой порог,
Мы, жители окраины, глядели
На джентльмена с головы до ног,
Гуляющего в царственном безделье.

При этом он был скромен и умен
И счастлив оказать несчастным милость.
Он первый всем отвешивал поклон,
Он шел, и все вокруг него светилося.
Он был богат – богаче королей, –
Он был прекрасен, – и сказать по чести,
Всяк полагал, что нет судьбы светлей,
И жаждал быть на дивном этом месте.

Мы трепетали, думая о нем,
И кляли черствый хлеб, и спину гнули,
А Ричард Кори тихим летним днем,
Придя домой, отправил в сердце пулю.
(Пер. А. Сергеева)

«Ричард Кори» стоит в одном ряду с «Мартиним Иденом», «Американской трагедией» и «Великим Гэтсби» как мощное предупреждение о раздутом мифе об успехе, не дававшем покоя американцам в эпоху миллионеров.

ДВЕ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РЕГИОНАЛЬНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

В своих романах Эллен Глазгоу (1873–1945 гг.) и Уилла Кэсер (1873–1947 гг.) живописали жизнь женщин на фоне блестяще переданной местной атмосферы. В их цели не входило обращение к сугубо женской проблематике: героями их ранних произведений обычно были мужчины, и описание жизни женщин появилось только с приходом зрелости и уверенности в своем художественном мастерстве. Слово «писательницы» применимо к Глазгоу и Кэсер исключительно в описательном смысле, ибо их произведения выходят за рамки обычных категорий.

Глазгоу была родом из Ричмонда, шт. Виргиния, старой столицы Южной конфедерации. В ее реалистических романах прослеживается превращение экономики Юга из аграрной в индустриальную. Если в центре ее зрелых произведений, таких как «Виргиния» (1912 г.), стоит опыт Юга, то более поздние романы, такие как «Бесплодная земля» (1925 г.), признанный вершиной ее творчества, рисуют драматическую картину попыток одаренных женщин выйти за рамки традиционных клаустрофобических представлений южан о привязанности к семейной жизни, благочестии и зависимости женщин.

Кэсер, также родом из Виргинии, выросла среди иммигрантов, первых поселенцев прерий Небраски, впоследствии увековеченных в романах «О, пионеры!» (1913 г.), «Моя Антония» (1918 г.) и знаменитом рассказе «Сосед Розичкий» (1928 г.). С течением жизни она все больше уходила от материализма современной жизни и обращалась к совершенно иным картинам американского Юго Запада и прошлого. Так, в романе «Смерть приходит за архиепископом» (1927 г.) описывается идеализм двух священников, утверждающих католическую церковь в пустыне шт. Нью-Мексико в XVI веке. В произведениях Кэсер нашли отражение важные аспекты американской истории, оставшиеся вне поля зрения основных литературных течений, а именно: новые поселенцы, утверждение религии и самостоятельная жизнь женщин.

ПОДЪЕМ НЕГРИТЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Одним из наиболее поразительных литературных достижений периода после Гражданской войны было развитие литературы американских негров. Произведения Букера Т. Вашингтона, Уильяма Дюбуа, Джеймса Уэлдона Джонсона, Чарльза Уэддела Чеснета, Пола Лоуренса Данбара и других заложили основу литературы американских негров, особенно в форме автобиографии, литературы протеста, проповедей, поэзии и песенного творчества.

Букер Т. Вашингтон (1856–1915 гг.)

Букер Т. Вашингтон, педагог и выдающийся негритянский лидер своего времени, был сыном белого рабовладельца и его темнокожей рабыни и вырос рабом в графстве Франклин, шт. Виргиния. Его успешная борьба за самоусовершенствование отлично описана в его безыскусной автобиографии «Из рабства» (1901 г.). Его усилия по улучшению жизни американских негров принесли ему известность; а в своем знаменитом выступле-

нии на открытии выставки штатов «хлопкового пояса» в Атланте (1895 г.) он излагал свою политику соглашения с белыми и вовлечения получивших свободу американских негров в основное русло американского общества.

Уильям Дюбуа (1868–1963 гг.)

Уильям Дюбуа родился в Новой Англии и получил образование в Гарвардском университете, а затем Берлинском университете в Германии. Он был автором эссе «О мистере Букере Т. Вашингтоне и других», позже включенном в его эпохальную книгу «Души черных людей» (1903 г.). Дюбуа детально аргументировал тот факт, что несмотря на свои многочисленные достижения Вашингтон на деле принимал сегрегацию, т. е. неравное и особое отношение к американским неграм, и что сегрегация неизбежно ведет к неполноценности, особенно в образовании. Один из основателей Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения, Дюбуа был кроме того тонким ценителем традиций и культуры американских негров, произведения которого помогли негритянской интеллигенции открыть для себя богатство народной литературы и музыки.

Джеймс Уэлдон Джонсон (1871–1938 гг.)

Подобно Дюбуа, поэт Джеймс Уэлдон Джонсон черпал вдохновение в негритянских спиричуэлсах. В своем стихотворении «Безвестные черные поэты» (1917 г.) Джонсон спрашивает:

В груди какого раба
родилось: «Ускользну,
Ускользну, ускользну
к Иисусу»? В песне своей
Свободной душой он мог
взлетать ввышину,
Хотя его тело влачило
тяжесть цепей.

(Пер. В. Британишского)

Мулат по происхождению, Джонсон исследовал сложную проблему расовых отношений в вымышленной «Автобиографии бывшего цветного» (1912 г.) о человеке смешанной крови, которого все принимают за белого. В книге убедительно показан интерес американских негров к проблеме самоидентификации в Америке.

Чарлз Уэдделл Чеснет (1858–1932 гг.)

Чарлз Уэдделл Чеснет, автор двух сборников рассказов – «Колдунья» (1899 г.) и «Жена его юных лет» (1899 г.), – нескольких романов, включая «В тисках традиции» (1901 г.), и биографии Фредерика Дугласа, немало опередил свое время. Его рассказы посвящены расовым проблемам, но свободны от легко предсказуемых развязок и обобщений; его герои характеризуются яркой индивидуальностью и неоднозначным отношением ко многим вещам, в том числе и расовой принадлежности. Чеснет часто показывает силу негритянского сообщества и утверждает этические ценности и расовую солидарность.

ГЛАВА

6

МОДЕРНИЗМ И ЭКСПЕРИМЕНТАТОРСТВО (1914–1945 гг.)

Многие историки называют период между двумя войнами травматическим «достижением совершеннолетия» Соединенными Штатами Америки, несмотря на относительно короткое прямое участие США в войне 1917–1918 гг. и их существенно меньшие человеческие потери, по сравнению с союзниками и врагами в Европе. Джон Дос Пассос выразил послевоенное разочарование Америки в романе «Три солдата» (1921 г.), заметив, что цивилизация – это «огромная бутафория, а война была ее самым полным и наивысшим выражением, а не ее разрушением». Шокированные и навсегда изменившиеся, американцы возвратились к себе домой, но так и не смогли вновь обрести невинность.

Солдатам из сельских районов Америки также было непросто вернуться к своим корням. Повидав мир, многие теперь стремились к современной городской жизни. Новые сельскохозяйственные машины – сеялки, уборочные комбайны и сноповязалки – резко сократили спрос на фермерских рабочих; и все же, несмотря на возросшую производительность труда, фермеры оставались бедными. Цены на зерно, как и зарплата городских рабочих, зависели от неуправляемых рыночных сил, находящихся под сильным влиянием интересов бизнеса: еще не было ни государственных субсидий фермерам, ни действенных рабочих профсоюзов. «Главное дело американского народа – бизнес», – провозгласил президент Калвин Кулидж в 1925 г., и большинство с ним согласилось.

Бизнес процветал во время великого послевоенного бума, а благополучие тех, кто добился успеха, превзошло их самые необузданные мечты. Впервые многие американцы стали поступать в высшие учебные заведения – в 20-е годы количество студентов колледжей удвоилось. Средний класс процветал; в эту эпоху американцы выходят на первое место в мире по среднему национальному доходу, и многие приобретают наивысший статусный символ – автомобиль. Типичный городской дом в Америке был залит электрическим светом и имел радио, связывавшее его с внешним миром, и, вероятно, телефон, фотоаппарат, пишущую машинку или швейную машину. Как и главный герой Синклера Льюиса – бизнесмен из романа «Бэббит» (1922 г.), – средний американец одобрительно относился к этим машинам, потому что это было современно и большая их часть была изобретена и сделана в Америке.

В «бурные двадцатые» годы американцы увлекались и другими современными развлечениями. Большинство людей ходили раз в неделю в кино. Хотя в 1919 г. был объявлен сухой закон – запрет на производство, транспортировку и продажу алкоголя на всей территории страны согласно 18-й поправке к Конституции США, – быстро размножались подпольные кабаки с нелегальной продажей спиртного и ночные клубы с их джазовой музыкой, коктейлями и вызывающими туалетами и танцами. Все помешались на танцах, кино, автомобильных прогулках и радио. Американские женщины в особенности чувствовали себя эмансипированными. Многие из них покинули фермы и деревни во время первой мировой войны, чтобы исполнить свой гражданский долг на «домашнем фронте» в американских городах, и решительно осовременились. Они носили очень короткие стрижки и короткие модные платья и упивались своим избирательным правом, гарантированным 19-й поправкой к Конституции, принятой в 1920 г. Они смело высказывали свое мнение и играли активную роль в обществе.

Западная молодежь бунтовала, негодовала и испытывала разочарование по поводу варварской войны, виноватого в ней старшего поколения и тяжелого послевоенного экономического положения, которое, как это ни парадоксально, позволяло американцам с долларами, как, например, писателям Скотту Фицджеральду, Эрнесту Хемингуэю, Гертруде Стайн и Эзре Паунду, прекрасно жить за границей на очень небольшие деньги. Интеллектуальные течения, в особенности фрейдистская психология и в меньшей степени марксизм (как ранее – дарвиновская теория эволюции), предполагали «безбожное» мировоззрение и способствовали крушению традиционных ценностей. Американцы усваивали эти взгляды за границей и привозили их с собой в Америку, где они пускали корни, бередя воображение молодых писателей и художников. Так, например, американский романист XX века Уильям Фолкнер использовал элементы фрейдизма во всех своих произведениях, как это делали практически все серьезные американские прозаики после первой мировой войны.

Несмотря на внешнее веселье, современность и небывалое материальное благополучие, молодые американцы 20-х годов были «потерянным поколением», как его окрестила автор литературных портретов Гертру-

да Стайн. Лишенный устойчивой традиционной системы ценностей, человек утрачивал свое чувство самоидентификации. Надежная семейная жизнь, дающая человеку опору, знакомое устоявшееся сообщество, естественные и вечные ритмы природы, управляющие посевом и сбором урожая на ферме, стимулирующее чувство патриотизма и моральные ценности, привитые религиозными верованиями и наблюдениями, — все это, казалось, было подорвано первой мировой войной и ее последствиями.

Многие романы, в частности «И восходит солнце» (1926 г.) Хемингуэя и «По эту сторону рая» (1920 г.) Фицджеральда, запечатлели экстравагантность и разочарование потерянного поколения. В большой и значительной поэме Элиота «Бесплодная земля» безрадостная пустыня, отчаянно нуждающаяся в дожде (духовном обновлении), символизирует западную цивилизацию.

Мировой экономический кризис 30-х годов коснулся большей части населения Соединенных Штатов. Трудящиеся теряли работу, фабрики закрывались, предприятия и банки лопались — в то время, как фермеры не могли убирать, транспортировать и продавать свой урожай, а следовательно, не могли расплатиться с долгами, теряя при этом свои фермы. Засуха на Среднем Западе превратила американскую житницу в район пыльных бурь. В поисках работы многие фермеры отправились со Среднего Запада в Калифорнию, как это было ярко описано Джоном Стайнбеком в «Гроздьях гнева» (1939 г.). В разгар экономического кризиса одна треть всех американцев осталась без работы. Бесплатные столовые, трущобы и армии «хобо» — безработных, перебирающихся с места на место на товарных поездах, — стали частью национальной жизни. Многие воспринимали экономический кризис как наказание за грехи чрезмерного материализма и распущенного образа жизни. Они верили, что пыльные бури, от которых темнело небо Среднего Запада, были ветхозаветной божьей карой с «ураганом днем и тьмой в полдень».

Экономический кризис перевернул мир вверх дном. В 20-е годы США проповедовали Евангелие бизнеса; теперь многие американцы выступали за более активную роль государства в программах «нового курса» президента Франклина Делано Рузвельта. На федеральные средства были созданы рабочие места в государственном секторе, в области охраны окружающей среды и электрификации сельской местности. Художники получили заказы на выполнение настенных росписей, а представителям интеллигенции поручили составить государственные справочники. Эти меры возымели эффект, однако процветание было снова достигнуто только с наращиванием индустриальной мощи во второй мировой войне. После нападения Японии на США в Перл-Харборе 7-го декабря 1941 г. бездействовавшие судовой верфи и заводы энергично заработали, наладив массовое производство кораблей, самолетов, джипов и продовольствия. Военное производство и экспериментаторство привели к развитию новых технологий, включая атомную бомбу. Наблюдая за первым опытным ядерным взрывом, Роберт Оппенгеймер, руководитель международной группы ученых-атомщиков, пророчески процитировал индуистский стих: «Я стану Смертью, разрушителем миров».

МОДЕРНИЗМ

Большая культурная волна модернизма, постепенно возникшая в Европе и Соединенных Штатах в начале XX века, отразила ощущение современной жизни в искусстве в виде резкого разрыва с прошлым, а также с классическими традициями западной цивилизации. Современная жизнь — более научная, ускоренная, более технологичная и механизированная — радикально отличалась от традиционной жизни. Все эти изменения нашли выражение в модернизме.

В литературе Гертруда Стайн (1874–1946 гг.) разрабатывала аналогию новым тенденциям современного искусства. Она жила в Париже и коллекционировала живопись (вместе со своим братом Лео она покупала работы художников Поля Сезанна, Поля Гогена, Пьера Огюста Ренуара, Пабло Пикассо и многих других). Стайн как-то объясняла, что она и Пикассо делают одно и то же: он — в искусстве, а она — в литературе. Используя простые, конкретные слова как противоположности, она развивала абстрактную экспериментальную поэзию в прозе. Этот по-детски простой словарь Стайн напоминает яркие основные цвета современного искусства, а ее повторы имитируют повторяющиеся формы абстрактных визуальных композиций. Смещая грамматику и пунктуацию, она достигала новых абстрактных значений, например, в своем значительном сборнике «Нежные бутоны» (1914 г.), где объекты рассматриваются, как в кубистской картине, под разным углом зрения:

Стол Стол значит не так ли моя дорогая он
значит целую устойчивость.

А может быть изменение. Столзначит больше
чем стекло даже зеркало высокое.

(Пер. Л. Лежневой)

В произведениях Стайн смысл часто подчинен технике так же, как в абстрактном визуальном искусстве предмет менее важен, чем форма. Предмет и метод неразрывно связаны в визуальном искусстве и литературе того времени. В этот период выкристаллизовалась идея того, что форма имеет такое же значение, как и содержание, ставшая краеугольным камнем в искусстве и литературе после второй мировой войны.

Технологическое новаторство в мире фабрик и машин вдохновило на новый подход к технике в искусстве. Рассмотрим такой пример: свет, в особенности электрический свет, завораживал современных художников и писателей. Афиши и реклама этого периода изобилуют образами залитых светом небоскребов и лучей света, струящихся из автомобильных фар, кинотеатров и сторожевых башен с тем, чтобы осветить грозную тьму извне, под которой подразумеваются невежество и старомодные традиции.

Фотография начинала завоевывать статус изобразительного искусства, связанного с новейшими научными разработками. Фотограф Алфред Стиглиц открыл салон в Нью-Йорке, и к 1908 г. он уже экспонировал последние европейские работы, включая произведения Пикассо и других европейских друзей Гертруды Стайн. Салон Стиглица оказал влияние на многих писателей и художников, в том числе Уильяма Карлоса Уильямса, ве-

дущего американского поэта второй половины XX века. Уильямс культивировал фотографическую ясность образа, а его эстетическим кредо было «никаких идей, кроме как выраженных в вещах».

Видение и точка зрения также стали важным аспектом романа в стиле модернизма. Уже не было достаточно дать простое повествование в третьем лице или (того хуже) прибегать к помощи бессмысленно докучливого рассказчика. То, как история рассказывалась, стало так же важно, как и она сама.

Генри Джеймс, Уильям Фолкнер и многие другие американские писатели экспериментировали с вымышленными точками зрения (некоторые занимаются этим до сих пор). Джеймс часто ограничивал информацию в романе тем, что могло быть известно одному действующему лицу. В романе Фолкнера «Шум и ярость» (1929 г.) повествование разбито на четыре части, в каждой из которых даются точки зрения разных персонажей (включая умственно отсталого мальчика).

Для анализа романов и поэзии модернизма в Соединенных Штатах возникла школа «новой критики» с новой критической терминологией. Новые критики выискивали прозрение (момент, в который персонажу неожиданно открывается трансцендентальная истина о ситуации; по-английски используется термин, также означающий явление святого простым смертным); они «исследовали» и «разъясняли» написанное произведение в надежде «пролить на него свет» благодаря своей «проницательности».

ФОРМАЛЬНОЕ ЭКСПЕРИМЕНТИРОВАНИЕ В ПОЭЗИИ: 1914–1945

Эзра Паунд (1885–1972 гг.)

Эзра Паунд был одним из самых влиятельных американских поэтов XX века. С 1908 по 1920 г. он жил в Лондоне, где общался со многими писателями, в том числе с Уильямом Батлером Йитсом, у которого он работал секретарем, и с Т.С. Элиотом, «Бесплодную землю» которого он существенно отредактировал и улучшил. Он был связующим звеном между США и Англией, будучи членом редколлегии влиятельного чикагского журнала «Поэтри», издаваемого Гарриет Монро, и возглавляя новую поэтическую школу, известную под названием «имажизм», которая ратовала за ясное и очень зримое изложение. После «имажизма» он пропагандировал разные поэтические подходы. В конце концов Паунд переехал в Италию, где связался с итальянским фашизмом.

Паунд развивал теорию «имажизма» в письмах, эссе и своей антологии. В письме к Монро в 1915 г. он выступал за зримую поэзию, которая звучит современно и избегает «клише и устоявшихся выражений». В «Нескольких табу имажиста» (1913 г.) он определяет образ («имидж») как «нечто, представляющее одновременно интеллектуальный и эмоциональный комплекс». Составленная Паундом в 1914 г. антология десяти поэтов под названием «Имажисты» давала примеры поэзии «имажизма», написанные такими выдающимися поэтами, как Уильям Карлос Уильямс, Х.Д. (Хильда Дулитл) и Эми Лоуэлл.

Паунд отличался широким кругом интересов и глубокой начитанностью. Его переложения и блестящие, хотя иногда и небезупречные, переводы знакомили со-

временных писателей с новыми литературными находками, почерпнутыми из многих культур. Работой всей его жизни были «Песни», которые он писал и публиковал до самой смерти. В них есть великолепные пассажи, но их восприятие крайне затруднено аллюзиями на произведения литературы и искусства многих эпох и культур. Поэзия Паунда больше всего знаменита своими ясными зримыми образами, свежими рифмами и упругими, умными и необычными строфами, например, в «Песни 81»: «Муравей – кентавр в своем драконьем мире», или в стихах, навеянных японскими хокку, например, «На станции метро» (1916 г.).

Т.С. Элиот (1888–1965 гг.)

Томас Стернз Элиот родился в Сент-Луисе, шт. Миссури, в состоятельной семье с корнями на северо-востоке США. Он получил самое лучшее образование из всех крупных американских писателей его поколения – сначала в Гарварде, затем в Сорбонне и Мертонском колледже Оксфордского университета. Он изучал санскрит и восточную философию, оказавшую влияние на его поэзию. Как и его друг Паунд, он рано переехал в Англию, став там авторитетнейшей фигурой в литературном мире. Он был одним из самых уважаемых поэтов своего времени, а его модернистские, кажущиеся алогичными или абстрактными стихи имели революционное влияние. Он также писал значительные эссе и драмы и настаивал на важности литературных и общественных традиций для современного поэта.

В качестве критика Элиот больше всего запомнился своей формулировкой «объективного коррелята», описанной им в «Священном лесе» как средство выражения эмоции с помощью «набора предметов, ситуаций, череды событий», которые будут «формулой» именно этой эмоции. Такой подход нашел свое отражение в стихах Элиота, таких как «Песнь любви Дж. Альфреда Пруфрока» (1915 г.), когда старый неудачник Пруфрок размышляет о том, что он «измерил чайной ложкой жизнь свою», где чайная ложка используется как символ унылого существования и растраченной жизни.

Знаменитое начало «Пруфрока» Элиота зовет читателя в вульгарные аллеи, которые, как и современная жизнь, не дают ответа на поставленные жизнью вопросы:

Давай пойдём с тобою – ты да я,
Когда лежит вечерняя заря
На небе, как больная под наркозом;
Сквозь малолюдье улиц мы пойдём
С тобой вдвоем
И сквозь ночей бессонных бормотанье
В ночлежках, а в дешёвом ресторане
В опилках на полу – ракушки устриц;
Но вот коварство улиц
К вопросу роковому вновь приводит...
Не спрашивай: «В чём суть?» –
Давай продолжим путь.

(Пер. Я. Пробштейна)

Схожие образы присутствуют в «Бесплодной земле» (1922 г.), которая перекликается с дантовским «Адом»

в описании запруженных улиц Лондона времен первой мировой войны:

Город-Фантом:

В буре тумане зимнего утра

По Лондонскому мосту текли нескончаемые
вереницы —

Никогда не думал, что смерть унесла уже
стольких... (I, 60–63)

В конце концов картина «Бесплодной земли»
становится апокалиптической и вселенской:

Рассыпается в лиловом небе

Падают башни

Иерусалим Афины Александрия

Вена Лондон

Фантом. (V, 373–377)

(Пер. С. Степанова)

Среди других основных поэм Элиота — «Геронтион» (1920 г.), в которой образ старого человека символизирует дряхлость западного общества; «Полые люди» (1925 г.) — волнующая панихида по духовной смерти современного человечества; «Пепельная среда» (1930 г.), в которой он прямо обращается к англиканской церкви в поисках смысла человеческой жизни, и «Четыре квартета» (1943 г.) — сложная, крайне субъективная экспериментальная медитация на трансцендентные темы, такие как время, природа собственного «я» и духовное самосознание. Несколько последующих поколений испытали на себе влияние поэзии Элиота, особенно его смелых, новаторских ранних стихов.

Роберт Фрост (1874–1963 гг.)

Роберт Ли Фрост родился в Калифорнии, но до 10 лет рос на ферме на северо-востоке США. Подобно Элиоту и Паунду, он уехал в Англию, привлеченный ее новыми поэтическими движениями. Это был харизматический чтец, прославившийся своими гастрольями с чтением стихов. Он читал свои стихи на церемонии инаугурации президента Джона Ф. Кеннеди в 1961 г., содействуя тем самым пробуждению национального интереса к поэзии. Его популярность легко объяснима: он писал о традиционной фермерской жизни, апеллируя к ностальгии по старым обычаям. Его темы универсальны — сбор яблок, каменные стены, ограды, сельские дороги. У Фроста был ясный, доступный подход — он редко прибегал к педантичным аллюзиям или эллипсису, а его частое использование рифмы также нравилось массовому читателю.

Произведения Фроста часто характеризует обманчивая простота. Многие его стихи тем не менее имеют глубокий смысл. Так, например, в почти гипнотических рифмах описания тихого заснеженного вечера в «Остановившись на опушке в снежных сумерках» (1923 г.) можно угадать отнюдь не нежелательное приближение смерти.

Уоллес Стивенс (1879–1955 гг.)

Уоллес Стивенс родился в Пенсильвании и окончил Гарвардский университет и Нью-Йоркскую юридическую школу. С 1904 по 1916 г. он занимался адвокатской

практикой в Нью-Йорке, где в то время была активная художественная и поэтическая жизнь. Переехав в 1916 г. в Хартфорд, шт. Коннектикут, ради службы в страховой компании, Стивенс продолжал писать стихи. Его жизнь удивительна своей герметичностью: его сослуживцы по страховой компании и не подозревали, что Стивенс крупный поэт. В частной жизни он развивал чрезвычайно сложные идеи эстетического порядка в книгах с соответствующими названиями, таких как «Классическая гармония» (дополненное издание 1931 г.), «Идеи порядка» (1935 г.) и «Части света» (1942 г.). Среди его наиболее известных стихов — «Воскресное утро», «Питер Квинс на клавишных», «Император мороженого», «Тринадцать способов видеть черного дрозда» и «Идея порядка в Ки Уэст».

В поэзии Стивенса затрагиваются темы воображения, необходимости эстетической формы и веры в то, что порядок в искусстве соответствует порядку в природе. Его словарь богат и разнообразен: ему в равной степени удаются буйные тропические картины и сухие, полные юмора и иронии, виньетки.

Некоторые из его стихов содержат элементы поп-культуры, в то время как другие высмеивают изысканное общество или возносят читателя в интеллектуальный рай. Стивенс известен своей роскошной игрой слов, например: «Вскоре, гремя, как тамбурины, вошли сопровождающие ее византийцы».

Стихи Стивенса полны удивительных догадок. Иногда он дурачит читателя, например, в «Разочаровании в 10 часов» (1931 г.).

Кажется, что в этом стихотворении осуждается лишнее воображение существование (простые белые ночные рубашки), но на самом деле оно рождает яркие образы в уме читателя. В конце пьяный моряк, забыв о правилах приличия, «ловит тигров» — по крайней мере во сне. В стихотворении показывается, что человеческое воображение, будь то читателя или моряка, всегда найдет творческий выход.

Уильям Карлос Уильямс (1883–1963 гг.)

Всю свою жизнь Уильям Карлос Уильямс был практикующим педиатром, который помог двум тысячам малышей появиться на белый свет, и писал стихи на рецептурных бланках. Уильямс учился в школе вместе с поэтами Эзрой Паундом и Хильдой Дулитл, и в его ранних стихах чувствуется влияние «имажизма». Позднее он выступал за использование в поэзии разговорной речи, а его тонкое ощущение естественных ритмов американского английского помогло освободить американскую поэзию от засилья ямбического размера, довлевшего над английской поэзией со времен Возрождения. Его симпатии к обычному трудовому люду, детям и будничным событиям в обстановке современного города делают его поэзию привлекательной и легко доступной. В его «Красной тачке» (1923 г.), как в голландском натюрморте, предметы повседневной жизни оказываются прекрасными и достойными внимания.

Уильямс культивировал непринужденную, естественную поэзию. В его руках стих не превращался в совершенное произведение искусства, как у Стивенса, и не воссоздавал происшедшее скрупулезно, в духе Вордсворта, как у Фроста. Вместо этого стих должен был

запечатлеть момент времени, как импровизационный снимок, по идее, подсказанной Уильямсу фотографиями и художниками, которых он встречал в галереях, подобных студии Стиглица в Нью-Йорке. Как это иногда случается с фотографиями, в его стихах часто содержится намек на скрытые возможности или обаяние, например, в «Молодой домохозяйке» (1917 г.).

Он называл свою поэзию «объективистской», подчеркивая важность конкретных зримых объектов. Его стихи часто фиксировали спонтанный, эмотивный характер переживания и оказали влияние на произведения «битников» в начале 50-х годов.

Подобно Элиоту и Паунду, Уильямс попробовал себя в эпическом жанре, однако, если эпические поэмы Элиота и Паунда содержали литературные аллюзии, адресованные узкому кругу эрудированных читателей, то Уильямс пишет для более широкой аудитории. Несмотря на то, что он учился за границей, Уильямс предпочел жить в США. Его поэма «Патерсон» (в пяти томах, изданных в 1946–1958 гг.) воспекает его родной город Патерсон, шт. Нью-Джерси, как он видится автобиографическому персонажу д-ру Патерсону. В ней перемежаются стихи, отрывки прозы, письма, автобиографические записи, газетные репортажи и исторические факты. Обилие чистых белых листов в макете книги подсказывает тему открытого пути американской литературы и создает впечатление новых горизонтов, открытых даже для бедных, которые устраивают пикники в общественном парке по воскресеньям. Как и лирический герой в «Листьях травы» Уитмена, д-р Патерсон свободно движется среди рабочего люда:

— поздней весной,
воскресным полднем!
— идет тропинкой к
скале (считая это
подтверждением)

он сам среди других
— ступает там на те же камни,
где они поскальзывались,
поднимаясь
вслед за своими собаками!
смеясь и крича друг другу —

Подожди меня!
(II, i, 14–23)
(Пер. Л. Лежневой)

МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ *Робинсон Джефферс (1887–1962 гг.)*

В годы между двумя мировыми войнами появилось множество достойных американских поэтов с настоящим воображением, среди них были поэты с западного побережья, женщины и афро-американцы. Как и романист Джон Стейнбек, Робинсон Джефферс жил в Калифорнии и писал об испанских ранчери, индейцах, их смешанных традициях и незабываемой красоте местной природы. Получивший классическое образование и хорошо знакомый с Фрейдом, он воссоздавал темы греческой трагедии на фоне сурового морского побережья. Наибольшую известность принесли поэту трагические повести «Фамарь» (1924 г.), «Чалый

же-ребец» (1925 г.), «Башня, возвышающаяся над трагедией» (1924 г.) — переложение «Агамемнона» Эсхила и «Медея» (1946 г.) — переложение трагедии Еврипида.

Эдвард Эстлин Каммингс (1894–1962 гг.)

Эдвард Эстлин Каммингс, широко известный как э. э. каммингс, писал притягательные новаторские стихи, отличавшиеся юмором, изяществом, воспеванием любви и эротике, а также экспериментами с пунктуацией и зримым форматом страницы. Художник по образованию, Каммингс первым из американских поэтов осознал, что поэзия превратилась из устного в основном в визуальное искусство. В его стихах часто использовались необычные пробелы и отступы, а также полностью отсутствовали заглавные буквы.

Как и Уильямс, Каммингс пользовался разговорным языком, яркими образами и словами, заимствованными из поп-культуры. Как и Уильямс, он творчески вольно обращался с форматом страницы. Например, в стихотворении «чересчур...» (1940 г.) читателю предлагается дополнить недостающие мысли:

чересчур...

Весна когда мир превращается
в грязь...
ласкающая хромого
кроху продавца воздушных
шаров
свистит далеко и фью

а эддибилл бегут
наигравшись в шарики и
пиратов и все это
весна...

(Пер. Л. Лежневой)

Харт Крейн (1899–1932 гг.)

Харт Крейн был мучимым сомнениями молодым поэтом, который в 33 года покончил жизнь самоубийством, бросившись в море. После него остались поразительные стихи, в том числе эпическая поэма «Мост» (1930 г.), которую он написал под впечатлением от только что построенного Бруклинского моста и в которой поставил себе честолюбивую цель проследить историю американской культуры и переписать ее в положительных тонах. Его сочный, перекаленный стиль достигает наивысшего эффекта в коротких стихах, таких как «Путешествия» (1923, 1926 гг.) и «На могиле Мелвилла» (1926 г.), конец которого звучит как подходящая эпитафия самому Крейну:

Погребальная песнь не разбудит матроса.
Лишь море таит легендарную тень.

(Пер. Л. Лежневой)

Марианна Мур (1887–1972 гг.)

Марианна Мур однажды написала, что стихи — это «воображаемые сады с настоящими жабами в них». Ее стихи разговорны, и в то же время для них характерны сложное и изысканное силлабическое стихосложение,

удивительно точное описание и использование исторических и научных фактов. «Поэт для поэтов», она оказала большое влияние на стихотворцев младшего поколения, таких как ее молодая подруга Элизабет Бишоп.

Лэнгстон Хьюз (1902–1967 гг.)

Лэнгстон Хьюз был одним из многих талантливых поэтов школы «Гарлемского возрождения» 20-х годов, к которой также принадлежали Джеймс Уэлдон Джонсон, Клод Маккей, Каунти Каллен и другие. Хьюз проникся ритмами афро-американского джаза и одним из первых негритянских авторов попытался сделать успешную писательскую карьеру. Он включал в свою поэзию блюзы, спиричуэлс, разговорную речь и элементы фольклора.

Хьюз был влиятельным организатором в области культуры, издал несколько антологий негритянских поэтов и основал негритянские театральные труппы в Лос-Анджелесе, Чикаго и Нью-Йорке. Хьюз также оказался неплохим журналистом, создавшим образ Джессе Б. Симпла (от английского слова «простой»), от чьего имени давались комментарии к общественной жизни. В одном из своих самых любимых стихотворений «Негр говорит о реках» (1921, 1925 гг.) поэт дает величественно эпический перечень, обращаясь к своему африканскому – и всемирному – наследию. Из стихотворения следует вывод, что подобно великим рекам мира африканская культура выживет и будет развиваться дальше.

АМЕРИКАНСКИЙ РЕАЛИЗМ. ПРОЗА 1914–1945 ГГ.

Хотя в период между двумя войнами американские прозаики экспериментировали с точкой зрения в повествовании и формой, в целом они писали более реалистично, чем европейцы. Романист Эрнест Хемингуэй писал о войне, охоте и других мужских увлечениях, используя простой стиль, лишенный какого-либо пафоса; мощные южные романы Уильяма Фолкнера, охватывающие несколько поколений и культур, неотделимы от жары и пыли шт. Миссисипи; между тем Синклер Льюис с ироничной прозрачностью обрисовывал жизнь буржуа.

Лейтмотивом 20-х и 30-х годов была необходимость смотреть правде в лицо. Писатели, такие как Скотт Фицджеральд, и драматург Юджин О'Нил неоднократно рисовали трагедию, ожидающую тех, кто живет хрупкими мечтами.

Ф. Скотт Фицджеральд (1896–1940 гг.)

Жизнь Фрэнсиса Скотта Ки Фицджеральда похожа на волшебную сказку. В годы первой мировой войны Фицджеральд поступает в американскую армию и влюбляется в богатую красивую девушку Зельду Сэйр, жившую недалеко от Монтгомери, шт. Алабама, где была расквартирована его часть. Ввиду его относительной бедности Зельда разрывает их помолвку. После демобилизации в конце войны Фицджеральд отправляется в Нью-Йорк, чтобы попытать счастья на литературном поприще и жениться на Зельде.

Его первый роман «По эту сторону рая» (1924 г.) становится бестселлером, и в этом же году они женятся.

Ни он, ни она не были в состоянии справиться со стрессами, сопряженными с успехом и славой, и очень скоро они промотали все свои деньги. В целях экономии они переезжают в 1924 г. во Францию и возвращаются в США через семь лет. У Зельды обнаруживается душевное заболевание, ее помещают в клинику, а сам Фицджеральд превращается в алкоголика, зарабатывает на жизнь писанием киносценариев и умирает, не дожив до старости.

Своим прочным положением в американской литературе он обязан прежде всего роману «Великий Гэтсби» (1925 г.) – блестяще написанному и экономно выстроенному рассказу об американской мечте, претворенной в жизнь выбившимся из низов человеком. Главный герой, загадочный Джей Гэтсби, обнаруживает страшную цену успеха в том, что касается самореализации и любви. Среди других прекрасных произведений Фицджеральда – «Ночь нежна» (1934 г.) о молодом психиатре, чья жизнь загублена женитьбой на неуравновешенной женщине, и несколько рассказов из сборников «Эмансипированные и глубокомысленные» (1920 г.), «Сказки века джаза» (1922 г.) и «Все эти печальные молодые люди» (1926). Лучше, чем какому-либо другому писателю, Фицджеральду удалось передать блистательную и отчаянную жизнь двадцатых годов. В своем втором романе «Красивые и обреченные» (1922 г.) он продолжил исследование саморазрушительной экстравагантности его времени.

К особенностям творчества Фицджеральда относятся его блестящий стиль, идеально соответствующий теме соблазнительной роскоши. В знаменитых строчках из «Великого Гэтсби» долгий ход времени мастерски передается в двух предложениях: «Летними вечерами на вилле у моего соседа звучала музыка. Мужские и женские силуэты вились, точно мотыльки, в синеве его сада, среди приглушенных голосов, шампанского и звезд».

Эрнест Хемингуэй (1899–1961 гг.)

Мало кто из писателей прожил столь красочную жизнь, как Хемингуэй, чья судьба могла бы войти в любовь из его приключенческих романов. Как и Фицджеральд, Драйзер и многие другие прекрасные романисты XX века, Хемингуэй был родом с американского Среднего Запада. Он родился в Иллинойсе, а каникулы в детстве проводил в Мичигане, занимаясь охотой и рыбной ловлей. Во время первой мировой войны он отправился добровольцем-санитаром во Францию, где был ранен и пробыл в больнице шесть месяцев. После войны, находясь в Париже в качестве военного корреспондента, Хемингуэй познакомился с постоянно живущими там американскими писателями Шервудом Андерсоном, Эзрой Паундом, Скоттом Фицджеральдом и Гертрудой Стайн. Последняя оказала особенное влияние на его строгий стиль.

После того как его роман «И восходит солнце» (1926 г.) принес ему славу, Хемингуэй делал репортажи о гражданской войне в Испании, второй мировой войне и сражениях в Китае в 40-х годах. Во время сафари в Африке он получил серьезную травму, когда его маленький самолет потерпел крушение, но несмотря на все это он продолжал с удовольствием заниматься охотой

и рыбной ловлей, вдохновившими его на ряд лучших произведений. «Старик и море» (1952 г.), поэтическая повесть о бедном старом рыбаке, героически выловившем огромную рыбу, которую съедают акулы, принесла писателю Пулитцеровскую премию в 1953 г.; в следующем году ему была присуждена Нобелевская премия. Доведенный до отчаяния семейным неблагополучием, болезнью и мыслью о том, что он теряет свой писательский дар, Хемингуэй застрелился в 1961 г.

Хемингуэй, бесспорно, самый популярный американский романист XX века. Его симпатии, по существу аполитичные и гуманистические, делают его общечеловеческим писателем. Благодаря простому стилю романы писателя легки для восприятия, а их действие часто развивается на фоне экзотической природы. Хемингуэй верил в «культ опыта» и часто помещал своих героев в опасные обстоятельства для того, чтобы обнажить их внутреннюю природу; в его поздних произведениях опасность используется как повод для мужского самоутверждения.

Как и Фицджеральд, Хемингуэй стал выразителем взглядов своего поколения. Но вместо того, чтобы рисовать губительную роскошь, как это делал Фицджеральд, который не воевал в первой мировой войне, Хемингуэй писал о войне, смерти и «потерянном поколении» выживших циников. Его герои отнюдь не мечтатели, а закаленные тореадоры, солдаты и спортсмены. Если они интеллектуалы, то глубоко разочарованные и опаленные пережитым.

Отличительной чертой писателя стал его прозрачный стиль, лишенный ненужных слов. Излюбленный прием Хемингуэя — преуменьшение. Так, в романе «Прощай, оружие!» (1929 г.) героиня умирает при родах со словами: «Я ни капельки не боюсь. Это только скверная шутка». Как-то Хемингуэй сравнил свое литературное творчество с айсбергом: «Видна только восьмая часть того, что находится под водой».

Автор демонстрирует тонкое чувство диалога и точное описание в превосходных коротких рассказах, таких как «Снега Килиманджаро» и «Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера». На самом деле критики вообще считают, что его короткие рассказы не уступают, а быть может, даже превосходят его романы. Лучшее из написанного Хемингуэем — это романы «И восходит солнце» о деморализованных американцах, живущих за границей после первой мировой войны, «Прощай, оружие!» о трагичной любви американского солдата и медсестры-англичанки во время войны, «По ком звонит колокол» (1940 г.), в котором действие происходит во время гражданской войны в Испании, и «Старик и море».

Уильям Фолкнер (1897–1962 гг.)

Уильям Гаррисон Фолкнер происходил из старой семьи южан и вырос в городке Оксфорд, шт. Миссисипи, где он прожил большую часть своей жизни. Он создал целый вымышленный округ Йокнапатофа, который упоминается в ряде романов, и населил его несколькими семьями, связанными между собой многими поколениями. Округ Йокнапатофа и его столица Джефферсон очень напоминают Оксфорд в Миссисипи и близлежащую окрестность. Писатель воссоздает историю

земли и населяющих ее разных рас — индейцев, афроамериканцев, американцев европейского происхождения и потомков разного рода смешанных браков. Будучи новатором, Фолкнер блестяще экспериментирует с хронологией повествования, различными точками зрения и от чьего лица идет повествование (включая отверженных, детей и неграмотных), а также с роскошным и требовательным барочным стилем, построенным на чрезвычайно длинных предложениях, усложненных множеством придаточных.

Лучшими романами Фолкнера являются «Шум и ярость» (1929 г.) и «На смертном одре» (1930 г.) — два модернистских произведения, в которых автор экспериментирует с точками зрения и рассказчиками, чтобы исследовать, как семейства южан справляются с утратой члена семьи; «Свет в августе» (1932 г.) о сложных и неистовых отношениях между белой женщиной и негром и, возможно, его шедевр «Авесалом! Авесалом!» (1936 г.) о возвышении из бедности плантатора и его трагическом падении из-за расовых предрассудков и неумения любить.

В большинстве этих романов история рассказывается по частям разными действующими лицами, чтобы показать, что смысл заключен как в манере изложения, так и в излагаемой теме. Используя разные точки зрения, Фолкнер в большей мере соотносит изложение с самим собой и рефлексиирует, чем Хемингуэй или Фицджеральд; в каждом романе Фолкнера содержится размышление на тему излагаемой истории, которая представляет универсальный интерес. В центре внимания автора традиции южан, семья, сообщество, родная земля, история и прошлое, расовые отношения и страсти честолюбия и любви. Он также написал трилогию «Деревушка» (1940 г.), «Город» (1957 г.) и «Особняк» (1959 г.), посвященную возвышению вырождающегося клана Сноупсов.

СОЦИАЛЬНЫЙ РОМАН

Начиная с 90-х годов XIX века подводное течение социального протеста проходит сквозь американскую литературу, выливаясь в натурализм Стивена Крейна и Теодора Драйзера и ясные идеи «разгребателей грязи». Позже среди социально ангажированных были писатели Синклер Льюис, Джон Стейнбек, Джон Дос Пассос, Ричард Райт и драматург Клиффорд Одетс. Они ассоциируются с периодом тридцатых годов с их заботой о благополучии простых граждан и интересом к определенным группам людей: профессиям — врача в архетипичном «Эроусмите» или местного бизнесмена в «Бэббите» Синклера Льюиса; семьям — в «Гроздьях гнева» Стейнбека, или городским массам — как их описывает Дос Пассос на примере одиннадцати главных героев своей трилогии «США».

Синклер Льюис (1885–1951 гг.)

Гарри Синклер Льюис родился в Сок-Сентр, шт. Миннесота, и окончил Йельский университет. Во время учебы он находит время для работы в социалистическом объединении «Геликон хоум колони», финансируемом «разгребателем грязи» Эптоном Синклером. В своей книге «Главная улица» (1920 г.) Льюис дает сатирическое описание монотонной и лицемерной жизни городка

Гофер Прери в Миннесоте. Его пронизательное изображение американской жизни и критика материализма, ограниченности и лицемерия американцев снискали ему национальное и международное признание. В 1926 г. за роман «Эроусмит» (1925 г.), повествующий о попытках врача-ученого остаться верным своей медицинской этике среди корысти и коррупции, Льюису была присуждена Пулитцеровская премия (от которой он отказался). В 1930 г. Льюис стал первым американцем, получившим Нобелевскую премию по литературе.

В «Бэббите», другом крупном романе Льюиса, написанном в 1922 г., показан обычный бизнесмен Джордж Бэббит, живущий и работающий в обычном американском городе Зените. Предприимчивый Бэббит имеет определенные моральные принципы и верит в то, что бизнес предлагает новый научный подход к современной жизни. Чувствуя неудовлетворенность, он стремится найти себя, испытывает разочарование от своего романа с богемной женщиной, возвращается к своей жене и смиряется со своей судьбой. Роман обогатил американский язык новым понятием «бэббитри», означающим мещанскую ограниченность и буржуазное самодовольство. В «Элмере Гентри» (1927 г.) разоблачается религиозное учение «возрожденцев» в США, а в романе «Касс Тимберлейн» (1945 г.) исследуется напряженность, возникающая в семейной жизни пожилого судьи и его молодой жены.

Джон Дос Пассос (1896–1970 гг.)

Подобно Синклеру Льюису, Джон Дос Пассос начал с леворадикальных позиций и к концу жизни эволюционировал вправо. Дос Пассос писал реалистическую прозу в соответствии с доктриной социалистического реализма, достигая научной объективности и почти документального эффекта в лучших своих романах. Он развивал экспериментальный метод коллажа в своем шедевре «США», в который входят «42-я параллель» (1930 г.), «1919» (1932 г.) и «Большие деньги» (1936 г.). Эта объемная трилогия охватывает социальную историю Соединенных Штатов с 1900 по 1930 г. и разоблачает на примере жизни главных героев моральную коррупцию материалистичного американского общества.

Новый метод Дос Пассоса включал «хроникальные» отрывки, состоящие из современных газетных заголовков, популярных песен и рекламных текстов, и краткие «биографии» знаменитых американцев того времени, таких как изобретатель Томас Эдисон, лидер профсоюзного движения Юджин Деббс, кинозвезда Рудольфо Валентино, финансист Дж. П. Морган и социолог Торстен Веблен. И «хроника», и биографии придают документальную ценность романам Дос Пассоса, третьим компонентом которых был «киноглаз» — своеобразные отрывки потока сознания в форме стихов в прозе, передающие субъективный отклик автора на описываемые в книге события.

Джон Стейнбек (1902–1968 гг.)

Как и Синклер Льюис, Джон Стейнбек пользуется сегодня большим уважением среди критиков за пределами Соединенных Штатов, чем у себя дома, в значительной мере благодаря присуждению ему Нобелевской премии по литературе в 1963 г. и принесенной ею меж-

дународной славе. В обоих случаях Нобелевский комитет избрал либерально настроенных американских авторов, известных своей социальной критикой.

Калифорниец Стейнбек делает местом действия многих своих произведений Калифорнийскую долину вблизи Сан-Франциско. Его самый известный роман «Гроздь гнева» (1939 г.), принесший ему Пулитцеровскую премию, описывает мучения бедной оклахомской семьи, которая лишается своей фермы в период всемирного экономического кризиса и отправляется в Калифорнию в поисках работы. Члены семьи подвергаются феодальному угнетению со стороны богатых местных землевладельцев. Также в Калифорнии разворачиваются события в «Квартале Тортилья-Флэт» (1935 г.), «О мышах и людях» (1937 г.), «Консервном ряду» (1945 г.) и «К востоку от рая» (1952 г.).

Стейнбек сочетает реализм с примитивным романтизмом, находя добродетель в образах бедных фермеров, не отрывающихся от земли. Его романы, однако, показывают уязвимость этих людей, которых засуха может вынудить покинуть родные места и которые первыми страдают в периоды политических волнений и экономических кризисов.

ГАРЛЕМСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Во время неудержимой активности 20-х годов негритянский район Гарлем, расположенный на окраине Нью-Йорка, бурлил страстями и творчеством. Звуки негритянского джаза заполнили все Соединенные Штаты, а джазовые музыканты и композиторы, такие как Дюк Эллингтон, стали любимцами всей страны и за рубежом. Бесси Смит и другие певицы блюзов с неподдельным чувством исполняли откровенные, чувственные и насмешливые стихи. Негритянские спиричуэлс добились широкого признания как изумительно красивая духовная музыка. Негритянская актриса Этель Уотерс триумфально блистала на сцене, и вместе с музыкой и театром происходил расцвет негритянского балета и искусства.

Среди богатого многообразия талантов в Гарлеме существовали самые разные точки зрения. Сочувственная картина Гарлема, нарисованная в написанном в 1926 г. романе Карла Вэн Вэчтена, дает некоторое представление о сложной горько-сладкой жизни американских негров ввиду экономического и социального неравенства.

Поэт Каунти Каллен (1903–1946 гг.), который родился в Гарлеме и непродолжительное время был мужем дочери Уильяма Дюбуа, писал совершенные, традиционные по форме рифмованные стихи, которые очень нравились белым. Он полагал, что поэт не должен позволять расовым соображениям диктовать тему и стиль стиха. На другом полюсе находились афро-американцы, отвергавшие Соединенные Штаты в пользу движения «Назад в Африку», руководимого Маркусом Гарвеем. Где-то между этими полюсами лежит творчество Джина Тумера.

Джин Тумер (1894–1967 гг.)

Как и Каллен, афро-американский прозаик и поэт Джин Тумер представлял себе американцев вне расовых характеристик. Возможно, в силу этого он с блес-

ком использовал поэтические традиции рифмы и размера и не стремился изобретать новые «негритянские» формы в своей поэзии. Тем не менее, его главное произведение «Тростник» (1923 г.) полно честолобных новаторских идей. Как и поэма «Патерсон» Уильямса, «Тростник» включает в себя стихи, виньетки в прозе, рассказы и автобиографические заметки. В поэме Тумера афро-американец пытается обрести самого себя внутри и вне негритянских сообществ сельской Джорджии, столичного Вашингтона, округ Колумбия, и Чикаго, шт. Иллинойс, а также в лице чернокожего учителя на Юге. Негры сельской Джорджии, как их описывает Тумер в «Тростнике», обладают природным артистизмом:

Их голоса возносятся... гитарный сосен звон,
Как дождь, иголки падают, под ветра перебор...
Их голоса возносятся... тростник поет, как хор,
Служа вечерно звездам, устлавшим небосклон...
(I, 21–24)

(Пер. Л. Лежневой)

Резким контрастом выглядит быстрый ритм жизни афро-американцев в Вашингтоне:

Деньги жгут карман, причиняя боль,
Бутлеггеров надутых мчит быстрее «линкольн»,
В шелковых рубашках, набычившись, сидят,
По путям трамвайным шины свистят. (II, 1–4)

(Пер. Л. Лежневой)

Ричард Райт (1908–1960 гг.)

Ричард Райт родился в шт. Миссисипи в семье бедного издольщика, который оставил семью, когда мальчику было пять лет. Райт стал первым афро-американским романистом, которому удалось завоевать широкую аудиторию, несмотря на то, что он едва окончил девять классов. Он описал свое трудное детство в одной из своих лучших книг — автобиографическом романе «Черный» (1945 г.). Позже он признался, что из-за расизма его чувство обездоленности было настолько острым, что он выжил только благодаря чтению.

Райт черпал вдохновение в социальной критике и реализме Шервуда Андерсона, Теодора Драйзера и Синклера Льюиса. В 30-е годы он вступил в коммунистическую партию; в 40-е переехал во Францию, где познакомился с Гертрудой Стайн и Жаном-Полем Сартром и стал антикоммунистом. Своей откровенной прозой он проложил дорогу последующим афро-американским романистам.

Он написал сборник коротких рассказов «Дети дяди Тома» (1938 г.) и сильный, безжалостный роман «Сын Америки» (1940 г.), в котором Биггер Томас, необразованный негритянский юноша, случайно убивает дочь своего белого работодателя, зверски сжигает тело и расправляется со своей чернокожей девушкой из-за боязни, что она может его выдать. Хотя некоторые афро-американцы критиковали Райта за то, что он изобразил негра убийцей, его роман был необходимым и давно ожидаемым откликом на расовое неравенство, бывшее предметом столь широкого обсуждения в Соединенных Штатах.

Зора Нил Херстон (1903–1960 гг.)

Известная как один из светочей Гарлемского возрождения, Зора Нил Херстон родилась в маленьком городке Итонвиль, шт. Флорида. Она впервые приехала в Нью-Йорк вместе с труппой гастролирующих актеров, когда ей было 16 лет. Удивительно одаренный рассказчик, зачаровывавший своих слушателей, Херстон поступила в Барнардский колледж, где она училась вместе с антропологом Францем Боазом и постигла проблему этнической принадлежности с научной точки зрения. Боаз уговорил Херстон заняться сбором фольклора среди жителей ее родной Флориды, что она и сделала. Знаменитый фольклорист Алан Ломакс назвал ее произведение «Мулы и мужчины» (1935 г.) «самой увлекательной, искренней и умело написанной книгой в области фольклора».

Херстон также провела некоторое время на Гаити, изучая местный шаманизм и собирая карибский фольклор, который затем издала в антологии «Скажи это моей лошади» в 1938 г. Ее естественный разговорный английский делает ее продолжательницей великой традиции Марка Твена. Проза Херстон сверкает ярким языком и комичными или трагичными историями устной афро-американской традиции.

Из под пера Херстон вышло несколько удивительных романов. В ее главном произведении под названием «Они видели бога» (1937 г.) дается трогательно свежее описание того, как красивая женщина-мулатка обретает зрелость и счастье в трех замужествах. Роман насыщен незабываемыми картинками жизни афро-американцев, обрабатывающих землю на сельском Юге. Херстон была предвестницей женского движения, чьи книги, включая ее автобиографию «Пыльные следы на дороге» (1942 г.), вдохновили и оказали влияние на таких современных авторов, как Элис Уокер и Тони Моррисон.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕЧЕНИЯ: «ФЬЮДЖИТИВИСТЫ» И НОВАЯ КРИТИКА

Со времен гражданской войны и до самого начала XX века Юг Соединенных Штатов Америки оставался политическим и экономическим захолустьем, одержимым расизмом и суевериями, и в то же время освященным богатым фольклором и сильным чувством гордости и традиции. У него была несколько несправедливая репутация культурной пустыни провинциализма и невежества.

По иронии судьбы самым значительным региональным литературным движением XX века было движение «фьюджитивистов» (беглецов), возглавляемое поэтом, критиком и теоретиком Джоном Кроу Рэнсомом, поэтом Алленом Тейтом и романистом, поэтом и эссеистом Робертом Пенном Уорреном. Эта южная литературная школа отвергала коммерческие ценности «северных» городов, которые, как им казалось, возобладали в Америке. «Фьюджитивисты» призывали вернуться к земле и американским традициям, которые можно найти на Юге. Движение получило свое название по литературному журналу «Фьюджитив» («Беглец»), издававшемуся Вандерbiltским университетом в Нэшвилле, шт. Теннесси, с 1922 по 1925 г., с которым были связаны Рэнсом, Тейт и Уоррен.

Эти трое крупнейших писателей «фьюджитивистов» также были связаны с «новой критикой», как именовался подход к постижению литературы путем тщательного чтения и внимания к формальным аспектам (образности, метафоры, размера, звука и символа) и их предполагаемого значения. Рэнсом, ведущий теоретик южного возрождения в период между двумя мировыми войнами, опубликовал в 1941 г. книгу «Новая критика» об этом методе, который предлагал альтернативу предшествовавшим внелитературным методам критики, основанным на истории и биографии. «Новая критика» стала доминирующим критическим методом в Америке в 40-е и 50-е годы в силу того, что она очень подходила писателям-модернистам, вроде Элиота, и могла вместить в себя фрейдистскую теорию (особенно ее структурные категории, такие как «ид», «эго» и «суперэго») и подход, опирающийся на мифические модели.

АМЕРИКАНСКАЯ ДРАМАТУРГИЯ XX ВЕКА

Американская драматургия копировала английский и европейский театр до самого начала XX века. Пьесы английских авторов или переводы с европейских языков часто преобладали в театральных сезонах. Несовершенный закон об авторском праве, который не мог ни защищать, ни поощрять американских драматургов, работал против действительно оригинальной драматургии. То же самое можно сказать о «системе звезд», при которой больше славы доставалось актерам и актрисам, чем самим пьесам. Американцы стремились увидеть европейских актеров, приезжавших с гастрольями в американские театры. Кроме того, импортная драматургия, так же как и импортные вина, пользовалась более высоким статусом, чем отечественные постановки.

В XIX веке была популярна мелодрама с ее примерными демократическими персонажами и четким разделением между добром и злом. Пьесы на социальные темы, такие как рабство, тоже собирали большое количество зрителей; иногда это были переложения романов, вроде «Хижины дяди Тома». Только в XX веке была принята попытка эстетического новаторства в жанре серьезной драматургии. Однако живо развивалась попкультура, особенно в жанре водевиля (разновидность эстрады со скетчами, клоунадой, музыкой и тому подобным). Оригинальные формы также получали развитие в шоу, основанных на афро-американской музыке и фольклоре, исполняемых белыми, загримированными под негров.

Юджин О'Нил (1888–1953 гг.)

Величайшей фигурой в американском театре был Юджин О'Нил. В его многочисленных пьесах огромная техническая оригинальность сочетается со свежестью взгляда и эмоциональной глубиной. Ранние пьесы дра-

матурга касаются тем рабочего класса и бедных; более поздние произведения исследуют область субъективного, а именно: навязчивые идеи и секс, и отражают его знакомство с теорией Фрейда, а также мучительные попытки примириться с уже ушедшей матерью, отцом и братом. В своей пьесе «Любовь под вязами», написанной в 1924 г., О'Нил проследживает страсти, сокрытые внутри одной семьи; в пьесе «Великий бог Браун» (1926 г.) вскрывается бессознательное в личности состоятельного бизнесмена, а «Странная интерлюдия» (1928 г.), за которую О'Нил получил Пулитцеровскую премию, анализирует запутанные увлечения одной женщины. В этих мощных пьесах показано, как разные личности проявляют примитивные эмоции и замешательство в состоянии интенсивного стресса.

О'Нил продолжал исследовать фрейдистскую тему давления любви и подчинения внутри семьи в своей трилогии под общим названием «Траур идет Электре» (1931 г.), основанной на классической трилогии Софокла «Царь Эдип». Среди его поздних пьес такие признанные шедевры, как «Разносчик льда грядет» (1946 г.) – жесткое размышление на тему смерти, и «Долгий день уходит в ночь» (1956 г.) – мощная, развернутая автобиография в форме пьесы, в центре которой его собственная семья, ухудшение физического и психологического состояния ее членов, прослеженное в течение одной ночи. Это произведение входило в цикл пьес, над которыми О'Нил работал незадолго до смерти.

О'Нил произвел пересмотр театра, отказавшись от традиционного деления на акты и сцены (в «Странной интерлюдии» девять актов, а пьеса «Траур идет Электре» рассчитана на девять часов игры), вводя маски наподобие тех, что встречаются в азиатском и древнегреческом театрах, шекспировские монологи, греческий хор и спецэффекты с помощью освещения и звука. По всеобщему признанию, О'Нил – выдающийся драматург Америки. С присвоением ему Нобелевской премии по литературе в 1936 г. О'Нил стал первым американским драматургом, удостоенным этой чести.

Торнтон Уайлдер (1897–1975 гг.)

Торнтон Уайлдер известен своими пьесами «Наш городок» (1938 г.) и «На волосок от гибели» (1942 г.) и романом «Мост короля Людовика Святого» (1927 г.).

В «Нашем городке» изложены положительные американские ценности. Здесь присутствуют все элементы сентиментальности и ностальгии – архетип традиционного городка в сельской местности, добродушные родители и озорные дети, молодые любовники. Очарование пьесе придают изобретательные моменты, включая привидения, голоса из публики и смелые сдвиги во времени. По сути это пьеса о жизни и смерти, в которой мертвые возрождаются по крайней мере на момент.

Клиффорд Одетс (1906–1963 гг.)

Мастер социальной драмы Клиффорд Одетс происходил из семьи еврейских иммигрантов из Восточной Европы. Он вырос в Нью-Йорке и стал одним из первых актеров Групп-театра под руководством режиссеров Гаролда Клурмена, Ли Страсберга и Черил Кроуфорд, преданных идее ставить только отечественные американские пьесы.

В своей самой известной пьесе «В ожидании Лефти» (1935 г.), экспериментальной одноактной драме, Одетс

с энтузиазмом отстаивал рабочие профсоюзы. Еще одним популярным успехом стала ностальгическая семейная драма «Проснись и пой!», за которой последовал «Золотой мальчик», рассказывающий об итальянском юноше-иммигранте, губящем свой музыкальный талант (он скрипач), когда, соблазнившись деньгами, он становится боксером и повреждает руки. Как Фицджеральд в «Великом Гэтсби» и Драйзер в «Американской трагедии», Одетс предостерегает своей пьесой против опасности чрезмерных амбиций и материализма.

ГЛАВА

7

АМЕРИКАНСКАЯ ПОЭЗИЯ ПОСЛЕ 1945 г.:

АНТИ-ТРАДИЦИОНАЛИЗМ

В сознании современных писателей во многих странах мира, в том числе в США, произошел отход от представления о том, что традиционные формы, идеи и понимание истории могут наполнить человеческую жизнь смыслом и ощущением связи времен. Развитие событий после второй мировой войны привело к тому, что история стала восприниматься как нарушение непрерывности: каждое действие, переживание и мгновение мыслились как нечто неповторимое. Стиль и форма рассматривались отныне как нечто условное, своего рода импровизация, отражающая творческий процесс и самосознание автора. Привычные категории выражения мысли стали вызывать подозрение: оригинальность была возведена в ранг новой традиции.

Не составляет труда найти исторические причины этой дезинтеграции восприятия в США: вторая мировая война как таковая, рост обезличивания и потребительства в массовом урбанизированном обществе, движение протеста 60-х гг., десятилетний вьетнамский конфликт, «холодная война», угроза окружающей среде — перечень потрясений, пережитых американской культурой, пространен и разнообразен. Однако из всех перемен более всего за трансформацию американского общества ответственно появление средств массовой информации и массовой культуры. Сперва радио, затем кино, а теперь — всесильное, вездесущее присутствие телевидения изменили сами основы американской жизни. Из страны частной, построенной на литературе элитарной культуры, в основе которой лежали книга, взгляд и чтение, США стали страной культуры средств массовой информации, связанной с голосом в радиоприемнике, музыкой, звучащей с компакт-диска или кассеты, фильмами и образами на телеэкране.

Средства массовой информации и электронные технологии оказали непосредственное влияние на американскую поэзию. Фильмы, видео- и магнитофонные кассеты с записями стихов и интервью поэтов стали доступны всем, а недавно появившиеся дешевые фотографические методы печати побудили молодых поэтов самим издавать себя, а молодых редакторов выпускать собственные литературные журналы — число последних на сегодняшний день превышает 2000. Путь, пройденный от конца пятидесятых годов до наших дней, привел к тому, что американцы стали все больше осознавать: технология, сама по себе столь полезная, несет

в себе опасность, открывая сознание тотальному нашему образу, которые в него лучше не пускать. И те из американцев, кто озабочен поисками альтернатив, готовы воспринимать поэзию куда охотнее, чем раньше: она предлагает способы высказать субъективный опыт жизни и позволяет выразить влияние технологии и массового общества на личность.

Обращает на себя внимание сосуществование множества поэтических стилей, одни из которых присущи регионам в целом, другие связываются с известными поэтическими школами или именами знаменитых поэтов; современная американская поэзия отличается децентрализованностью, богатейшим разнообразием и не сводима к нескольким всеобъемлющим формулам. Тем не менее, хотя бы для удобства описания, ее можно представить в виде спектра, выделив три частично пересекающихся направления: на одном полюсе — традиционалисты, в центре — поэты-одиночки, чей голос сугубо индивидуален, и поэты-экспериментаторы, на другом полюсе. Поэты-традиционалисты сохраняют преемственность поэтической традиции или стремятся вдохнуть в нее новую жизнь. Поэты-одиночки используют как традиционные, так и новаторские техники, добываясь неповторимости поэтического голоса. Поэты-экспериментаторы ищут новых культурных стилей.

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ

К поэтам-традиционалистам относят признанных мастеров традиционных форм и поэтического слова, блестяще владеющих техникой стиха и часто пользующихся рифмой и устоявшейся метрикой. Как правило, это выходцы с Восточного побережья США или южане, преподающие в колледжах и университетах. Назовем здесь Ричарда Эберхарта и Ричарда Уилбера, поэтов-фьюджитивистов старшего поколения Джона Кроу Рэнсома, Аллена Тейта и Роберта Пенна Уоррена; среди молодых — это вполне зрелые поэты Джон Холландер и Ричард Хауард, сюда же можно отнести стихи раннего Роберта Лоуэлла. Поэты-традиционалисты пользуются признанием, их произведения включены в многочисленные антологии.

В предшествующей главе рассматривались такие исповедуемые фьюджитивистами ценности, как утонченность, пиетет перед природным началом, глубинный

консерватизм. Все эти качества в значительной степени присущи поэзии, ориентированной на традицию. Отличительные черты, присущие поэтам-традиционалистам: точность описаний, реалистичность, склонность к парадоксам; часто, как, например, в случае с Ричардом Уилбером (р. 1921 г.), существенное влияние на их поэзию оказали английские поэты-метафизики XV–XVI вв., увлечение которыми было спровоцировано Т.С. Элиотом. Самый известный текст Уилбера: «Мир, лишенный предметов – осязаемая пустота» (1950 г.), обязан своим названием строчке Томаса Траерна, одного из поэтов-метафизиков. Эти стихи служат прекрасным примером того, как поэт может достигнуть прозрачности, используя рифму и формально закреплённую структуру:

Долговязые верблюды духа
Цепочкой бредут в родные пустыни, мимо последних
рощ, переполненных
Стрекотом механической саранчи лесопилок, –
мимо, – к чистому меду палящего
Солнца. Столь медлительно-горды...
(Пер. А. Нестерова)

Поэты-традиционалисты, в отличие от многих экспериментаторов от поэзии, разрушающих «слишком поэтичную» ткань стихотворения, охотно прибегают к звучным фразам. Одно из стихотворений Роберта Пенна Уоррена (1905–1989 гг.) кончается следующим стихом: «Столь возлюбили мир, что, может статься, и в Господа уверуем в конце». Аллен Тейт заканчивает свою «Оду павшим конфедератам» словами: «Страж мест, каким мы все сопричтены!» (Пер. В. Топорова). Поэты-традиционалисты при этом часто склонны к риторической архаике, употреблению редких слов, тяге к определениям (например – «могильная сова») и инверсиям, так что естественный разговорный синтаксис английского языка неузнаваемо преобразуется. Порой этот эффект придает, как в стихах Уоррена, благородство поэтической речи; порой же стих выглядит чересчур ходульным и потерявшим связь с реальными переживаниями, как например у Тейта, когда тот пишет: «Глуповато касаясь каймы одеяний иерофантов...».

Порой, как у Холландера, Хауарда и Джеймса Меррилла (р. 1926 г.), поток сознания соединяется с парадоксами, каламбурами, литературными аллюзиями. Меррилл, известный своими новациями, – для него характерны урбанистические темы, нерифмованные строки, субъективизм описаний и легкий разговорный тон, – разделяет с поэтами-традиционалистами страсть к парадоксальности; так в сборнике «Разбитое сердце» (1966 г.) можно встретить уподобление брака коктейлю:

Стара история, как мир –
Папаша Время, Мать Земля,
Таинство брака, подавать охлажденным.
(Пер. А. Нестерова)

Беглость поэтической речи и словесная пиротехника таких поэтов, как Меррилл и Джон Эшбери, позволяла им добиваться успеха, пользуясь традиционными фор-

мами, но при этом их творчество открывало для поэзии принципиально новые пути развития. Стилистическое изящество, присущее некоторым поэтам, создавало впечатление, что их стихи гораздо более традиционны, чем то было на самом деле – так было с Рэндалом Джарреллом (1914–1965 гг.) и А.Р. Эммонсом (р. 1926 г.). Основная тема Эммонса – напряженный диалог между родом человеческим и природой; Джаррелл пытается описывать мир изнутри сознания обездоленных – детей, женщин, обречённых на смерть солдат, как, например, в стихотворении «Смерть стрелка радиста» (1945 г.).

Несмотря на то, что поэты-традиционалисты широко пользуются рифмой, отнюдь не вся рифмованная поэзия традиционна в выборе тем или интонации. Поэтесса Гвендолин Брукс (р. 1917 г.) пишет о тяготах жизни – это ее основная тема – в городских трущобах. В стихотворении «Лачуга с кухонькой» (1945 г.) она задается вопросом:

Способна ли мечта пробиться
сквозь запах лука,
скворчащего на сковородке
вперемешку с картофелем,
прорваться через груды
невыкинутого мусора
в прихожей...

(Пер. А. Нестерова)

Многие поэты, в том числе и Гвендолин Брукс, Адрианна Рич, Ричард Уилбер, Роберт Лоуэлл и Роберт Пенн Уоррен, начинали писать в традиционной манере, пользуясь рифмой и размером, но в 60-е гг., под давлением изменения настроений в обществе и постепенного перехода к открытым формам в искусстве, отказались от них.

Роберт Лоуэлл (1917–1977 гг.)

Наиболее авторитетный из современных поэтов, Роберт Лоуэлл начинал как традиционалист, но при этом испытал на себе влияние различных экспериментальных течений. Так как его жизнь и творчество пришлось на промежуток, отделяющий современных авторов от таких метров модернизма, принадлежащих к старшему поколению, как Эзра Паунд, то эволюция Лоуэлла должна рассматриваться в широком контексте более поздней экспериментальной поэзии.

Лоуэлл вполне соответствует каноническому образу академического писателя: белый, мужчина, протестант по рождению, блестяще образованный, со связями в высших политических и экономических кругах. Принадлежа к одному из самых уважаемых семейств бостонской элиты – среди его родственников знаменитый поэт XIX в. Джеймс Рассел Лоуэлл и нынешний ректор Гарварда, – Роберт Лоуэлл предпочел, тем не менее, искать опору в иных жизненных установках, чем то предполагало его происхождение. Он поехал учиться не в Гарвард, а в Кенйон-колледж в Огайо, в студенческие годы отказался от традиционного для семьи пуританизма и принял католицизм. Во время второй мировой войны он был приговорен к годовому тюремному заключению за отказ от воинской службы по морально-

религиозным соображениям, а позже публично протестовал против войны во Вьетнаме.

Ранние сборники Лоуэлла «Земля несоответствий» (1944 г.); и «Замок лорда Уири» (1946 г.); (удостоен Пулитцеровской премии) демонстрируют такие качества автора, как мастерское владение традиционной формой и стилем, интенсивность чувств, личностное видение мира, соединенное с чувством исторической перспективы. Жесткость и специфичность, свойственная ранним произведениям Лоуэлла, достигает максимального звучания в таких стихотворениях, как «Дети света» (1946 г.), в котором он страстно осуждает пуритан, что когда-то убивали индейцев, и чьи потомки сжигают излишки зерна, вместо того, чтобы отправить их голодающим. Лоуэлл пишет: «Так почва бесплодная — камни да корни — давала им плод от трудов, / А кости индейцев пошли на ограды садов».

В следующую книгу Лоуэлла, «Лесопилка Каванахов» (1951 г.), вошли взволнованные драматические монологи, написанные от лица членов его семьи, рассказывающих об их нежных привязанностях и слабостях. Как обычно, стиль Лоуэлла в этой книге отличается соединением обыденно-человеческого и величественного. Часто поэт пользуется традиционными рифмами, однако разговорная интонация заставляет воспринимать их как некую мелодию, звучащую где-то на заднем плане. При всем том, книга была поэтическим экспериментом, который позволил Лоуэллу пробиться к индивидуальному творческому методу.

Во время поездки по США с чтением своих стихов, предпринятой в середине 50-х гг., Лоуэлл впервые услышал некоторые из экспериментов молодых поэтов. «Вопль» Аллена Гинсберга и «Мифы и тексты» Гэри Снайдера еще не были опубликованы, но их можно было услышать в устном исполнении — порой чтение сопровождалось джазовым аккомпанементом, — в кофейнях Норт Бич, одном из районов Сан-Франциско. Лоуэлл почувствовал, что по сравнению с этими вещами его собственные тщательно отделанные стихотворения слишком ходульные, риторичны и полны условностей; читая их вслух, он «на ходу» редактировал их в сторону более разговорной интонации. «Мои собственные стихи казались мне такими доисторическими монстрами, что увязли в болоте и погружаются в смерть, увлекаемые весом собственных громоздких доспехов, — вспоминал он позже. — Я произносил слова, которые не отзывались во мне ни единым чувством».

Так Лоуэлл, подобно многим поэтам после него, принял вызов конкурирующей традиции — поэтической школы, у истоков которой стоял Уильям Карлос Уильямс, — чтобы учиться заново. «Пожалуй, никто из поэтов, кроме Уильямса, не видел истинной Америки и не слышал ее языка», — писал он в 1962 г. С этого момента Лоуэлл решительно меняет манеру письма, используя «резкие смены интонации, настроения и темпа поэтической речи» — все то, что он перенял у Уильямса.

Лоуэлл отказывается от присущих ему многочисленных скрытых аллюзий; его рифмы рождаются из самой сути опыта, фиксируемого в стихе, а не дописываются поверх него. Рушится и строфическая структура; возникают новые импровизационные формы. В «Страницах жизни» (1959 г.) он обращается к исповедальной по-

эзии — новой для него сфере, — с предельной честностью и искренностью обнажая самые мучительные внутренние проблемы. По сути, он не только открывает собственное «я», но приветствует таковое даже в его наиболее спорных и личностных проявлениях. Собственную личность он превращает в произведение современного искусства, которое равно самому себе, раздроблено на фрагменты, а его форма — сам процесс его становления.

Трансформация Лоуэлла была своеобразным водоразделом для послевоенной поэзии; он проложил дорогу для многих молодых писателей. В сборниках «За Союз павшие» (1964 г.) и «Записная книжка» (1969 г.), как и в последовавших за ними более поздних книгах, Лоуэлл продолжает исследование своего жизненного пути, соединяя его с техническими нововведениями, почерпнутыми, в частности, из опыта прохождения курса психоанализа. Исповедальная поэзия Лоуэлла оказала глубочайшее воздействие на современных ему поэтов. Достаточно упомянуть стихи Джона Берримена, Анны Секстон и Сильвии Плат (последние были его студентками), которые немыслимы без «наработок» Лоуэлла.

ПОЭТЫ-ОДИНОЧКИ

Среди поэтов, выработавших собственный уникальный стиль, сохранивших связь с традицией и при этом сделавших решительный шаг к новым горизонтам, поэтов, чье творчество отчетливо современно, кроме Плат и Секстон следует назвать имена Джона Берримена, Теодора Ретке, Ричарда Хьюго, Филипа Левина, Джеймса Дикки, Элизабет Бишоп и Адрианна Рич.

Сильвия Плат (1932–1963 гг.)

Жизнь Сильвии Плат подходит для книжки о баловнях судьбы: студентка престижного Смит колледж, она была лучшей в своем выпуске, завоевала Фулбрайтскую стипендию, продолжила образование в Кембридже. В Англии познакомилась со своим обаятельнейшим будущим мужем, поэтом Тедом Хьюзом, родила от него двоих детей. Семейная идиллия в сельском английском доме... Это на поверхности — сказочный успех, признание. А в глубине — расцветающие метастазами неразрешимые психологические проблемы, выплеснувшиеся на бумагу в романе «Под стеклянным колпаком» (1963 г.), тут же завоевавшем популярность. Часть проблем носила личный характер, другие же были порождены тем, что общество образца 1950-х годов загоняло женщину в угол. Так, считалось, что женщина не должна давать волю гневу, не должна стремиться сделать карьеру, смысл ее жизни в том, чтобы окружать заботой и лаской мужа и детей — эти взгляды разделялись и многими женщинами. Женщины, добившиеся успеха, жили в состоянии постоянной конфронтации с обществом.

Жизнь-идиллия рассыпалась в прах, когда Плат развелась с мужем. Она осталась одна, с малолетними детьми на руках, в пустой лондонской квартире, в разгар необычайно холодной зимы. Больная, одинокая, отчаявшаяся. За сравнительно небольшой период времени, отделяющий развод от самоубийства, когда она от-

равилась газом на кухне, Плат написала цикл потрясающих по своей силе стихотворений. Все они вошли в сборник «Аризель» (1965 г.), изданный через два года после ее смерти. Роберт Лоуэлл в предисловии к книге отметил, что поэзия Плат претерпела стремительную эволюцию, если сравнивать зрелые вещи со стихами, написанными, когда она и Анна Секстон в 1958 г. посещали поэтический семинар Лоуэлла. Ранние вещи поэтессы отличаются тщательностью отделки и традиционным звучанием, тогда как последние работы Плат преисполнены мужества отчаянья и боли, делающие ее провозвестницей феминизма. В стихотворении «Претендент» (1966 г.) Плат разоблачает всю пустоту той роли, которую общество отводит женщине (ставшей просто безличным, неодушевленным предметом, местоимением среднего рода):

Это просто куколка, это так хорошо на вид,
 Это умеет шить, жарить и варить,
 И конечно, говорить, говорить, говорить.
 С этим все в порядке, в этом напрасно искать изъян.

Это — пластырь для всех твоих ран.
 Это — образ для твоих глаз.
 Мой мальчик, это твой последний шанс.
 Ступай с этим под венец, под венец, под венец.
 (Пер. И. Ковалевой)

Плат отваживается писать стихи языком детских считалок, с их обнаженно-жесткой прямоотой. Она удачно пользуется прямолинейными образами, почерпнутыми из поп-культуры. Так, о младенце в ее стихах говорится: «Любовь, как ключик, завела твой толстенький золотой будильник». В стихотворении «Папочка» отец предстает в образе кинематографического графа Дракулы: «Раздутое черное сердце твое пригвоздили колом. / Ты был деревенским не по нутру» (Пер. И. Копостинской).

Анна Секстон (1928–1974 гг.)

Страстная и пылкая по натуре, Анна Секстон, подобно Сильвии Плат, пыталась совместить роль жены, матери и поэта в эпоху, когда женское движение в США еще только нарождалось. Как и Плат, она страдала психическим расстройством и в конце концов покончила жизнь самоубийством. Исповедальная лирика Секстон гораздо более автобиографична, чем поэзия Плат, и лишена технической виртуозности, свойственной ранним стихам последней. При всем том, стихотворения Секстон вызывают сильный эмоциональный отклик. Поэтесса смело касается таких табуированных тем, как секс, жестокость, самоубийство. Часто ее стихи связаны с «женской» проблематикой: вынашивание ребенка, женское тело, брак с точки зрения женщины. В стихотворении «Из рода ее» (1960 г.) Секстон отождествляет себя с колдуньей, заживо сожженной на костре:

Ты вез меня в телеге мимо деревень и полей,
 И я им вслед помахала голой рукой своей.
 И последнее, что я ясно помню, — о ты, кто
 остался в живых, —

Как тобой зажженное пламя бьется у ног моих
 И как хрустят мои ребра под ободом твоих колес.
 Женщины этой породы умеют умирать без слез.
 Я из этого рода.

(Пер. И. Ковалевой)

Сами названия сборников Секстон свидетельствуют о том, сколь близки эти стихи безумию и смерти. Среди ее книг выделяются «В бедлам и отчасти обратно» (1960 г.), «Живи или умри» (1966 г.) и посмертная книга «Ужасное плавание к Господу Богу» (1975 г.).

Джон Берримен (1914–1972 гг.)

До известной степени жизнь Джона Берримена напоминает путь, пройденный Робертом Лоуэллом. Берримен родился в Оклахоме, окончил частную школу и поступил в Колумбийский университет на северо-востоке США, позже перевелся в Принстон. Тяготая к традиционной форме и метрике, Берримен черпал вдохновение в ранней истории Америки, сочинял самоироничные, пронизанные исповедальными мотивами стихи, позже вошедшие в сборник «Сновидческие стихи» (1969 г.), в центре которого — гротескный автобиографический персонаж по имени Генри. Темой для рефлексий Генри — этого “alter ego” его создателя — становятся рутинная жизнь преподавателя, хронический алкоголизм, неутоленные амбиции.

Как и его современник Теодор Ретке, Берримен создал свой собственный пластичный, игровой и вместе с тем проникновенный стиль, оживляемый вкраплениями фольклора, детских стишков, клише и сленга. Так, о своем герое Генри Берримен пишет: «В развалину сию герой вперяет взгляд. Но не моргая, взгляд она тот шлет назад». Или другие шуточные строки: «О, увы мне, увы! Приди безразличие, я же и взвою, как Иов!»

Теодор Ретке (1908–1963 гг.)

Сын садовника, выращивавшего цветы в теплицах, Теодор Ретке выработал своеобразный язык, воссоздающий «тепличный мир» крошечных насекомых и невидимых корней растений: «Не уходи, тепло. / Мне плохо». Любовные стихи, вошедшие в сборник «Слова на ветру» (1958 г.), воспевают красоту и любовное томление, при этом сама страсть исполнена чистоты и невинности. Так, одно из стихотворений начинается: «Я знал женщину — что за тонкая кость! / Пичуг печальных трели ее способны были опечалить». Порой его стихи напоминают стенографию самой природы или древние загадки: «Кто смутил покой земли? У крота ответ ищи».

Ричард Хьюго (1923–1982 гг.)

Ричард Хьюго, уроженец Сиэтла, штат Вашингтон, учился у Теодора Ретке. Детство Хьюго прошло в унылом пейзаже бедных городских окраин, и основные темы его поэзии — надежды, страхи и разочарования рабочего люда из глухих районов северо-запада США. В стихотворениях, написанных резкими ямбическими размерами и пронизанными исповедальными, ностальгическими мотивами, поэт описывает жизнь убогих заброшенных городишек. Он повествует о позоре, фальши человеческого существования — и редких моментах, когда люди обретают истинную сопричастность друг

другу. Поэт фокусирует внимание читателя на мимолетных, случайных, казалось бы, деталях с тем, чтобы сквозь них неожиданно проступило истинно важное. Поэма «Все та же Америка, какой Ты, Господи, ее любишь» (1975 г.) оканчивается повествованием о человеке, несущем груз воспоминаний о родном городишке, которые и питают его душу:

коль выпало осесть
в случайном городишке,
где запустенье царствует, —
нуждаться в паре любовниц
ненасытных на роль подруг,
чтоб чувствовать хоть что-то
— изволь пожаловать
в клуб уличный,
что ими же основан.

(Пер. А. Нестерова)

Филип Левин (р. 1928 г.)

Филип Левин, уроженец Детройта, штат Мичиган, пишет главным образом об экономическом угнетении рабочих. Его стихи отличаются остротой наблюдений, гневной интонацией и полной боли иронией. Подобно Хьюго, он является выходцем с бедных городских окраин. Он возвышает свой голос в защиту личности, обреченной на одиночество в индустриальной Америке. Поэзия его по большей части мрачна и отражает анархические склонности человека, осознающего при этом, что правящая система достаточно прочна.

В одном из стихотворений Левин сравнивает себя с лисом, которому удастся выжить в мире охотников лишь благодаря отваге и хитрости. В том, что касается метрики, он прошел эволюцию от традиционных размеров, характерных для ранних стихотворений, к более свободному и открытому стиху, которым написаны поздние вещи — такая форма более адекватна для выражения протеста одиночки против зла, царящего в современном мире.

Джеймс Дикки (р. 1923 г.)

Романист, эссеист, поэт, Джеймс Дикки родился в штате Джорджия. Осмысляя собственное творчество, он отмечал, что главной темой можно было бы назвать неразрывность той связи, что существует — или должна существовать — между человеком и миром. Большая часть его стихов вдохновлена природой: он пишет о реках, горах, капризах погоды и тех опасностях, что они таят в себе.

В конце 60-х годов Дикки начал работу над романом «Избавление», посвященном темной стороне тех уз, что связуют мужчин. Выход книги, по которой позже был снят фильм, упрочил его известность. Выходившие в последнее время сборники стихотворений Дикки скомпонованы вокруг нескольких тем: в книге «Иерихон: Запечатленный Юг» (1974 г.) преобладает пейзажная лирика, сборник «Лики Бога» (1977 г.) свидетельствует о влиянии, которое на поэта оказала Библия. Дикки часто возвращается к размышлениям о том, что же такое усилие человека в мире: «Преодоление, отчаянный ры-вок, / Преодоление, вот что нам нужно».

Элизабет Бишоп (1911–1979 гг.)

и Адрианна Рич (р. 1929 г.)

Среди поэтесс, чей голос не похож ни на какой иной, Элизабет Бишоп и Адрианна Сесиль Рич пользуются в последние годы все большей популярностью. Бишоп свойственны кристальная ясность рассудка, склонность к пейзажной лирике и метафоры пути. Читателей привлекает в ее стихах точность и утонченность описаний. Как и Марианна Мур, ее наставница на поэтическом поприще, Бишоп так и не вышла замуж. Как и Мур, Бишоп блестяще владеет техникой стиха и тяготеет к холодноватому, описательному стилю, за которым скрывается философская глубина. К поэзии Бишоп вполне приложимы строки из ее стихотворения «В рыбацких хижинах», описывающие холодные воды Северной Атлантики: «Наверное, лишь океан и подобен тому, что мы называем «знанием»: / темен, горек, бесконечно свободен, изменчив».

По аналогии с джазом, Элизабет Бишоп, как и Марианну Мур, можно отнести к «холодному» направлению в женской поэзии, у начала которого стояла Эмили Дикинсон, а Сильвию Плат, Анну Секстон и Адрианну Рич — к «горячему». Хотя Рич начинала со стихов, для которых были характерны традиционные формы и размеры, ее вещи — особенно написанные после 60-х годов, когда она стала яркой поборницей феминизма, — обостренно эмоциональны. Ее стиль отличается особой метафоричностью, — достаточно назвать самый удачный сборник поэтессы — «Тонущая в кораблекрушении» (1973 г.), в котором поиски героиней своего «я» описаны в терминах катастрофы. Расколотый внутренний мир женщины подобен обломкам кораблекрушения, плавающим на поверхности; женщины должны проложить свой собственный путь в мире, где властвуют мужчины. В стихотворении «Прогулка по крыше» (1961 г.), посвященном Денизе Левертов, Адрианна Рич утверждает, что для женщины занятие таким ремеслом, как поэзия, смертельно опасно. Подобно рабочему-кровельщику, она чувствует, что «риск здесь больше, чем жизнь / я обречена свернуть себе шею».

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ

Достижения зрелого Лоуэлла и большинства современных поэтов во многом predetermined экспериментами, начатыми в 50-х годах рядом авторов. Условно их можно сгруппировать в пять довольно аморфных школ, выделенных Дональдом Алленом при составлении антологии «Новая американская поэзия» (1960 г.), — первом собрании такого рода, объединившем под своей обложкой поэтов, чьи произведения до этого игнорировались и критикой, и академическими кругами.

Черпавшие вдохновение в джазе и живописи абстрактного экспрессионизма, поэты-экспериментаторы в большинстве своем принадлежали к следующему за Лоуэллом поколению. Их объединяло стремление к образу жизни божественных интеллектуалов от контркультуры, порвавших с университетами и открыто критикующих «буржуазное» американское общество. Эта поэзия отличалась прямоотой, оригинальностью и шокирующей резкостью. В поисках новой ценностной ориентации поэты-экспериментаторы обращались к ар-

хаическому миру мифов, легенд и традиционных обществ, в частности — к наследию американских индейцев. Формы, в которых они работали, характеризуются свободой, спонтанностью, органичностью; форма стиха вытекала из субъективной конкретики самой темы, переживаний поэта в процессе создания произведения и естественных пауз, характерных для разговорной речи. Как заметил Аллен Гинсберг в своей «Импровизированной поэтике»: «первая мысль — лучшая мысль».

Поэты Черной Горы

Школа поэтов Черной Горы сформировалась вокруг Блэк Маунтин Колледж — экспериментальной школы искусств в Эшвилле, Северная Калифорния, в которой в начале 50-х годов читали лекции поэты Чарльз Олсон, Роберт Данкен и Роберт Крили. В ней учились Эд Дорн, Джозель Оппенгеймер и Джонатан Уильямс, а Пол Блэкберн, Лэрри Эйгнер и Дениз Левертов публиковали свои стихи в журналах «Ориджин» и «Блэк Маунтин ревью», издаваемых в колледже. Поэтическая практика этой школы связана с теорией «проективного стиха», сформулированной Чарльзом Олсоном, который отстаивал открытую форму, вытекающую из соотношения спонтанных дыхательных пауз в речи и поэтической строки, набранной на странице.

Среди наиболее значительных поэтов, принадлежащих к этой школе, назовем Роберта Крили (р. 1926 г.), стиль которого характеризуется сжатостью и минимализмом. В стихотворении «Предостережение» (1955 г.) поэт дает волю своему яркому и жестокому воображению:

Люблю, люблю — и потому
Я б раскроил тебе башку,
в глазницах
вставил бы свечу.

Любовь — усохнет и умрет,
забудь лишь амулета власть
и оторопь
при виде глаз.

(Пер. А. Нестерова)

Школа поэтов Сан-Франциско

Произведения поэтов, принадлежащих к школе Сан-Франциско, — к ней, как правило, относят всю поэзию Западного побережья, — многим обязаны восточной философии и религии, так же как японской и китайской поэзии. В этом нет ничего удивительного, ибо влияние Востока всегда было достаточно сильно на американском Западе. Окружающий Сан-Франциско ландшафт: горы Сьерра-Невада и изрезанная линия побережья — впечатляет своей красотой и величием, и многие поэты, здесь живущие, глубоко чувствуют природу. Часто в их стихотворениях присутствуют горы или описания пеших прогулок с рюкзаком. Эта поэзия черпает вдохновение не в литературной традиции, а в природе.

К поэтам Сан-Франциско традиционно относят Джека Спайсера, Лоренса Ферлингетти, Роберта Данкена, Фила Уэйлена, Лью Уэлша, Гэри Снайдера, Кеннета Рексрота, Джоанн Кайгер и Диану ди Прима. Многие из

них считали себя выходцами из рабочего класса. Поэзия их, как правило, проста, доступна и оптимистична.

В лучших образцах поэзии Сан-Франциско, как, например, в произведениях Гэри Снайдера (р. 1930 г.), мы видим картину хрупкого равновесия, устанавливаемого между человеком и космосом. В стихотворении «Над Пэйт Вэлли» Гэри Снайдер описывает, как он работал в бригаде рабочих, прокладывающих дорогу в горах и нашел обсидиановый наконечник стрелы — память об исчезнувшем индейском племени:

В горах снег сходит лишь летом.
Пастбища тучных, отяжелевших за лето оленей.
Они забредают в лагерь.
По протоптанным ими тропам.
Здесь есть и моя тропа, по которой
Я хожу изо дня в день. С буром,
Киркой, детонатором и рюкзаком
Динамита.
Десять тысяч лет.

(Пер. А. Нестерова)

Поэты-битники

Не существует четкой границы, отделяющей школу Сан-Франциско от поэтов-битников, сложившихся как группа в 50-е годы. Большинство ключевых фигур, принадлежащих к битникам, были выходцами с Восточного побережья, перебравшимися в Сан-Франциско и именно здесь сделавших первые шаги к национальному признанию. Наиболее талантливые из битников: Аллен Гинсберг, Грегори Корсо, Джек Керуак и Уильям Берроуз. Поэзия битников ориентирована на голос, насыщена повторами и чрезвычайно сильно воздействует именно при чтении вслух, так как по большей части она вышла из поэзии, читавшейся в андерграундных клубах. До известной степени ее можно рассматривать как великую прародительницу рэпа, ставшего господствующим течением в музыке 90-х годов.

В поэзии битников в наибольшей степени сконцентрирован пафос отрицания господствующих в американском обществе ценностей, однако за резкостью слов крылась любовь к родной стране. Стихи битников — крик боли и ярости, вырывающийся у поэтов при виде Америки, «утратившей невинность», трагической растраты ее человеческих и природных ресурсов.

Стихи, подобные «Воплю» (1956 г.) Аллена Гинсберга, были революцией в поэзии:

Я видел лучших людей моего поколения,
разрушенных безумием,
истощенных истерикой,
голых,
бредущих без сил сквозь
негритянские кварталы, на
рассвете,
в поисках дозы, чтобы
кольнуть
ангелоликих хипстеров,
сгорающих ради древнего
небесного

объятия с сыплющей искры
звезд динамо-машиной
среди реквизитов ночи....

(Пер. И. Ковалевой)

Нью-йоркская поэтическая школа

В отличие от битников и поэтов Сан-Франциско, авторы, принадлежавшие к нью-йоркской школе, мало интересовались злободневными моральными проблемами и в целом держались в стороне от политики. В том, что касается академического образования, нью-йоркская школа на голову превосходила иные современные ей течения.

Три наиболее ярких поэта, принадлежавших к нью-йоркской школе — Джон Эшбери, Фрэнк О'Хара и Кеннет Кох — познакомились во время учебы в Гарварде. Стихи их отличаются крайней урбанистичностью, холодностью, подчеркнутой нерелигиозностью, склонностью к парадоксальности в соединении с горькой, усталой рассудочностью. Для них характерны быстрые смены тем внутри стихотворения, обилие урбанистических деталей, соединение несоединимого, и почти физически ощутимое отторжение любых общепринятых верований.

Нью-Йорк — главный центр развития американского искусства и место рождения абстрактного экспрессионизма — течения в живописи, ставшего главным источником вдохновения для поэтов-урбанистов. Большинство из них работало обозревателями отделов искусств в журналах, музейными кураторами или сотрудничало с художниками. Возможно в силу тяготения нью-йоркских поэтов к абстрактному искусству, с недоверием относившемуся к фигуративности и прямому выражению каких-либо смыслов, их произведения трудны для восприятия — таковы, например, поздние работы Джона Эшбери (р. 1927 г.), который, пожалуй, оказал наибольшее влияние на современную поэзию.

Текущая образность стихов Эшбери является непосредственной фиксацией мыслей и эмоций в том виде, как они всплывают в сознании и тут же ускользают, не поддаваясь прямой артикуляции. Его знаменитая поэма «Автопортрет в выпуклом зеркале» (1975 г.), завоевавшая три самые престижные национальные премии, движется от образа к образу, перемежаемых рефлексией автора:

Корабль,
Переливаясь неведомыми цветами,
входит в гавань.
Ты позволяешь вещам посторонним
ворваться в твой день...

(Пер. А. Нестерова)

Сюрреализм и экзистенциализм

В свою антологию, посвященную новым поэтическим школам, Дональд Аллен включил и пятую группу поэтов, которую он затруднился как-либо определить по географическому признаку. К этому расплывчатому конгломерату он отнес поэтов, чья практика связана с экспериментами и тенденциями сегодняшнего дня. Важнейшие среди этих поэтических течений: сюрреализм, стремящийся выразить бессознательное в ярких, напо-

минающих сны образах, женская поэзия и поэзия национальных меньшинств, чей расцвет отмечается в последние годы. Несмотря на внешние различия, сюрреалистов, поэтов-женщин и этнических поэтов до известной степени объединяет их чуждость основному потоку белой мужской литературы.

Хотя Т.С. Элиот, Уоллес Стивенс и Эзра Паунд еще в 20-е годы пытались привить американской поэзии символистские техники — сюрреализм, одно из главенствующих течений европейских поэзии и мысли во время второй мировой войны и после нее, так и не укоренился в США. И лишь в 60-е годы под воздействием потрясений, связанных с вьетнамским конфликтом, сюрреализм (вместе с экзистенциализмом) получил в Америке «права гражданства».

В 60-е годы многие американские писатели, такие как У.С. Мервин, Роберт Блай, Чарльз Симики, Чарльз Райт, Марк Стрэнд и другие, обратились к опыту французских и, особенно, испанских сюрреалистов, привлеченные характерной для последних чистой эмоциональностью, архетипической образностью и антирациональными, экзистенциальными моделями человеческого поведения.

Сюрреалисты тяготели к эпиграммности, подобной той, что мы видим у Мервина в строках: «Боги — это то, чем не удалось стать нам / — стоит лишь обнаружить, что ты больше не веришь в строительство Храма».

Для политического сюрреализма Блая характерна резкая критика американских ценностей и американской внешней политики в период вьетнамской войны, как, например, в стихотворении «Мамаша, наконец, обнажает клыки»:

И, поскольку теперь
копченые устрицы
фасуют по-новому,
рисовые поля
расцветают воронками бомб.

(Пер. А. Нестерова)

В целом сюрреализм оказал подспудное, хотя и не столь броское и заметное, влияние на творчество многих поэтов. Так, Чарльз Райт, описывая в стихотворении «Новая поэзия» (1973 г.) гипотетическую поэму, говорит:

Она не утешит нашу скорбь.
Она не уймёт плач наших детей.
Она не годится на то, чтоб помочь нам.

(Пер. А. Нестерова)

Стихи сюрреалиста Марка Стрэнда часто столь же мрачны, как и стихи Мервина; основная его тема — обездоленность. Когда приходит разочарование в традициях, ценностях, убеждениях, у поэта остается единственное прибежище — катакомбы собственной души:

У меня был ключ.
Я открыл им дверь и вошел.
Было темно, и я сделал шаг в темноту.
Там, куда я вошел, было еще темнее.

(Пер. А. Нестерова)

Женская поэзия. Этническая поэзия

Женщины-литераторы, так же как представители национальных меньшинств и сюрреалисты, стали осознавать себя особой силой, появившейся на общественной сцене Америки, в конце 60-х годов. Позже это осознание реализовалось в феминистском движении, толчок которому дала эпоха 60-х.

В основе американской литературы, как и литератур других стран, долгое время лежали стандарты, выработанные мужчинами, склонными игнорировать вклад женщин в жизнь общества. И тем не менее, многие женщины оставили значительный след в американской словесности. Отнюдь не все они феминистки, а проблематика, которой они касаются в своем творчестве – вовсе не исключительно женская. Чаще всего они пишут об общечеловеческих ценностях. Точно так же региональные, политические и расовые отличия наложили свой отпечаток на их работы и дали им пищу для размышлений. Среди наиболее значительных поэтесс следует выделить Эми Клэмпитт, Риту Дав, Луизу Глюк, Джори Грэхем, Кэролайн Кайзер, Максин Кюмин, Денизу Левертов, Одри Лорд, Гертруду Шнакенбург, Мэй Свенсон и Мону Вэн Дуйн.

Во второй половине XX в. наблюдается возрождение многонациональных литератур. Начиная с середины 60-х годов, следуя фарватером, проложенным писателями афро-американцами, авторы, принадлежащие к различным этническим группам США, все больше и больше обращают на себя внимание публики. В 70-х годах начинается реализация программ изучения и поддержки этнических групп. В 80-е годы основывается ряд научных и литературных журналов и других организаций, связанных с этническими группами. 90-е годы отмечены проведением конференций, посвященных этническим литературам, а канон «писателей-классиков» заметно расширяется за счет включения в него этнических авторов, которые теперь широко представлены в антологиях и введены в программы университетов и колледжей. В центре внимания оказываются такие проблемы, как расовый подход и подход этнический, этноцентризм и полицентризм, монолингвизм и билингвизм, сближение этнических групп и стремление к маргинальности. Деконструктивистский подход и к политике, и к литературным текстам ставит под сомнение непреложность существующих решений там, где речь идет о вечных вопросах.

Поэзию национальных меньшинств сближает с женской литературой присущая обоим этим течениям пестрота и пробивающиеся порой гневные интонации. В недрах испано-американской литературы сложились такие авторы как Гэри Сото, Альберто Риос и Лорна Ди Сервантес; среди писателей-индейцев выделяются Лесли Мармон Силко, Саймон Ортиц и Луиза Эрдрич; в афро-американской литературе необходимо выделить Амири Бараку (ЛеРоя Джоунза), Майкла Харпера, Риту Дав, Майю Ангелу и Никки Джованни; среди по-этов-американцев, имеющих азиатские корни, назовем Кэти Сонг, Лоусона Инаду и Дженис Мири-китани.

Поэзия чиканос.

Испано- и латиноамериканская поэзия.

Поэзия, испытывавшая влияние испанского языка, включает в себя работы поэтов, принадлежащих к различным этническим группам. В первую очередь это мексикано-американцы, которых начиная с 50-х годов называют «чиканос». На протяжении многих поколений они населяют юго-западную часть США, отторгнутую у Мексики во время мексикано-американской войны, закончившейся в 1848 г. Следует указать и на отличающиеся спецификой живые литературные традиции испаноязычных выходцев с островов Карибского моря, Кубы, пуэрто-риканцев. Кубино-американцы, например, с их комедийным даром совсем несхожи с такими склонными к элегической лирике поэтами-чиканос, как Рудольфо Анайя. Вновь прибывающие эмигранты из Мексики, Центральной и Южной Америки, Испании постоянно вносят свежую струю в эти литературы, тем самым обогащая их.

За поэзией чиканос стоит богатая устная традиция, связанная с балладной формой корридо. Постоянные лейтмотивы современных баллад – устойчивость традиций мексиканской общины и дискриминация, которой порой подвергаются ее представители со стороны белых. Иногда поэты-чиканос сплавляют воедино испанские и английские слова, добываясь своеобразного поэтического эффекта – с этим приемом мы встречаемся у Алуриста и Глории Анзальдуа. Их поэзия испытала значительное влияние устной традиции и наиболее сильное впечатление производит при чтении вслух.

Некоторые из поэтов пишут преимущественно на испанском, придерживаясь традиции, восходящей к первому эпосу, созданному на территории современных Соединенных Штатов – «Истории Нью-Мехико» Гаспара Переса де Вильягры, – повествующем о битве при Акоме (Нью-Мехико) между испанскими завоевателями и индейцами-пуэбло в 1598 г. Центральное произведение современной поэзии чиканос – поэма Родольфо Гонсалеса (р. 1928 г.) «Я – Иоахим», оплакивающая горькую судьбу мексиканцев:

Затерянные в этом смятенном мире,
Захваченные в плен суетой общества гринго,
Встающие в тупик перед его законами,
Презираемые,
Обмываемые,
Опустившиеся – такими их сделало
современное общество.

(Пер. А. Нестерова)

Несмотря на это, многие писатели-чиканос обретают опору в исторических корнях своего народа. Размышляя о величии древней Мексики, Лорна Ди Сервантес (р. 1954 г.) пишет, что «эпическая коррида» поет в ее жилах, а Луис Омар Салинас (р. 1937 г.) ощущает себя «атцтекским ангелом». По большей части поэзия чиканос очень личностна, она сосредоточена на внутренних переживаниях поэтов или на судьбах близких и членов общины. Гэри Сото (р. 1952 г.) пишет о древней традиции поклонения умершим предкам, но в его словах, сказанных в 1981 г., отразилась поликультурная ситуация, в которой сегодня оказался каждый американец:

Свеча зажжена в память мертвых
Два мира разверсты пред нами.
(Пер. А. Нестерова)

В последние годы поэзия чиканос достигла новых вершин, а произведения Сервантес, Сото и Альберто Риоса вошли во множество антологий.

Поэзия коренных американцев

Поэзия индейцев очень красива — во многом благодаря традиции шаманских заклинаний, играющих важную роль в их культурном наследии. Более всего им удаются яркие, полные жизни стихи, обращенные к миру природы, звучащие порой поистине мистически. В стихах поэтов-индейцев звучит и трагическая нота, когда они оплакивают безвозвратную потерю их богатейшего наследия.

Саймон Ортиц (р. 1941 г.), индеец-пуэбло из Акомы, черпает большинство тем для своих проникнутых горечью стихов из истории, исследуя противоречивость положения коренных американцев в современной Америке. Поэзия его — своего рода вызов, брошенный англоязычной аудитории, ибо она напоминает белым о жестокостях и несправедливости, проявленных ими в свое время по отношению к коренному населению. В стихах Ортица звучит призыв к расовой гармонии, основанной на глубоком взаимопонимании.

В стихотворении «Звездное одеяло» Роберта Хилл Уайтмен (р. 1947 г.) из племени онейда пытается представить поликультурное будущее, которое будет подобно «лоскутному одеялу, сшитому из кусочков утренней зари». Лесли Мармон Силко (р. 1948 г.), в жилах которой течет кровь озерных пуэбло и белых, создавая свои легко запоминающиеся лирические стихотворения, пользуется разговорным языком и традиционными сюжетами. В стихотворении «В холодном свете грозы» (1981 г.) Силко добивается звучания японского хайку:

оттуда, где небо подернулось льдом,
спешат навстречу,
несутся грузно,
кружат в вершинах деревьев
рогатые лоси-снежинки,
одна за одной — белой песней
снежной бури в ветвях древесных.
(Пер. А. Нестерова)

Луиза Эрдрич (р. 1954 г.), как и Силко, сочиняет романы и полные мощи драматические монологи — своего рода спрессованные драмы. В них без тени какой-либо сентиментальности рассказывается об алкоголизме, безработице, нищете в семьях индейцев-чиппева, живущих в резервациях.

В стихотворении «Возвращение в лоно семьи» (1984 г.) рассказывается о дядюшке, пьянице и сквернословце, вернувшемся к родным после многих лет жизни в городе. У него большое сердце, и отчитывающая его племянница, от лица которой написано стихотворение, вспоминает, как несколько лет назад он же убил огромную черепаху, выстрелив в нее из шутихи. В конце стихотворения дядюшка Рэй уподобляется черепахе, ставшей когда-то его жертвой:

Кое-как мы нашли дорогу обратно.
Дядюшка Рэй
горланил какую-то старую песню во
славу тела, что несет его домой.
Серые плавники,
в которые превратились его руки,
шарили по приборной доске.
На его лице застыло
то странное выражение терпения,
что бывает у ребенка,
вечно сглатывающего
обиды, или же оно напоминало о каком-то
создании, долго жившем под водой.
И явились ангелы,
и опустили носилки на землю.
(Пер. А. Нестерова)

Афро-американская поэзия

Негритянским поэтам, живущим в современной Америке, принадлежит множество прекрасных стихотворений, написанных на самые разные темы и в самом разном ключе. Негритянская литература — наиболее развитая из всех этнических литератур США — отличается величайшим разнообразием. Амири Барака (р. 1934 г.) — самый известный из афро-американских поэтов. Он также пишет пьесы, играет активную роль в политике. Майа Ангелу (р. 1928 г.) работает в различных литературных жанрах, включая драму. Кроме сборника стихотворений «Дайте глоток прохладной воды, прежде чем я умру» (1971 г.), получили известность ее воспоминания «Я знаю, почему поет птица в клетке» (1970 г.). Ангелу была заказана поэма на инаугурацию президента Билла Клинтона в 1993 г.

Другая афро-американская поэтесса, удостоившаяся самого широкого признания, — Рита Дав, ставшая в 1993 г. поэтом-лауреатом США. Перу Дав принадлежат прозаические и драматические произведения, а сборник «Томас и Бьюла», куда вошли лирические стихотворения, посвященные ее прадедам, получил в 1987 г. Пулитцеровскую премию. По утверждению поэтессы, она создала эти произведения, чтобы увековечить богатую внутреннюю жизнь бедных людей.

Майкл Харпер (р. 1938 г.), как и Дав, пишет стихи, рассказывающие о непростой жизни черных американцев, сталкивающихся с насилием и дискриминацией. Его стихи отличаются плотностью письма и насыщенностью аллюзиями. Часто в них представлены полные драматизма военные сцены, зарисовки из городской жизни, мелькает множество лиц. При этом используются образы из области хирургии — в попытке достичь целебного эффекта. Стихотворение «Собрание Клана: Роды и нации: Кровавая песня» (1971 г.), в котором искусство кулинару и работа хирурга уподоблены друг другу («сращивание плоти с летучими ароматами»), начинается так: «мы перекраиваем жизни в блоке интенсивной /терапии, кусок к куску, жизнь к жизни на полке буфета...» Стихотворение оканчивается сращиванием образов больницы, проникнутых расизмом кадров из давнего американского фильма «Рождение нации», собрания Ку-клукс-клана, процесса монтажа киноленты и рентгеновской технологии:

Мы перезарядили наши мозги,
как перезаряжают
кинокамеры, пленка
засвечена,
слишком долгая экспозиция
в рентгеновских лучах,
за двойными дверями;
отснятые метры: расизм
и секс,
смотаны на бобину, виток за
витком, — что-то вроде
хобби;
мы собираем пожитки и идем
по домам.

(Пер. А. Нестерова)

История, джаз и поп-культура служили источником вдохновения для многих афро-американцев, от Харпера (преподавателя в колледже), до Ишмаэля Рида (р. 1938 г.), издателя и поэта с Западного побережья, известного тем, что он одним из первых стал пропагандировать поликультурную литературу, опираясь на деятельность Фонда доколумбовых исследований и публикуя статьи в ряде журналов: «Ярдберд», «Килт» и «Конч». Многие афро-американские поэты — например, Одри Лорд (1934–1992 гг.) — обрели опору в идеях афроцентризма, согласно которым Африка с древних времен была центром цивилизации. В таких полных чувственности стихах как «Женщины данов танцуют с мечами, отдавая дань памяти временам, когда они были воительницами» поэтесса говорит от лица женщины-воительницы из древней Дагомеи, «заставляющей пылать все, к чему она прикасается» и «насыщающейся лишь тем, что уже умерло».

Азиатско-американская поэзия

Подобно поэзии чиканос и других авторов, связанных с испаноязычной культурой, азиатско-американская поэзия многолика. Потомки японцев, китайцев, филиппинцев живут в США уже на протяжении семи поколений, тогда как американцы корейского, тайского или вьетнамского происхождения — в основной своей массе — недавние эмигранты. За всеми этими группами стоит своя языковая, историческая и культурная традиция. Процессы, происходящие в современной азиатско-американской литературе, заставляют с особым вниманием отнестись к творчеству выходцев из Океании и произведений, вышедшим из-под пера женщин. Американцам азиатского происхождения приходится в первую очередь противостоять таким расовым стереотипам, как представление о том, что выходцы с Востока образуют единое «экзотическое» и «хорошее» национальное меньшинство. Что до специалистов в области эстетики, то они лишь приступают к сравнительному изучению восточных и западных литератур — появляются, например исследования, посвященные общности в представлениях о Дао и Логосе.

Поэты-американцы, в чьих жилах течет восточная кровь, черпают вдохновение из самых разных источников — от китайской оперы до дзен-буддизма; заметим, что литературные традиции Азии, и в особенности дзен, вдохновляли многих американских поэтов, этни-

чески с Азией никак не связанных, — свидетельство тому антология «Под светом одинокой луны: буддизм в современной американской поэзии», вышедшая в 1991 г. Поэзия, созданная американцами азиатского происхождения, образует широкий спектр стилей, — от иконоборчества Фрэнка Чина, соредактора сборника «Ай-й-й!» (одной из первых антологий азиатско-американской литературы) до весьма плодотворного обращения к традиции в творчестве таких писателей, как романист Максин Хонг Кингстон (р. 1940 г.). Дженис Мирикитани (американка японского происхождения в третьем поколении) воссоздает историю японцев, живущих в Америке, ею подготовлен ряд антологий: «Женщины Третьего мира», «Айуми: четыре поколения японцев в Америке» и др.

Кэти Сонг (р. 1955 г.), китайка, живущая в США, в сборнике лирических стихотворений «Портрет невесты» (1983 г.) рассказывает о драматических перипетиях истории, увиденных через призму жизни ее родных. Многие из поэтов, чьи этнические корни уходят в Азию, обращаются к теме культурных различий. Так, в стихотворении Сонг «Вегетарианский воздух» (1988 г.) захудалый городишко с коровами, пасущимися на главной площади, китайским рестораником и покосившейся рекламой Кока-Колы становится символом современной поликультурной жизни, лишенной корней, которую можно вынести лишь благодаря искусству — в данном случае, опере, записанной на кассете:

и тогда знакомая ария,
поднимающаяся, как восходящая луна,
позволяет забыть,ся,
переноса тебя в ту страну,
где ты, хотя бы на миг — свет, летящий
в пространстве.

(Пер. А. Нестерова)

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

К новым направлениям в американской поэзии можно отнести «поэтов языка», примыкающих к журналу «Темблор». Среди них следует выделить Брюса Эндрюса, Лин Хеджинян, Дугласа Мессерли — редактора сборника «Поэзии языка: опыт антологии» (1987 г.), Боба Перельмана и Баррета Уоттена, перу которого принадлежит сборник эссе «Тотальный синтаксис» (1985 г.). Эти поэты деформируют язык, обнажая его способность к порождению двойственных смыслов, фрагментации и самоорганизации из хаоса. Тяготая к иронии и постмодернизму, они отвергают все и всяческие «метаповествования», будь то идеология, догматика или условности, и ставят под сомнение существование трансцендентной реальности. Так, Майкл Пальмер пишет:

Рай — заплесневелая книга,
От которой давно бы пора избавиться.

(Пер. А. Нестерова)

«Хронические смыслы» Боба Перельмана (обыгрывающего формулу, в которой Бог объявляет себя Моисею: «Я есмь Тот, Кто есмь», — прим. пер.) начинаются со следующих строк:

Важен лишь факт, и только.
Сказать это — достанет пяти слов.
Небо ночью черным-черно, верно.
Я есмь, иррациональный остаток вовне...
(Пер. А. Нестерова)

Рассматривая искусство и литературную критику как явления, идеологические в силу самой своей природы, поэты, принадлежащие к этой школе, отрицают присущие модернизму закрытые формы, иерархичность, представления об эпифании и трансцендентности, такие категории, как жанр и канонический текст (т.е. признанные литературные шедевры). На их место они хотят поставить открытые формы и поликультурные тексты. Они заимствуют образы из арсенала поп-культуры, средств массовой информации — и пересоздают их заново. Как и поэзия перформансов, «поэзия языка» противится интерпретации и требует от читателя прямого соучастия.

Поэзия, ориентированная на формы перформанса (ассоциирующаяся с игрой случая проекция на литературу того, что делал Джон Кейдж в музыке), джазовая импровизация, мультимедийные произведения искусства и европейский сюрреализм повлияли на творчество многих американских поэтов. Среди авторов, работающих в этом жанре, назовем наиболее известное имя: Лори Андерсон. Ее хит «Соединенные Штаты» (1984 г.), получивший мировую известность, создан с использованием таких средств, как кино, видео, шумовые эффекты, музыка, хореография и технологии космической эры. Звучащей поэзией, где голос и инструментальное сопровождение играют особую роль, заняты Дэвид Энтин, выступающий с импровизациями, и ньюйоркцы Джордж Куаша (владелец издательства «Стейшн Хилл пресс»), Арманд Швернер и Джексон МакЛоу. МакЛоу

занимается также визуальной, или конкретной, поэзией, рассчитанной на зрительное восприятие и использующей такие приемы, как расположение текста на листе и игра с наборными шрифтами. Этническая поэзия, связанная с перформансом, слилась в один поток с рэп-музыкой, когда по всей Америке «поэтические сборища» — публичные поэтические чтения, устраиваемые в альтернативных художественных галереях и книжных магазинчиках, — стали популярным весьма недорогим развлечением.

На другом полюсе поэтического спектра — выработавшие собственный стиль «новые формалисты», объединенные пафосом возвращения к форме, рифме и правильному метру. Все группы так или иначе поставлены перед проблемой, когда обыватель вполне удовлетворен существующим положением вещей, потребляя аккуратную, прилизанную поэзию, создаваемую ремесленниками от литературы, а лиричной исповедальности придается неоправданно важное значение, в противовес публичному жесту. Формальная школа ассоциируется с издательством «Стори лайн пресс»; к ней принадлежат такие авторы как Дан Джиоя (поэт и бизнесмен), Филип Дэйси и Дэвид Джаусс — поэты и редакторы антологии «Крайние меры: современная американская поэзия, создаваемая в традиционных формах» (1986 г.), Брэд Лейтхаузер и Гертруда Шнакенбург. Одна из последних антологий — том «Поэтические направления: рифма и метр в англоязычной поэзии после 1977 г.», подготовленный Робертом Ричмэном. Хотя поэтов, собранных под обложкой этой книги, часто обвиняют в возврате к темам XIX в., часто они в своей практике соединяют современность строк и образов с музыкальностью языка и традиционностью закрытых форм.

ГЛАВА

8

АМЕРИКАНСКАЯ ПРОЗА ПОСЛЕ 1945 г.: РЕАЛИЗМ И ЭКСПЕРИМЕНТИРОВАНИЕ

В период после второй мировой войны художественная проза чурается обобщений: она отличается чрезвычайной пестротой и многогранностью. В нее внесли свежую струю международные литературные течения, такие как европейский экзистенциализм и латиноамериканский магический реализм, а бурное развитие электронных средств связи заставило ее считаться с таким явлением, как деревня с Землю величиной. Разговорная речь на телевидении возродила устную традицию. На американскую прозу стали оказывать все большее воздействие жанры устного творчества, средства массовой информации и массовая культура.

В прошлом элитарная культура влияла на массовую культуру своим статусом и примером; в настоящее время, судя по всему, наблюдается обратная картина. Серьезные писатели, такие как Томас Пинчон, Джойс Кэрролл Оутс, Курт Воннегут младший, Элис Уокер и Э.Л. Доктороу многое позаимствовали из комиксов, кинофильмов, моды, песен и устных преданий о прошлом, на которые так или иначе опирались в своем творчестве.

Этим я вовсе не хочу сказать, что американская литература последних пятидесяти лет погрязла в мелкотемье. В США писатели поднимают серьезные вопросы, многие из которых носят метафизический характер. В творчестве прозаиков проявляются в высшей степени новаторские подходы и поглощенность собой, или «рефлексивность». Часто современные авторы находят традиционные приемы художественной прозы неэффективными и хотят оживить ее материалами, пользующимися гораздо большей популярностью. Иными словами: американские писатели последних десятилетий выработали в себе постмодернистскую чуткость. Они уже не довольствуются модернистским переиначиванием той или иной точки зрения. Его место должно занять обновление всего контекста видения.

НАСЛЕДИЕ РЕАЛИЗМА И КОНЕЦ Сороковых годов

В художественной прозе второй половины XX века сохраняется сложившаяся в его первой половине тенденция отражения характерных черт каждого десятилетия. В конце сороковых годов еще чувствовались последствия второй мировой войны, но уже начиналась «холодная война».

Вторая мировая война дала прекрасный материал для литературного творчества. Лучше всех им воспользовались два прозаика — Норман Мейлер («Нагие и мертвые», 1948 г.) и Джеймс Джонс («Отныне и во веки веков», 1951 г.). Оба они писали в реалистической манере, граничащей с суровым натурализмом; оба старались не приукрашивать войну. То же самое можно сказать и об Ирвине Шоу, написавшем роман «Молодые львы» (1948 г.). Герман Вук в своем «Восстании на Кейне» (1951 г.) также показал, что во время войны человеческие слабости проявляются не меньше, чем в мирное время. Позднее Джозеф Хэллер сатирически изобразил войну, представив ее читателю в манере абсурда («Уловка-22», 1961 г.). Он высказывает мысль о том, что война полна безумия. С помощью усложненной литературной техники Томас Пинчон прекрасно воплотил свой замысел, пародируя и развенчивая различные версии действительности («Радуга земного притяжения», 1973 г.), а Курт Воннегут младший после выхода в свет его романа «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» (1969 г.) стал в начале 70-х годов одним из самых ярких представителей контркультуры. В этом направлении против войны произведении описывается бомбардировка зажигательными авиационными бомбами немецкого города Дрездена, произведенная союзниками в период второй мировой войны. Сам автор, находившийся тогда в немецком лагере для военнопленных, был очевидцем этой бомбардировки.

В сороковых годах появилась новая замечательная плеяда писателей, включая поэта, романиста и очеркиста Роберта Пенна Уоррена, драматургов Артура Миллера и Теннесси Уильямса и авторов коротких рассказов Кэтрин Энн Портер и Юдоры Уэлти. Все они, кроме Миллера, были выходцами с Юга, все посвятили свое творчество изучению судьбы отдельного человека в семье или обществе и все уделяли основное внимание равновесию между развитием человеческой личности и ее ответственностью перед определенной группой людей.

Роберт Пенн Уоррен (1905–1989 гг.)

Роберт Пенн Уоррен, один из южан, группировавшихся вокруг журнала «Фьюджитив», пользовался литературным успехом на протяжении большей части XX века. Всю свою жизнь он проявлял интерес к становлению

демократических ценностей в процессе исторического развития. Самым известным его произведением, прошедшим проверку временем, является роман «Вся королевская рать» (1946 г.). В нем на примере лишь слегка завуалированной карьеры сенатора одного из южных штатов — колоритного и зловещего Хьюи Лонга — показаны темные стороны американской мечты.

Артур Миллер (р. 1915 г.)

Родившийся в Нью-Йорке драматург, романист, очеркист и биограф Артур Миллер достиг вершины личного успеха в 1949 г. пьесой «Смерть коммивояжера», представляющей собой анализ поиска человеком своего места в жизни и того, как он приходит к выводу о тщетности своих попыток. Действие пьесы происходит в семье Ломенов, в которой отец не ладит с сыном, а жена — с мужем. В пьесе, как в зеркале, отражаются литературные тенденции сороковых годов — богатое сочетание реалистических приемов с примесью натурализма, тщательная обрисовка действующих лиц, законченность образов и настоятельное подчеркивание ценности личности, несмотря на все ее ошибки и неудачи. «Смерть коммивояжера» — это трогательный гимн простому человеку, на которого, по словам вдовы Вилли Ломена, «необходимо обратить внимание». В то же время эта умная и печальная пьеса является историей несбывшейся мечты. Как иронически замечает один из персонажей пьесы: «Коммивояжер не может не мечтать, мой мальчик. Это входит в его работу».

«Смерть коммивояжера», сыгравшая столь заметную роль в творчестве Миллера, составляет лишь одно из целого ряда драматических произведений, написанных им на протяжении нескольких десятилетий, включая драму «Все мои сыновья» (1947 г.) и народную хронику «Тяжкое испытание» (1953 г.). Обе вышеупомянутые пьесы носят политический характер. Действие одной из них происходит в наши дни, а другой — в период колонизации. В первой главным действующим лицом является промышленник, во время второй мировой войны намеренно поставивший авиастроительным фирмам партию бракованных деталей, что привело к гибели его сына и других людей. В «Тяжком испытании» изображаются судебные процессы, проходившие в Сэйлеме (штат Массачусетс) в XIX веке, в результате которых поселенцы-пуритане были несправедливо казнены якобы за причастность к колдовству. Несмотря на то, что «охота за ведьмами», жертвами которой становятся невинные люди, совершенно неприемлема в демократическом обществе, настроение этой пьесы было созвучно времени ее постановки на театральной сцене — периоду начала пятидесятых годов, когда крестовый поход американского сенатора Джозефа Маккарти и ряда других деятелей против коммунистов разрушал жизни ни в чем неповинных людей.

Теннесси Уильямс (1911–1983 гг.)

Уроженец штата Миссисипи Теннесси Уильямс был одной из самых сложных индивидуальностей в американской литературе середины XX века. Его творчество в основном посвящено смятению чувств и подавлению сексуальности в семье, чаще всего семье южан. Для произведений Уильямса характерны магия бесконеч-

ных повторений, поэтическая манера выражения чувств и мыслей, необычность обстановки, в которой разворачивается действие, и фрейдистское исследование полового влечения. Будучи одним из первых американских писателей, открыто признававших свою гомосексуальную ориентацию, Уильямс объяснял, что подчеркнутая сексуальность его не знающих покоя героев является выражением их одиночества. Персонажи пьес этого драматурга живут напряженной духовной жизнью и испытывают тяжелые душевные муки.

Уильямс написал более 20 многоактных пьес, многие из которых носят автобиографический характер. Он сравнительно рано достиг вершины своего творчества — в сороковых годах — в таких драматургических произведениях, как «Стеклянный зверинец» (1944 г.) и «Трамвай «Желание»» (1947 г.). Ни одна из его вещей, написанных за последующие двадцать с лишним лет, не имела успеха и творческого богатства двух вышеупомянутых пьес.

Кэтрин Энн Портер (1890–1980 гг.)

Долгие жизнь и творческий путь Кэтрин Энн Портер охватывают несколько эпох. Первый успех принесла ей новелла «Иудино дерево в цвету» (1929 г.), действие которой происходит в Мексике во время революции. Превосходно написанные рассказы, благодаря которым Портер приобрела известность, дают тонкое описание личной жизни человека. Так, например, в рассказе «Как обманули бабушку Уэзеролл» автор очень точно передает самые разные проявления человеческой психики. Часто Портер раскрывает внутренний мир женщин и показывает их зависимость от мужчин.

В передаче нюансов и оттенков Портер многому научилась у родившейся в Новой Зеландии писательницы Кэтрин Мэнсфилд. Сборники новелл Кэтрин Энн Портер включают в себя следующие издания: «Иудино дерево в цвету» (1930 г.), «Полуденное вино» (1937 г.), «Бледный конь, бледный всадник» (1939 г.), «Падающая башня» (1944 г.) и «Сборник рассказов» (1965 г.). В начале шестидесятых годов она написала длинный аллегорический роман на одну из вечных тем — ответственность людей друг перед другом. Действие этого романа, которому Портер дала название «Корабль глупцов» (1962 г.), происходит в конце тридцатых годов на борту пассажирского судна, на котором плывут представители высших классов Германии и немецкие беженцы.

Будучи не слишком плодотворной писательницей, Портер, тем не менее, оказала влияние на целое поколение авторов, включая своих коллег с Юга Юдору Уэлти и Флэннери О'Коннор.

Юдора Уэлти (р. 1909 г.)

Родившаяся в семье переселившихся на Юг северян, Юдора Уэлти в своем творчестве находилась под влиянием Уоррена и Портер. Между прочим, последняя написала предисловие к первому сборнику новелл Уэлти. В «Зеленом занавесе» (1941 г.), богатом нюансами и оттенками, писательница подражала Портер, однако молодого автора больше интересует комическое и гротесковое. Подобно ныне покойной Флэннери О'Коннор она часто изображает странных, эксцентричных или исключительных персонажей.

Несмотря на присутствие в произведениях Уэлти насилие, остроумие писательницы носит гуманный, жизнеутверждающий характер, как это, например, явствует из ее часто включаемой в антологии американской литературы новеллы «Почему я работаю на почте», в которой упрямая и самостоятельная дочь уходит из дома и переселяется в крохотное помещение почты. Издавались следующие сборники новелл Уэлти: «Широкая сеть» (1943 г.), «Золотые яблоки» (1949 г.), «Невеста Иннисфоллена» (1955 г.) и «Лунное озеро» (1980 г.). Уэлти также писала романы, такие как «Помолвка в Дельте» (1946 г.), в котором рассказывается о семье, живущей на плантации в наше время, и «Дочь оптимиста» (1972 г.).

ПЯТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ: ИЗОБИЛИЕ, ВЕДУЩЕЕ К ОТЧУЖДЕННОСТИ ОТ ОБЩЕСТВА

В пятидесятые годы проявилось воздействие процесса модернизации и развития техники на повседневную жизнь. Этот процесс начался еще в двадцатые годы, но был прерван Великой депрессией, и продолжился, когда вторая мировая война вывела из нее США. В пятидесятые годы для большинства американцев наступила пора долгожданного материального благополучия. Работа в компаниях, судя по всему, обеспечивала хорошую жизнь (обычно для жителей пригородов) с присущими ей реальными и символическими атрибутами успеха — домом, машиной, телевизором и бытовыми приборами.

Однако преобладающей темой в литературе стало одиночество высших классов общества; безликий чиновник компании в пользовавшемся огромной популярностью романе Слоуна Уилсона «Человек в сером фланелевом костюме» (1955 г.) стал олицетворением определенного культурного слоя. Социолог Дэвид Рисман в своей книге «Одинокая толпа» (1950 г.) предпринял попытку дать объяснение такому типичному явлению американской жизни, как отчуждение американцев от общества. За этой книгой последовали другие популярные произведения, носящие более или менее научно-исследовательский характер — от «Скрытые средства убеждения» (1957 г.) и «В поисках положения в обществе» Вэнса Паккарда до «Человек, работающий на организацию» (1956 г.) Уильяма Уайта и трудов более высокого интеллектуального уровня «Белый воротничок» (1951 г.) и «Правящая элита» (1956 г.) К. Райта Миллса. Экономист и профессор университета Джон Кеннет Гэлбрейт внес свою лепту в изучение этой темы, написав «Общество благоденствия» (1958 г.). В большинстве этих трудов выдвигалось положение о том, что все американцы ведут один и тот же образ жизни. Исследования носили общий характер, критикуя граждан США за потерю индивидуализма первых поселенцев и излишний конформизм (например, Рисман и Миллс) или советуя американцам стать представителями «нового класса», сформировавшегося в результате технического прогресса и обилия свободного времени (как это делал в своих трудах Гэлбрейт).

По существу, пятидесятые годы были десятилетием едва уловимого распространяющегося стресса. В романах Джона О'Хары, Джона Чивера и Джона Апдайка показывается, что под личиной благополучия скрывается

стресс. Героями некоторых лучших произведений становятся люди, в погоне за успехом терпящие крах. Подобных героев мы находим в пьесе Артура Миллера «Смерть коммивояжера» и новелле Сола Беллоу «Лови момент» (1956 г.). Некоторые писатели пошли дальше и стали описывать тех, кто сознательно поставил себя вне общества. Такую линию творчества избрали Дж. Д. Сэлинджер в «Над пропастью во ржи» (1951 г.), Ральф Эллисон в «Человеке-невидимке» (1952 г.) и Джек Керуак в «На дороге» (1957 г.). На закате десятилетия появился Филип Рот с серией рассказов, в которых отразилось его отчуждение от своего еврейского наследия («Прощай, Колумбус», 1959 г.). Психологические размышления писателя питали его творчество вплоть до девяностых годов, давая пищу сначала для художественной прозы, а затем автобиографии.

Художественная проза Беллоу, Бернарда Маламуда и Исаака Башевиса Зингера — среди других американских писателей еврейского происхождения, известных в пятидесятых годах и последующий период, — представляет собой яркий и достойный вклад в историю американской литературы. Для произведений трёх вышеупомянутых авторов прежде всего характерны юмор, повышенное внимание к вопросам этики и морали и описание еврейских общин Старого и Нового Света.

Джон О'Хара (1905–1970 гг.)

Прошедший большую журналистскую школу Джон О'Хара — весьма плодовитый писатель. Его перу принадлежат многочисленные пьесы, рассказы и романы. Он является мастером изображения отдельных тщательно выписанных и выразительных подробностей. О'Хара больше всего известен своими реалистическими романами, написанными в основном в пятидесятых годах, о внешне преуспевающих людях, но в душе испытывающих чувство вины или неудовлетворенности, которое делает их уязвимыми. К таким романам относятся «Свидание в Самарре» (1934 г.), «Северная Фредерик, 10» (1955 г.) и «Вид с террасы» (1958 г.).

Джеймс Болдуин (1924–1987 гг.)

В творчестве Джеймса Болдуина и Ральфа Эллисона находит свое отражение афро-американский опыт пятидесятых годов. Герои их произведений страдают не от чрезмерного честолюбия, а от отсутствия индивидуальности. Болдуин, старший из девяти детей, родившихся в одной из гарлемских семей, был приемным сыном священника. В молодые годы он время от времени сам читал проповеди в церкви. Этот опыт способствовал формированию таких качеств прозы писателя, как яркость и «изустность», наиболее отчетливо проявившихся в его прекрасных очерках, таких как «Письмо из страны моих мыслей» из сборника «Завтра — пожар» (1963 г.). В этом волнующем публицистическом произведении Болдуин выступает против разделения рас.

Первый роман Болдуина «Идите, вещайте с гор» (1953 г.), носящий автобиографический характер, пользуется, пожалуй, наибольшей популярностью. В нем речь идет о 14-летнем мальчике, пытающемся познать себя и обрести религиозную веру в процессе самостоятельного решения мучительных вопросов перехода в христианство в церкви, занимающей помещение, распо-

ложенное на первом этаже магазина. В число других значительных произведений Болдуина входят «В другой стране» (1962 г.) – роман, посвященный вопросам расового самосознания и теме гомосексуализма, и «Никто не знает моего имени» (1961 г.) – сборник страстных очерков о расизме, назначении художника и литературе.

Ральф Уолдо Эллисон (1914–1994 гг.)

Ральф Эллисон родился на Среднем Западе, в Оклахоме. Он учился в Институте Таскеги на юге США. Писательская карьера Эллисона является одной из самых странных в американской литературе – на его счету лишь один роман, пользовавшийся успехом у читателя и получивший высокую оценку критики. Он носит название «Человек-невидимка» (1952 г.) и представляет собой историю темнокожего американца, добровольно избравшего местом своего обитания мрачное подземелье, освещаемое краденным у коммунальной компании электричеством. В книге рассказывается о фантастическом опыте героя, приводящем его к разочарованию в жизни. Когда колледж для темнокожих присуждает герою романа стипендию, его унижают белые; попав в колледж, он убеждается в том, что темнокожему президенту этого учебного заведения наплевать на заботы темнокожих американцев. Жизнь безнравственна и за пределами колледжа. Даже религия не приносит утешения: проповедник оказывается преступником. В романе предъявляется обвинение обществу в том, что оно не сумело дать своим гражданам – как белым, так и темнокожим – практически осуществимых идеалов и институтов, способных претворить их в жизнь. В этом произведении показывается вся глубина расовой проблемы, поскольку «человек-невидимка» стал таковым не сам по себе, а в силу того, что другие люди, ослепленные предрассудками, не в состоянии разглядеть в нем человеческое существо.

Флэннери О'Коннор (1925–1964 гг.)

Волчанка рано оборвала жизнь уроженки Джорджии Флэннери О'Коннор. Однако эта смертельная болезнь не сделала писательницу сентиментальной, о чем свидетельствуют ее полные чувства юмора, но в то же время суровые и бескомпромиссные рассказы. В отличие от Портер, Уэлти и Херстон, О'Коннор, как правило, не отождествляет себя со своими героями, а смотрит на них со стороны, показывая их неполноценность и глупость. Суеверие и религиозный фанатизм необразованных южан, «населяющих» романы писательницы, часто приводят к насилию, что наглядно показано в романе О'Коннор «Мудрая кровь» (1952 г.), в котором рассказывается о религиозном фанатике, основавшем свою собственную церковь.

Иногда причиной насилия являются предрассудки, как это имеет место в «Перемещенном лице», где невежественные деревенские жители убивают иммигранта, который помешал им своим упорным трудом и необычным поведением. Часто жестокость просто настигает героев, как в рассказе «Добрые маленькие люди», в котором мужчина соблазняет девушку только ради того, чтобы украсть ее ножной протез.

Черный юмор О'Коннор связывает ее с творчеством Натаниэля Уэста и Джозефа Хэллера. Произведения пи-

сательницы включают в себя два сборника новелл «Хорошего человека найти нелегко» (1955 г.) и «Все сущее – соединится» (1965 г.); роман «Царство небесное силою берется» (1960 г.) и подборку писем «Образ жизни» (1979 г.). В 1971 г. вышло в свет «Полное собрание рассказов» Флэннери О'Коннор.

Сол Беллоу (р. 1915 г.)

Писатель русско-еврейского происхождения Сол Беллоу родился в Канаде и вырос в Чикаго. В колледже изучал антропологию и социологию, что и сегодня оказывает большое влияние на его творчество. Сам Беллоу утверждал, что очень многим обязан Теодору Драйзеру, который значительно расширил его представление о жизни и помог ему духовно воспринять этот накопленный опыт. В 1976 г. пользующийся большим уважением Сол Беллоу был удостоен Нобелевской премии в области литературы.

В число ранних, несколько суровых экзистенциалистских романов писателя входят «Человек, болтающийся в воздухе» (1944 г.) – выдержанное в духе Кафки исследование состояния человека, ожидающего призыва в армию, и «Жертва» (1947 г.), посвященный взаимоотношениям евреев и неевреев. В пятидесятые годы в произведениях Беллоу стало больше юмора: в ряде случаев писатель прибегнул к энергичному и увлекательному рассказу от первого лица. Беллоу использовал этот прием в «Приключениях Оги Марча» (1953 г.), где создал напоминающий Гека Финна образ городского предпринимателя, становящегося в Европе подпольным торговцем, и в «Хендерсоне, короле дождя» (1959 г.) – замечательном, полном жизни трагикомическом романе о миллионере средних лет, несбывшиеся помыслы которого приводят его в Африку. Более поздние произведения Беллоу включают в себя роман «Херzog» (1964 г.), посвященный беспокойной жизни английского профессора-неврастеника, предметом изучения которого является идея романтизации собственного я; романы «Планета мистера Саммлера», «Дар Гумбольдта» (1975 г.) и автобиографический роман «Декабрь декана» (1982 г.).

Новелла Беллоу «Лови момент» (1956 г.) представляет собой блестящее литературное произведение, которое часто включается в учебные программы средних школ и колледжей как образец мастерства и краткости. Главным действующим лицом новеллы является неудавшийся бизнесмен Томми Вилхельм, пытающийся делать вид, что у него все хорошо, чтобы таким образом скрыть свою несостоятельность. Новелла начинается с иронии: «Когда нужно было скрывать свои беды, Томми Вилхельм умел это делать не хуже других. По крайней мере, он так думал...» Парадоксально, но именно подобная трата сил способствовала его краху. Томми настолько поглощен сознанием собственной несостоятельности, что последняя действительно приобретает для него катастрофические масштабы – он терпит неудачу с женщинами, работой, машинами и, наконец, на товарном рынке, где теряет все свои деньги. Вилхельм являет собой пример того, что в еврейском фольклоре носит название шимель – человек, с которым всегда случаются несчастья. В новелле «Лови момент» обобщается присущая многим американцам черта – боязнь оказаться неудачником.

Бернард Маламуд (1914–1986 гг.)

Бернард Маламуд родился в Нью-Йорке в семье еврейских эмигрантов из России. В своем втором романе «Помощник» (1957 г.) он нашел темы, характерные для его творчества в целом — стремление человека выжить любой ценой и морально-этические устои недавно приехавших в Америку еврейских иммигрантов.

Первым изданным произведением Маламуда стал роман «Самородок» (1952 г.), в котором реальность переплетается с фантазией в условиях мистического мира профессионального бейсбола. Среди других романов писателя «Новая жизнь» (1961 г.), «Мастеровой» (1966 г.), «Картинки Фидельмана» (1969 г.) и «Жильцы» (1971 г.). Кроме того, Маламуд является мастером малого литературного жанра, написавшим множество рассказов. В ряде из них, представленных в сборниках «Волшебный бочонок» (1958 г.), «Сначала идиоты» (1963 г.) и «Шляпа Рембрандта» (1973 г.), ему удалось лучше других родившихся в Америке писателей передать прошлую и настоящую жизнь евреев, придавая ей реальные и сюрреалистические черты и соединяя факты с вымыслом.

Монументальным произведением Маламуда, за которое он был удостоен Пулицеровской и национальной книжной премий, является роман «Мастеровой». Действие в нем происходит в начале XX в. в России и представляет собой лишь слегка завуалированный намек на реальное событие — «дело Бейлиса», сфабрикованное в 1913 г. обвинение еврея Менделя Бейлиса в ритуальном убийстве русского мальчика и последовавший за этим постыдный судебный процесс, одно из самых гнусных антисемитских судилищ в новой истории. В «Мастеровом», как и во многих других своих произведениях, Маламуд подчеркивает страдания своего героя Якова Бока, который, несмотря ни на что, старается выдержать все выпавшие на его долю испытания.

Исаак Башевис Зингер (1904–1991 гг.)

Лауреат Нобелевской премии, романист и мастер короткого рассказа Исаак Башевис Зингер — уроженец Польши, эмигрировавший в США в 1935 г. — был сыном известного главы раввинского суда в Варшаве. Всю свою жизнь Зингер писал на идише, представляющем собой смесь немецкого и древнееврейского и на протяжении последних нескольких столетий являющемся общепринятым языком европейских евреев. Зингер изображал в своих произведениях две конкретные группы евреев — жителей штетлей (деревушек) Старого Света и эмигрантов XX века, пересекавших океан до и после второй мировой войны в поисках лучшей жизни.

Произведения Зингера охватывают весь период Холокоста — уничтожения нацистами и их пособниками значительной части европейских евреев. С одной стороны, в таких романах, как «Усадьба» (1967 г.) и «Поместье» (1969 г.), действие которых происходит в России XIX века, и в рассказе «Семья Москат» (1950 г.), об одной из семей польских евреев в период между мировыми войнами, Зингер изображает теперь уже не существующий мир европейских евреев. С другой, дополнением к этому служат произведения писателя, относящиеся к событиям послевоенного времени, такие как роман «Враги: любовная история» (1972 г.), посвящен-

ный евреям, прошедшим через Холокост и заново строящим свою жизнь.

Владимир Набоков (1889–1977 гг.)

Подобно Зингеру Владимир Набоков эмигрировал из Восточной Европы. Он родился в царской России в богатой семье; переехал в США в 1940 г. и через пять лет получил американское гражданство. С 1948 по 1959 г. преподавал литературу в Корнелльском университете, расположенном в северной части штата Нью-Йорк; в 1960 г. писатель переехал на постоянное жительство в Швейцарию. Известность Набокову принесли его романы, включая автобиографическое произведение «Пнин» (1957 г.) о неприспособленном к жизни российском профессоре-эмигранте и «Лолиту» (американское издание 1958 г.) об образованном европейце средних лет, до безумия влюбившемся в невежественную 12-летнюю американскую девочку. Еще в одном пользующемся успехом романе Набокова «Бледный огонь» (1962 г.), стилизованном под литературоведческое исследование, основное внимание уделяется длинной поэме воображаемого умершего поэта и комментариям к ней критика, писания которого подавляют поэму и неожиданно начинают жить своей жизнью.

Тонкая стилистика, искусная сатира и дерзкое новаторство в области формы ставят Набокова в ряд значительных мастеров слова. Его творчество, в частности, оказало влияние на писателя Джона Барта. Набоков сознавал свою роль посредника между российской и американской литературой; он написал книгу о Гоголе и перевел на английский язык роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин». Выбираемые Набоковым смелые, слегка экспрессионистские темы, такие как странная любовь в «Лолите», способствовали проникновению экспрессионистских течений, зародившихся в XX веке в Европе, в преимущественно реалистическую традицию американской художественной прозы. Кроме того, сатирически-ностальгический тон писателя придавал новую, трагикомическую эмоциональную окраску его творчеству. Позднее этим приемом стали пользоваться другие писатели, например, Пинчон, сочетавший контрастирующие тона вызывающего остроумия и страха.

Джон Чивер (1912–1982 гг.)

Джона Чивера часто называли «новеллистом-бытописателем». Он известен своими изящными, наводящими на размышления рассказами, в которых критически оценивается нью-йоркский деловой мир и его воздействие на бизнесменов и их жен, детей и друзей. В изящно, в чеховском духе написанных рассказах, представленных в сборниках «Как живут некоторые люди» (1943 г.), «Взломщик из Шейди-Хилл» (1958 г.), «Некоторые люди, места и вещи, которых не будет в моем следующем романе», (1961 г.), «Бригадир и вдова гольф-клуба» (1964 г.) и «Яблочный мир» (1973 г.), чувствуется подспудное ироническое, меланхолическое, но никогда до конца не удовлетворяемое и, судя по всему, безнадежное желание страсти или метафизической определенности. В названиях книг Чивера находят свое отражение его беззаботность, веселость и непочтительность, а также дается намек на содержание произведений писателя. Чивер также издал ряд романов —

«Уопшотский скандал» (1964 г.), «Буллет-парк» (1969 г.) и «Фолконер» (1977 г.). Последний во многом носит автобиографический характер.

Джон Апдайк (р. 1932 г.)

Подобно Чиверу Джона Апдайка с его интересом к жизни тех, кто населяет богатые пригороды, с его сугобо американскими темами, рассуждениями о скуке и тоске существования, с его задумчивостью и особенно с его постоянными описаниями одних и тех же мест, расположенных на восточном побережье океана, в Массачусетсе и Пенсильвании, также считают бытописателем. Наибольшую известность принесли Апдайку его четыре книги о Кролике, представляющие собой рассказ о жизни человека по имени Гарри «Кролик» Энгстром, о его взлетах и падениях на протяжении четырех десятилетий истории США на фоне социально-политического развития американского общества. В романе «Кролик, беги» (1960 г.) отразились настроения пятидесятых годов, в условиях которых Энгстром предстает перед читателем недовольным молодым главой семейства, не имеющим перед собой никаких целей. В «Кролике исцелившемся» (1971 г.), в котором большое внимание уделяется контркультуре шестидесятых годов, Энгстром по-прежнему не нашел цели в жизни и не знает, как сбросить с себя путы обыденности. В третьем романе об Энгстроме «Кролик разбогател» (1981 г.) Гарри получает наследство и становится состоятельным человеком. Автор изображает его на фоне событий семидесятых годов, когда постепенно сходит на нет эпоха вьетнамской войны и воцаряется атмосфера эгоизма, присущего зажиточным слоям общества. В последней книге из этой серии «Кролик на отдыхе» (1990 г.) Энгстром примиряется с жизнью и мыслью о неизбежности смерти. Общая картина восьмидесятых годов служит в романе некой «художественной декорацией».

Апдайк также написал романы «Кентавр» (1963 г.), «Супружеские пары» (1968 г.) и «Бек: книга» (1970 г.). Из всех современных писателей он является самым лучшим стилистом, и рассказы этого мастера наглядно показывают широкие возможности и новаторство его стиля. Выпускались в свет следующие сборники рассказов Апдайка: «Та же дверь» (1959 г.), «Музыкальная школа» (1966 г.), «Музеи и женщины» (1972 г.), «Слишком далеко идти» (1979 г.) и «Проблемы» (1979 г.). Кроме того, Апдайк опубликовал несколько сборников своих стихов и очерков.

Дж. Д. Сэлинджер (р. 1919 г.)

В своих произведениях предвестник явлений шестидесятых годов Дж. Д. Сэлинджер рассказал о попытках отдельных людей поставить себя вне общества. Уроженец Нью-Йорка, он добился огромного успеха своим романом «Над пропастью во ржи» (1951 г.), в котором изобразил чувствительного шестнадцатилетнего подростка Холдена Колфилда, убежавшего из элитной школы-интерната, чтобы скорее приобщиться к миру взрослых, но разочаровавшегося в его материализме, фальшивости и духовной пустоте.

На вопрос, кем бы он хотел стать, Колфилд отвечает «ловцом во ржи», неточно цитируя одно из стихотворе-

ний Бернса. Холден считает себя современным белым рыцарем, единственным хранителем невинности. В своем воображении он видит поле, на котором растет такая высокая рожь, что играющие на нем дети даже не видят, куда бегут. Сам же Колфилд оказывается среди них единственным взрослым. «Я стою на краю сумасшедшей скалы. Моя задача — ловить каждого, кто шагнет в пропасть». Шаг в пропасть отождествляется с потерей детства и невинности (особенно в половом смысле) — тема, постоянно затрагивавшаяся в ту эпоху. Другие издания произведений этого неплодотворного писателя-отшельника включают в себя: «Девять рассказов» (1953 г.), «Фрэнни и Зуи» (1961 г.) и сборник повестей и рассказов из журнала «Нью-йоркер» «Выше стропила, плотники» (1963 г.). С тех пор, как в 1965 г. был опубликован один из рассказов Сэлинджера, проживающего в штате Нью-Гемпшир, писатель больше не появлялся на небосклоне американской литературы.

Джек Керуак (1922–1969 гг.)

Родившийся в обедневшей франко-канадской семье, Джек Керуак также ставил под сомнение жизненные ценности среднего класса. Будучи студентом последнего курса Колумбийского университета в Нью-Йорке, он познакомился с «разбитными» участниками литературного подполья. Большое влияние на художественную прозу писателя оказало творчество работавшего на Юге романиста Томаса Вулфа, произведения которого отчасти носят автобиографический характер.

В самом известном романе Керуака «На дороге» (1957 г.) изображаются «битники», кочующие по Америке в поисках несбыточной мечты об общинной жизни и красоте. В романе «Бродяги в поисках дхармы» (1958 г.) также рассказывается о странствующих интеллектуалах, приверженцах контркультуры, и их увлечении дзен-буддизмом. Кроме романов Керуак написал книгу стихов «Блюзы Мехико» (1959 г.) и воспоминания о своей жизни с такими битниками, как писатель-эспериментатор Уильям Берроуз и поэт Аллен Гинсберг.

БУРНЫЕ, НО ПЛОДОТВОРНЫЕ ШЕСТИДЕСЯТЫЕ

Отчуждение и стресс, характерные для США пятидесятых годов, нашли свое зримое выражение в шестидесятых в движении за гражданские права, феминизме, протестах против войны, активной борьбе национальных меньшинств за свои права и появлении контркультуры, последствия которых до сих пор ощущаются в американском обществе. Достойные внимания произведения социального характера этой эпохи включают в себя речи борца за гражданские права д-ра Мартина Лютера Кинга младшего, первую книгу лидера феминисток Бетти Фриден («Загадочная женская душа», 1963 г.) и публицистику Нормана Мейлера «Армии ночи» (1968 г.) об одном из антивоенных маршей 1967 г.

В шестидесятые годы происходит стирание грани между художественной и документальной прозой, между романом и репортажем — процесс, продолжающийся и в настоящее время. Романист Трумэн Капоте, «ужасный ребенок» конца сороковых и всего периода пятидесятых годов, ослеплявший читателя блеском своих

произведений, таких как, например, «Завтрак у Тиффани» (1958 г.), поразил читающую публику своим документальным романом «Хладнокровное убийство» (1966 г.), представляющим собой завораживающий анализ зверского массового убийства в самом сердце Америки, читающийся как детектив. В то же время появилась так называемая «новая журналистика» — целые тома документальной литературы, соединявшей в себе журналистские приемы с техникой художественной прозы или часто обыгрывавшей факты, переделывая их с целью придания повествованию большей драматичности и непосредственности. В сборнике Тома Вулфа «Наркотический тест электризованным прохладительным напитком» (1968 г.) воспевались гримасы «контркультурной» поездки романиста Кена Кизи с одной из рок-групп, а в книге очерков того же автора «Радикальный шик и Умельцы резать подметки на ходу» (1970 г.) высмеивались многие аспекты массовой политической активности левых. Позднее Вулф написал красноречивую, жизнеутверждающую и умную историю первого этапа космической программы США «Ребята-класс» (1979 г.) и роман «Костры тщеславия» (1987 г.), рисующий общую картину американского общества восьмидесятых годов.

В шестидесятых годах литература шла в ногу с бурным развитием эпохи. Появился иронический, юмористический взгляд на ее события, нашедший свое отражение в фантастическом подходе к американской действительности со стороны некоторых писателей. Примеры подобного подхода находим у Кизи в его полном черного юмора романе «Над кукушкиным гнездом» (1962 г.), в котором описывается жизнь в психиатрической больнице, где больные гораздо нормальнее ее медперсонала, и в романе Ричарда Бротигена «Ловля форели в Америке» (1967 г.). Применение комического и фантастического подхода привело к появлению нового комико-метафизического литературного жанра в замечательных фантазмагорических романах Томаса Пинчона «V» (1963 г.) и «Выкрикивается сорок девятый лот» (1966 г.), в романе Джона Барта «Козлоноша Джайлз» (1966 г.) и в гротесковых рассказах Дональда Бартельма, первый сборник которых «Возвращайтесь, доктор Калигари» был опубликован в 1964 г.

В другом литературном жанре — драме — Эдвард Олби создал ряд нетрадиционных психологических произведений — «Кто боится Вирджинии Вульф» (1962 г.), «Хрупкое равновесие» (1966 г.) и «Морской пейзаж» (1975 г.), — отражавших борьбу, происходившую в душе самого автора, и его парадоксальный подход к драматургии.

В то же время в этом десятилетии проявился талант одного из авторов, уже перешагнувших сорокалетний рубеж — Уокера Перси, врача по профессии, представляющего собой идеальное воплощение южанина-аристократа. В ряде своих романов Перси воспользовался своим родным краем как сценой, на которой разыгрываются уникальные психологические пьесы. Особенно высокое признание получили его романы «Любитель кино» (1961 г.) и «Последний джентльмен» (1966 г.).

Томас Пинчон (р. 1937 г.)

Таинственный и чужающийся саморекламы и славы Томас Пинчон родился в Нью-Йорке и получил образование в Корнельском университете, где испытал влияние Владимира Набокова. Нет никакого сомнения в том, что в новаторских фантазиях Пинчона используются темы разгадки головоломок, объяснения игр и расшифровки кодов, источником которых вполне могло стать творчество Набокова. Пинчон обладает широким диапазоном эмоциональных оттенков, способных превратить паранойю в поэзию.

Вся художественная проза этого писателя имеет одинаковую структуру. Сюжетная фабула его романов, как правило, не касается по крайней мере одного из героев, задача которого заключается именно в том, чтобы вывести определенный порядок из окружающего его хаоса и таким образом «расшифровать» мир. Выполнение подобного плана, в чем и состоит суть творчества традиционного художника, передается читателю, которому приходится подключаться к этому процессу и следить за нахождением разгадок и постижением значений. Подобное параноическое видение распространяется на целые континенты и охватывает само время, поскольку Пинчон прибегает к метафоре энтропии, т.е. постепенного исчезновения Вселенной. В его произведениях бросается в глаза мастерское использование популярной культуры — особенно научной фантастики и детективного жанра.

Роман Пинчона «V» свободно строится вокруг двух персонажей — неудачника Бенни Профейна, постоянно пускающегося в бесцельные путешествия и ввязывающегося в сомнительные предприятия, и его антипода — образованного Герберта Стенсила, разыскивающего мистическую шпионку V (с этой буквы в английском языке начинаются слова, определяющие эту таинственную женщину — Венера, девственница, пустышка). В коротком романе «Выкрикивается сорок девятый лот» описывается секретная система, имеющая отношение к Почтовой службе США. Действие романа «Радуга земного притяжения» (1973 г.) происходит в Лондоне во время второй мировой войны, когда на этот город падали ракеты, и сводится к символическому и фарсовому поиску нацистов и прочих перевертышей, пытающихся скрыть свое истинное лицо. Присутствие насилия, комизма и склонности к новаторству в произведениях этого писателя неизбежно связывает его с периодом шестидесятых годов.

Джон Барт (р. 1930 г.)

Уроженца Мэриленда Джона Барта всегда больше интересовало не содержание рассказа, а характер повествования. Однако, если Пинчон старался сбить с толку читателя, уводя его в сторону и задавая ему загадки, как это делается в детективных романах, Барт привлекает читательскую аудиторию в некую комнату смеха, своеобразное королевство кривых зеркал, преувеличивающих одни черты внешнего и внутреннего облика человека и преуменьшающих другие. Реализм чужд Барту, написавшему «Затерянные среди забав» (1968 г.) — сборник, состоящий из 14 рассказов, в которых постоянно затрагивается тема самого процесса письма и чтения. Барт стремится убедить читателя в искусствен-

ности чтения и письма и не дать ему настолько увлечься рассказом, чтобы считать происходящее в нем реальностью. Задавшись целью развеять иллюзию реализма, Барт прибегает к целому набору рефлексивных приемов, чтобы напомнить читателю о том, что он всего лишь занят чтением.

Подобно ранним произведениям Сола Беллоу первые романы Барта носят характер поиска и отмечены экзистенциалистским мировоззрением. В них присутствует тема бегства и бесцельного скитания, постоянно поднимавшаяся в пятидесятые годы. В романе «Плавучая опера» (1956 г.) герой намеревается покончить жизнь самоубийством. «Конец пути» (1958 г.) посвящен сложной любовной истории. В произведениях Барта шестидесятых годов становится больше юмора и меньше реализма. В «Торговце дурманом» (1960 г.) пародируется стиль плутовских романов XVIII века, а «Козлоуноша Джайлз» (1966 г.) представляет собой пародию на мир, рассматриваемый как университет. В книге «Химера» (1972 г.) пересказываются сказочные сюжеты из греческой мифологии, в эпистолярном романе «Письма» (1979 г.) Барт выступает в качестве одного из персонажей подобно тому, как это делает Норман Мейлер в своей публицистической книге «Армии ночи». В романе «В отпуске» (1982 г.) Барт прибегает к популярной в художественной литературе теме шпионажа; в этом произведении рассказывается о женщине-университетском профессоре и ее муже, бывшем секретном агенте, ставшем писателем.

Норман Мейлер (р.1923 г.)

Все сходятся на том, что Норман Мейлер является наиболее ярким представителем американской литературы последних десятилетий, способным писать на самые разные темы и менять свой литературный стиль. Стремлением к приобретению самого разного опыта, энергичной манерой письма и противоречивостью своей личности этот писатель напоминает Эрнеста Хемингуэя. Идеи Мейлера отличаются смелостью и новаторством. Он представляет собой полную противоположность писателям типа Барта, для которых тема не так уж важна, а главное состоит в том, как она подается. В отличие от Пинчона, предпочитающего оставаться в тени, Мейлер постоянно старается быть в центре внимания. Романист, очеркист, иногда политик, человек, отстаивающий права литераторов и время от времени выступающий в качестве актера, он всегда на виду. От упражнений в стиле «новой журналистики», включающих в себя «Майами и осада Чикаго» (1968 г.), содержащих анализ съездов ведущих партий США в период президентской кампании 1968 г., и завораживающего читателя исследование истории смертной казни осужденного на смерть убийцы «Песнь палача» (1979 г.) Мейлер перешел к созданию таких амбициозных и монументальных романов, как «Стародавние вечера» (1983 г.), действие которого происходит в древнем Египте, и «Тень проститутки» (1992 г.), о деятельности ЦРУ.

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СЕМИДЕСЯТЫХ И ВОСЬМИДЕСЯТЫХ ГОДОВ

В середине семидесятых годов началась эпоха консолидации. Окончился конфликт во Вьетнаме, и вскоре США признали Китайскую Народную Республику, а затем наступило празднование 200-летия Америки. Прошло еще немного времени, и в свои права вступили восьмидесятые годы — так называемая «эпоха эгоизма», когда люди стали больше заботиться о своих личных нуждах и уделять меньше внимания серьезным общественным проблемам.

В области литературы сохранились старые направления, но чистое экспериментаторство сильно сдало свои позиции. Появились новые романисты, такие как Джон Гарднер, Джон Ирвинг («Мир по Гарпу», 1978 г.), Пол Теру («Берег москитов», 1982 г.), Уильям Кеннеди («Железный бурьян», 1983 г.) и Элис Уокер («Цвет багряный», 1982 г.). Они писали отличавшиеся прекрасным стилем романы, рассказывая читателю волнующие истории о человеческих судьбах. Тщательная забота о выборе места действия, характеров своих персонажей и темы свидетельствовала о том, что творчество этих писателей знаменует собой возврат к реализму. Реализм, отброшенный писателями-экспериментаторами в шестидесятых годах, стал вновь завоевывать позиции, часто перемежаясь со смелыми, оригинальными элементами. Примерами подобного новаторства могут служить такая дерзость, как построение литературного произведения в виде романа внутри романа, у Джона Гарднера в его «Осеннем свете» (1976 г.), и введение в роман афро-американского диалекта, который присутствует в книге Элис Уокер «Цвет багряный». Начался расцвет литературы национальных меньшинств. Драма отошла от реализма, приобрела более кинематографический характер и стала намного динамичней. Однако в то же время «десятилетие эгоизма» привело к появлению новых, напористых талантов, включая Джея Макиннерни («Яркие огни, большой город», 1984 г.), Брет Истон Эллис («Меньше нуля», 1985 г.), Тамы Джановиц («Рабы Нью-Йорка», 1986 г.).

Джон Гарднер (1933–1982 гг.)

Выходец из проживавшей в штате Нью-Йорк фермерской семьи, Джон Гарднер до конца своих дней (он разбился на мотоцикле) оставался самым значительным выразителем морально-этических ценностей в американской литературе. Он преподавал английский язык и был историком литературы средневекового периода. Самым популярным романом Гарднера является «Грендель» (1971 г.), представляющий собой стилизованное переложение староанглийского эпоса «Беовульф» с экзистенциалистской точки зрения чудовища. В этом коротком, ярком и часто полном комизма романе автор очень тонко выступает против экзистенциализма, вселяющего в главного выразителя этой философии отчаяние и цинизм.

Плодовитый и популярный романист, Гарднер применял в своих произведениях реалистический подход, но при этом пользовался целым рядом нововведений, таких как нарушение последовательности действия посредством возврата к прошлому, повествование внутри повествования, пересказ мифов и контрастирующие ис-

тории, с тем чтобы выявить правду в отношениях между людьми. Сильными сторонами творчества этого писателя являются искусство создания характеров (особенно удаются ему полные сочувствия образы простых людей) и красочность стиля. Основные произведения Гарднера включают в себя: «Воскрешение» (1966 г.), «Диалоги с Солнечным» (1972 г.), «Никелевая гора» (1973 г.), «Осенний свет» (1976 г.) и «Привидения Микельсона» (1982 г.).

В своих произведениях Гарднер проповедует благотворную силу товарищества и призывает к выполнению долга и семейных обязанностей. В этом отношении он является глубоко традиционным и консервативным автором. Гарднер пытался показать, что определенные ценности и поступки ведут к полноте жизни. В своей книге «О нравственной значимости литературы» (1978 г.) он призывал писать романы, утверждающие морально-этические ценности, а не ослепляющие читателя пустым новаторством технического порядка. Упомянутая книга произвела фурор в основном потому, что Гарднер открыто критиковал в ней видных современных авторов за отсутствие в их произведениях морально-этического начала.

Тони Моррисон (р. 1931 г.)

Писательница афро-американского происхождения Тони Моррисон родилась в штате Огайо в религиозной семье, училась в Говардском университете в Вашингтоне, Федеральный округ Колумбия, и работала старшим редактором в одном из крупных вашингтонских издательств, а также занималась преподавательской деятельностью в ряде учебных заведений страны и в этом качестве пользовалась определенной известностью.

Богатая и красочная проза Моррисон принесла ей международное признание. В своих захватывающих, полных энергии романах писательница всесторонне рассматривает сложный духовный мир темнокожих американцев. В ее раннем произведении «Самые голубые глаза» (1970 г.) волевая темнокожая девушка рассказывает историю Пеколы Бридла, которой удается выжить несмотря на жестокое и оскорбительное отношение к ней отца. Пекола верит в то, что ее черные глаза каким-то чудом превратились в голубые и что теперь она будет желанной и любимой. Моррисон говорила, что этим романом пыталась найти свое «я» и утвердиться как писательница: «Я была и Пеколой, и Клавдией, и всеми остальными героями моей книги».

Роман «Сула» (1973 г.) посвящен дружбе двух женщин. Моррисон отказывается от стереотипов и изображает женщин афро-американского происхождения как уникальных, единственных в своем роде личностей. Роман писательницы «Песнь Соломона» был удостоен нескольких наград. В этом произведении описывается темнокожий мужчина Молочник Помер и его сложные связи со своей семьей и обществом. В романе «Смоляное чучелко» (1981 г.) Моррисон показывает отношения между белыми и темнокожими американцами. «Любимица» (1987 г.) представляет собой душераздирающий рассказ о женщине, убивающей своих детей, чтобы избавить их от жизни в условиях рабства. В этом романе используется фантастический элемент, присущий магическому реализму, что позволяет автору создать

таинственный образ Любимицы, которая возвращается жить к своей матери, перерезавшей ей горло.

Моррисон утверждала, что ее романы, являясь законченными произведениями искусства, в то же время несут в себе политический заряд: «Мне не интересно копаться в собственном воображении... да, произведение должно быть политическим». В 1933 г. Моррисон стала лауреатом Нобелевской премии в области литературы.

Элис Уокер (р. 1944 г.)

Писательница афро-американского происхождения Элис Уокер родилась в одном из сельскохозяйственных районов штата Джорджия в семье издольщика; окончила колледж Сары Лоуренс, где среди ее учителей была политическая активистка и поэтесса Мюриел Рюкисер. На творчество Уокер также оказали влияние писательницы Флэннери О'Коннор и Зора Нил Херстон.

Уокер, называющая себя «женской» писательницей, уже много лет связана с феминистским движением, представляя в нем темнокожих женщин. Подобно Тони Моррисон, Джамайке Кинкейд, Тони Кейд Бамбара и другим признанным темнокожим романисткам Уокер придерживается подчеркнутого лирического реализма, чтобы лучше передать мечты и неудачи доверчивых и заслуживающих доверия людей. В ее произведениях подчеркивается борьба за человеческое достоинство. Обладая мастерством тонкого стилиста, особенно ярко проявившимся в эпистолярном романе «Цвет багряный», Уокер в своем творчестве стремится к просветительству. Этим она напоминает американского романиста Ишмаэля Рида, в сатирических произведениях которого обращается внимание на социальные и расовые проблемы.

Роман Уокер «Цвет багряный» представляет собой рассказ о любви двух темнокожих сестер, которая не ослабевает несмотря на многолетнюю разлуку. Эта история любви перемежается с рассказом о том, как в тот же период застенчивая, безобразная и необразованная сестра открывает в себе внутреннюю силу благодаря поддержке своей подруги. Тема поддержки, оказываемой женщинами друг другу, заставляет вспомнить автобиографию Майи Ангелу «Я знаю, почему поет птица в клетке» (1970 г.), в которой воспевается духовная связь между матерью и дочерью, и произведения белой феминистки Адрианны Рич. В романе «Цвет багряный» мужчины изображаются как существа, в основном не понимающие нужд и положения женщин.

В конце восьмидесятых и начале девяностых годов в американской литературе прочную позицию заняли произведения представителей национальных меньшинств. Это относится как к драме, так и к художественной прозе. Огаст Уилсон, продолжающий писать цикл своих пьес о жизни темнокожих американцев в XX веке (включая пьесы «Барьеры», 1986 г. и «Уроки музыки», 1989 г.), стоит в одном ряду с такими писателями, как Элис Уокер, Джон Эдгар Уайдмен и Тони Моррисон.

Достойное место в американской литературе начинают занимать и американцы азиатского происхождения. Максин Хонг Кингстон («Женщина-воин», 1976 г.) положила в нее путь своим коллегам азиатского происхождения, включая Эми Тан, блестящие романы которой («Клуб радости и удачи», 1989 г. и «Жена кухонного

бога», 1991 г.) о китайской жизни, перенесенной в условия Америки периода после второй мировой войны, вызвали огромный интерес читателей. Родившийся в Калифорнии сын китайских иммигрантов Дэвид Генри Хван своими пьесами «Ф.О.Б.» (1981 г.) и «М. Баттерфляй» (1986 г.) оставил свой след в драматургии.

На литературном небосклоне Америки появилась сравнительно новая группа американских писателей испанского происхождения, включая лауреатов Пулицеровской премии Оскара Ихуэлоса, родившегося на Кубе романиста, автора книги «Короли мамбо исполняют песни любви» (1989 г.); писательницу Сандру Сиснерос с ее сборником рассказов «Женщины, кричащие изо всех сил, и другие рассказы» (1991 г.) и Рудольфо Анайю, опубликовавшего книгу «Благослови меня, Ультима» (1972 г.), которая разошлась тиражом 300 000 экземпляров, в основном в западной части США.

НОВЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ

В региональной традиции американской литературы нет ничего нового. Она стара, как легенды индейцев, незабываема, как произведения Джеймса Фенимора Купера и Брета Гарта, и широко известна, как романы Уильяма Фолкнера и пьесы Теннесси Уильямса. Однако в течение некоторого времени в эпоху после второй мировой войны эта традиция, судя по всему, ушла в тень, если не считать городскую прозу одной из форм регионализма, что может быть вполне справедливо. Тем не менее, в течение последних приблизительно десяти лет наблюдается триумфальное возвращение регионализма в американскую литературу, что позволяет читателям обрести чувство времени и места, а также ощутить присутствие конкретных людей. Регионализм господствует в популярной художественной литературе, такой как, например, детективный жанр, не меньше, чем в классических романах, повестях, рассказах и драме.

Это явление объясняется несколькими причинами. Во-первых, в период жизни последнего поколения все виды искусства в Америке были децентрализованы. Складывается впечатление, что театральное, музыкальное и танцевальное искусство в городах, расположенных на юге, юго-западе и северо-западе США, процветает не меньше, чем в крупнейших городах страны, таких как Нью-Йорк и Чикаго. Кинокомпании снимают фильмы на всей территории США. Киногруппы выезжают в тысячи самых разных мест страны. Аналогичное положение наблюдается и в литературе. Небольшие издательства, специализирующиеся на выпуске художественной литературы, процветают за пределами нью-йоркского «ряда издательств». Никогда еще писательские семинары и конференции не были столь модными. Аналогичной популярностью по всей стране пользуются литературные курсы в студенческих городках. Нет ничего удивительного в том, что молодые таланты могут появиться в любом месте. Для этого нужно иметь лишь карандаш, бумагу и точку зрения.

Наиболее обнадеживающими аспектами нового регионализма являются его размах и разнообразие. Он завоевывает все новых сторонников, распространяясь с востока на запад. В области литературы его путь через весь континент начинается на северо-востоке, в Олба-

ни, штат Нью-Йорк, где сосредоточились интересы его родного сына Уильяма Кеннеди, когда-то работавшего журналистом, того самого Кеннеди, романы которого, написанные в Олбани, включая «Железный бурьян» (1983 г.) и «Очень древние кости» (1992 г.), элегически, а часто и пронзительно, запечатлели жизнь обитателей улиц и кабаков столицы штата Нью-Йорк.

Плодовитая романистка, автор рассказов, поэтесса и очеркистка Джойс Кэрол Оутс также родилась на северо-востоке США. В ее западающих в душу произведениях одержимые герои предпринимают отчаянные попытки найти себя в гротескной обстановке, но это неизменно ведет их к саморазрушению. В число наиболее ярких произведений писательницы входят рассказы, объединенные в сборники «Колесо любви», (1970 г.) и «Куда ты идешь, где ты был?» (1974 г.). Пользующийся огромной популярностью мастер романов ужасов Стивен Кинг обычно выбирает местом действия своих произведений, держащих читателя в постоянном напряжении, штат Мэн, расположенный в том же регионе.

Южнее, на побережье, в окрестностях Балтимора, штат Мэриленд, Энн Тайлер лаконичным и размеренным языком рассказывает о необычной жизни своих удивительных героев. Такие романы, как «Обед в ресторане «Тоска по дому» (1982 г.), «Случайный путешественник» (1985 г.), «Захватывающие дух уроки» (1988 г.) и «Святой «Может Быть» (1991 г.), помогли ей завоевать высокую репутацию в литературных кругах и добиться популярности у массового читателя.

На небольшом расстоянии от Балтимора расположена столица США Вашингтон, у которой тоже есть своя литературная традиция. Может быть, она не очень заметна, поскольку этот город в основном занимается политикой. Одним из романистов, ярко описывающих жизнь тех, кто стоит у кормила власти, является Уорд Джаст, бывший журналист, специализировавшийся в области международной политики, сменивший свою профессию и ставший писателем, чтобы изображать тот мир, который никто не знает лучше него — мир журналистов, политиков, дипломатов и военных. Романы Джаста «Николсон на свободе» (1975 г.), представляющий собой исследование деятельности журналиста в период пребывания на посту президента Джона Кеннеди и после его гибели, т. е. в начале шестидесятых годов; «В городе страха» (1982 г.), воссоздающий картину политической деятельности в Вашингтоне в период вьетнамской войны, и «Джек Гэнс» (1989 г.), содержащий трезвую оценку одного из чикагских политиков и его пути в Сенат США, являются лишь несколькими из его впечатляющих произведений. В романе Сьюзен Ричардз Шрив «Дети власти» (1979 г.) оценивается личная жизнь детей правительственных чиновников, а популярный романист Том Клэнси, живущий в штате Мэриленд, использует военно-политический ландшафт Вашингтона как стартовую площадку для серии своих эпических литературных полотен, держащих читателя в постоянном напряжении.

В регионе, расположенном южнее Вашингтона, обратили на себя внимание Рейнолдс Прайс и Джил Маккоркл. В семидесятых годах один из критиков охарактеризовал Прайса, бывшего наставником Тайлера, как находящегося в положении «писателя, постоянно жи-

вущего на Юге и пишущего о нем», которое уже уходит в прошлое. Этот писатель впервые обратил на себя внимание своим романом «Долгая, счастливая жизнь» (1962 г.). В нем описываются восточная часть штата Северная Каролина и ее жители, и, в частности, молодая женщина по имени Роузакрук Мастиан. В последующие годы Прайс продолжал писать о своей вымышленной героине, а затем перешел к другим темам, но потом вновь сделал одну из женщин героиней своего получившего высокую оценку произведения «Кейт Вейден» (1986 г.), единственного романа писателя, написанного от первого лица. В последнем романе Прайса «Голубой Калхун» (1992 г.) рассказывается о страстной, но безнадежной любви, длившейся несколько десятилетий семейной жизни.

Родившаяся в 1958 г. и, следовательно, являющаяся представителем нового поколения Маккоркл посвящает свои романы и рассказы — действие которых происходит в небольших городах штата Северная Каролина — изучению психологии подростков («Капитан болельщиков», 1984 г.), связям между поколениями («Направляясь в Виргинию», 1987 г.) и некоторым конкретным проблемам мироощущения современных женщин Юга («Строгая диета», 1992 г.).

В этом регионе живет и Пэт Конрой, написавший жизнеутверждающие автобиографические романы, в которых рассказал о том, как его воспитывали в Южной Каролине и как оскорблял и тиранил его отец («Великий Сантини», 1976 г.; «Князь приливов», 1986 г.). Эти произведения прекрасно передают красоту природы равнинной части Южной Каролины. Шелби Фут, родившийся в штате Миссисипи и долгие годы проживший в Мемфисе, штат Теннесси, является давним летописцем Юга, и его исторические очерки и художественная проза привели его на телевидение, где он участвовал в серии передач, посвященных Гражданской войне в США.

Очень много талантливых писателей в центральной части Америки. В их число входит и Джейн Смайли, которая преподает писательское мастерство в университете Айовы. Смайли была удостоена Пулицеровской премии в области художественной литературы за свою книгу «Тысяча акров» (1991 г.), являющуюся перенесением трагедии Шекспира «Король Лир» на одну из ферм Среднего Запада, на которой начинается семейная вражда, когда стареющий фермер решает поделить свою землю между тремя дочерьми.

Техасский летописец Ларри Макмертри изображает свой родной штат в различные исторические периоды и в условиях различной обстановки — от уже не существующего Запада XIX века («Одинокая голубка», 1985 г.; «Для Билли все, что угодно», 1988 г.) до исчезающих маленьких городов послевоенной эпохи («Последний сеанс», 1966 г.).

Кормак Маккарти, исследовавший пустыню на юго-западе США и отразивший увиденное в своих романах «Кровавый меридиан» (1985 г.), «Кони, кони» (1992 г.) и «Переправа» (1994 г.), представляет собой писателя-отшельника, обладающего богатым воображением, которому только начинают воздавать должное. Признаваемого всеми достойным наследником южной готической традиции Маккарти одинаково увлекают труд-

нодоступный характер местности и необузданность и непредсказуемость человеческой натуры.

Роман индейской писательницы Лесли Мармон Силко «Церемония» (1977 г.), события в котором разворачиваются на фоне удивительного пейзажа родного штата автора Нью-Мексико, завоевал широкую читательскую аудиторию. Подобно поэтической книге Н. Скотта Момадея «Путь к Горе Дождей» (1969 г.) это — «роман-песнь», построенный по принципу индейских ритуалов исцеления. В романе Силко «Альманах мертвецов» (1991 г.) дается панорама юго-западной части США, начиная с миграции племен до нынешних торговцев наркотиками и продажных застройщиков, получающих прибыль от ненадлежащего использования земли. Автор детективов-бестселлеров Тони Хиллерман, живущий в Санта-Фе, штат Нью-Мексико, описывает в своих произведениях тот же край — юго-западную часть территории США. Героями его детективов являются два скромных, работающих полицейских — индейцы племени навахо.

К северу от этого региона, в штате Монтана поэт Джеймс Уэлш в своих небольших, почти безупречных романах «Зима в крови» (1974 г.), «Смерть Джима Лоуни» (1979 г.), «Фулз Кроу» (1986 г.) и «Адвокат-индеец» (1990 г.) подробно рассказывает о том, как индейцы пытаются обрести себя в условиях тяжелой жизни в резервации, где они страдают от нищеты и алкоголизма. В Монтане живет и Томас Макгуэйн, написавший романы «Девяносто два в тени» (1973 г.) и «Сдачи не надо» (1989 г.), явно ориентированные на мужскую читательскую аудиторию и являющиеся отражением мечты об избавлении от неприкаянности, обретении пристанища и налаживании связей с обществом. В соседнем штате Северная Дакота Луиза Эрдрич, в жилах которой течет кровь индейцев чиппева, написала ряд впечатляющих произведений. В своем романе «Приворотное зелье» (1984 г.) она умело сочетает стоическое отношение к невзгодам и юмор в изображении сложной жизни небогатых индейских семей в условиях резервации.

Одно время два писателя являли собой пример литературы Дальнего Запада. Одним из них был покойный Уоллес Стегнер, родившийся на Среднем Западе в 1909 г. и погибший в автомобильной катастрофе в 1993 г. Почти всю свою жизнь Стегнер провел в самых разных небольших населенных пунктах Запада и приобрел региональное мировоззрение задолго до того, как оно вошло в моду. В его первом значительном произведении «Большая леденцовая гора» (1943 г.) рассказывается о скитаниях семьи, пустившейся в погоню за американской мечтой в условиях Запада, по мере того, как исчезает «фронтир». Эта книга охватывает территорию Америки, простирающуюся от Миннесоты до штата Вашингтон, и, говоря словами Стегнера, содержит описание «этого невыразимо красивого края, который заставил всю страну двигаться на запад». Его удостоенный Пулицеровской премии роман «Время для размышлений» (1971 г.), представляющий собой изображение духовного мира художницы-иллюстратора и писательницы Старого Запада, также пронизан духом этого края. На самом деле, сильная сторона писателя Стегнера состоит в умении дать словесный образ и описать харак-

тер персонажа, а также передать суровость жизни на западе страны.

Джоан Дидион, в равной степени являющаяся журналисткой и писательницей и за последние годы значительно расширившая свои творческие горизонты, сборником своей публицистики «Неуклюжей походкой в Вифлеем» (1968 г.) и глубоким и сильным романом о бессмысленной жизни в Голливуде «Играй как по нотам» (1970 г.) заставила нас по новому взглянуть на современную Калифорнию.

Северо-запад тихоокеанского побережья, являвшийся в начале девяностых годов одним из самых богатых артистическими талантами районов на общем культурном фоне США, среди прочих деятелей культуры и искусства дал этой стране замечательного мастера новеллы Рэймонда Карвера. Он трагически погиб в возрасте 50 лет вскоре после того, как завоевал себе имя в американской литературе. Отражая в своем творчестве мировоззрение жителей этого региона, в своих сборниках рассказов «О чем мы говорим, говоря о любви» (1974 г.) и «Откуда я тебе звоню» (1986 г.) он изображал своих персонажей на живописном фоне в основном еще девственной природы здешних мест.

Одно из самых больших достижений регионального театрального движения – некоммерческих, существующих на средства государства или спонсоров театральных трупп, ставших очагами современной культуры во

многих городах на территории всей страны – состоит в том, что с начала шестидесятых годов ему удалось воспитать плеяду молодых драматургов, ставших одними из самых ярких имажистов на театральной сцене. Теперь уже нельзя представить себе американского театра и американской литературы без блистательного, раздробленного общества и бурных взаимоотношений действующих лиц, присутствующих в драматургических произведениях Сэма Шепарда («Погребенное дитя», 1979 г. и «Обман разума», 1985 г.); без аморальных персонажей, выведенных в пьесах чикагского драматурга Дэвида Мэмета, и их в высшей степени шокирующего, четкого и отрывистого диалога («Американский бизон», 1976 г. и «Гленгэрри Гленн Росс», 1982 г.); без вторжения традиционных ценностей в жизнь и заботы жителей Среднего Запада, нашедшего свое отражение в драмах Лэнфорда Уилсона («5-е июля», 1978 г. и «Безрассудство Толли», 1979 г.) и без присущих южанам чудачеств в пьесах Бет Хэнли («Преступные помыслы», 1979 г.).

Американская литература прошла долгий и извилистый путь от доколониального периода до наших дней. Социально-историческое развитие и технический прогресс оказали на нее значительное влияние. Однако в ней неизменно присутствует один компонент – люди со всеми их достоинствами и недостатками, традициями и устремленностью в будущее.

ГЛОССАРИЙ

Аболиционизм — Активное движение за уничтожение рабства на Севере США до Гражданской войны шестидесятых годов XIX века.

Аллюзия — Предполагаемая или косвенная ссылка в одном литературном тексте на другой текст.

Битники — Художественное и литературное движение протеста пятидесятых и шестидесятых годов против устоев общества. Идеологами этого движения были писатель Джек Керуак, поэт Аллен Гинсберг и ряд других представителей художественно-литературной среды. Эпитет «бит» предполагает наличие святости («причисление к лику блаженных») и страдание (состояние «подавленности и угнетенности»).

«Бостонские брамины» — Группа писателей Новой Англии, пользовавшихся влиянием и уважением в XIX веке; придерживалась «благородной традиции» отстаивания ценностей высшего общества.

Вера во второе пришествие Христа — Распространенная в XVII веке среди пуритан вера в то, что сбудутся пророчества Нового Завета и Христос вновь спустится на Землю, где начнется новое тысячелетие мира и процветания.

Война за независимость — Война 1775–1783 гг., которую американские колонии вели против Англии.

Гражданская война — Война 1861–1865 гг. между северными штатами США, оставшимися в Союзе, и южными штатами, вышедшими из него и образовавшими Конфедерацию. Победа северян положила конец рабству и позволила сохранить Союз.

«Гудибрас» — Иерокомическая сатирическая поэма английского писателя Самуэля Батлера (1612–1680 гг.). Этому произведению подражали сатирики начала революционной эпохи.

Деизм — Возникшая в XVIII веке религия эпохи Просвещения, отстаивавшая бога как мировой разум и отвергавшая чудеса; частично представляет собой реакцию против кальвинизма и религиозного суеверия.

Декаденты — Термин, применяемый в основном к английским и французским художникам и писателям конца XIX и начала XX века, так называемым «эстетам», разделявшим модные на «пороге нового столетия» идеи упадка и гибели. Характерными чертами творческой манеры декадентов являются претенциозность стиля и вычурность образов.

Деконструкция — Противоречивый метод текстуального анализа, в котором проявляются скрытые идеологические положения. Ставит под сомнение иерархическое мышление, отдающее предпочтение одному понятию перед другим (например, культуре перед природой или мужчине перед женщиной). В основе этого метода лежат идеи французского теоретика Жака Деррида, разработавшего выдвинутую лингвистом Фердинандом де Соссюром концепцию языка как системы различий.

Древнескандинавский язык — Древненорвежский язык саг, фактически не отличающийся от современного исландского языка.

Жанр — Одна из форм литературного произведения (например, роман, лирические поэма или стихотворение, эпос и т.д.).

Изошренный образ — Пышная метафора. Термин, характеризующий метафизическую поэзию эпохи ренессанса в Англии и периода колонизации Северной Америки. Примером подобной поэзии может служить творчество американской поэтессы Анны Брэдстрит.

Имажисты — Группа в основном американских поэтов, в состав которой, в частности, входили Эзра Паунд и Эми Лоуэлл. Для творческой манеры ее представителей характерно применение отточенных зрительных образов и разговорной речи; основной период деятельности группы приходится на 1912–1914 гг.

Ирония — Скрытый (часто противоположный) смысл очевидно го значения слова или фразы.

Кальвинизм — Вероучение реформатора французской протестантской церкви Джона Кальвина (1509–1564 гг.), отличающееся крайней религиозной нетерпимостью и составляющее основу пуританского общества. Кальвин утверждал, что человек рождается в грехе и только божья милость (а не церковь) может спасти его от ада.

Книги из серии «Помоги себе сам» — Книги, рассказывающие читателям о том, как они без посторонней помощи могут улучшить свою жизнь. С середины XIX века до настоящего времени популярный жанр американской литературы.

«Легкая» литература — Популярная литература, написанная в развлекательном жанре.

Лейтмотив — Постоянно повторяющийся элемент, такой как образ, тема или событие.

Литературный портрет — Жанр, пользовавшийся популярностью в XVII–XVIII веках. Представляет собой литературную характеристику какой-либо группы или образ типичного представителя определенной среды.

Миф — Повествование в форме легенды, как правило, о богах и героях или тема, выражающая идеологию той или иной культуры.

Многокультурный — Отмеченный творческим взаимодействием многочисленных этнических и расовых субкультур.

Модернизм — Международное культурное движение после первой мировой войны, для которого характерно разочарование в существующих традициях и интерес к новым технологиям и идеям.

Натурализм — Зародившееся во Франции в конце XIX — начале XX века литературное направление, дававшее яркое описание социальных проблем и рассматривавшее людей как беспомощных жертв более мощных социальных и экономических сил.

Небылица — Типичная для приграничных районов Америки забавная, преувеличенная история, главное место в которой занимает небывалая сила главного героя.

Неоклассицизм — Связанное с Просвещением художественное движение XVIII века, опиравшееся на классические модели и уделявшее основное внимание разуму, гармонии и сдержанности.

Новая Англия — Район США, включавший в себя нынешние штаты Мэн, Вермонт, Нью-Гемпшир, Массачусетс, Род-Айленд и Коннектикут и известный своим ранним промышленным развитием и богатой духовной жизнью. Традиционное местопребывание умелых, независимых и бережливых торговцев-«янки».

Образ — Конкретное изображение объекта или чего-то увиденного.

Объективизм — Зародившееся в середине XX века направление в поэзии, связанное с именем Уильяма Карлоса Уильямса. Объективисты уделяли повышенное внимание образности и разговорной речи.

Песнь-видение — Поэтическая песня, которую поют представители некоторых племен коренных жителей Америки, когда подвергают себя обряду очищения, совершаемого в уединении с помощью поста и медитации.

Плут — Фольклорный персонаж (особенно у негритянских и индейских племен); ловкий пройдоха, нарушающий общепринятые правила поведения; часто народный герой.

Постмодернизм — Сложившееся в конце XX века под влиянием средств массовой информации эстетическое мироощущение,

характерными чертами которого стали отсутствие четких установок, пестрая смесь идей и несвязность отдельных элементов. С помощью самоиронии и сопоставления элементов популярной культуры с элементами электронной технологии постмодернизм ставит под сомнение основы культурных и художественных форм.

Поэзия «Метафизической школы» — Сложный вид английской поэзии XVII века, основанный на замысловатых интеллектуальных построениях и неожиданных образах.

Предопределение — Пуританская доктрина, согласно которой господь «определяет» или выбирает своих избранных, т.е. тех, кого примут на небесах по его, божьей воле.

Прерии — Равнинный, не имеющий лесов сельскохозяйственный район северо-запада США.

Примитивизм — Вера в то, что природа дает более верные, правдивые и здоровые образцы бытия, чем культура. Примером может служить миф о «благородном дикаре».

Провидение — Воля божья, выражаемая посредством происходящих на Земле событий. При этом судьба рассматривается как откровение.

Просвещение — Движение XVIII века, отстаивающее идеалы добра и человечности, а также веру в свободу, справедливость и равенство как естественные права человека.

Пуритане — Английские религиозные и политические реформаторы, в поисках религиозной свободы покинувшие свою родину и в XVII веке поселившиеся в колонизированной ими Новой Англии.

Район равнин — Средняя часть США, опускающаяся на восток от Скалистых гор к прериям.

«Разгребатели грязи» — Американские журналисты и романисты (1900–1912 гг.), борьба которых против коррупции в деловой сфере и правительстве привела к проведению социальных реформ.

Рассказы о жизни в индейском плену — Описание захвата в плен белых поселенцев местными индейскими племенами. В период колонизации Северной Америки в этом жанре работали такие писатели, как Мэри Роулэндсон и Джон Уильямс.

Рассказы о жизни в рабстве — Первый жанр негритянской художественной прозы в США; истории о жизни негров в условиях рабства.

Региональная литература — Литература, изучающая обычаи и природу того или иного региона США.

Рефлексивный — Относящийся к самому себе. Литературное произведение является рефлексивным, когда обращается к самому себе.

Реформация — Политическое и религиозное движение в Северной Европе XV–XVII веков, пытавшееся реформировать католицизм и в конечном счете приведшее к появлению протестантизма.

Роман героического и приключенческого жанра — Эмоционально насыщенные, символические американские романы, относящиеся к периоду романтизма.

Романтизм — Реакция против неоклассицизма. Это движение начала XIX века возвеличивало отдельного человека, показывало преодолевающие его страсти и утверждало духовно-творческую жизнь личности. Оно подчеркивало сильные чувства, воображение, свободу от классической правильности всех художественных форм и восставало против социальных условностей.

Saga — Древнескандинавское прозаическое повествование об исторических или мистических событиях.

Силлабическое стихосложение — Поэтический размер, строящийся на количестве слогов в строке.

Синтез — Прием, состоящий в смешивании двух разных смыслов. Применялся Эдгаром Алланом По и рядом других авторов для того, чтобы вызывать у читателя скрытые ассоциации и создавать экзотические эффекты.

Сепаратисты — Подчиняющаяся строгим правилам пуританская секта XVI и XVII веков, которая предпочла отделиться от англиканской церкви, чтобы не идти на реформы. Сепаратистами были многие из первых поселенцев Америки.

Срединные колонии — Территория, занимаемая нынешними штатами, расположенными на Атлантическом побережье или в восточной части США — колониальные Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания и иногда Делавэр, — известная своей коммерческой деятельностью, центрами которой стали города Нью-Йорк и Филадельфия.

Средний Запад — Центральная часть США от реки Огайо до Скалистых гор, включая районы прерий и Великих Равнин.

Судебные процессы над салемскими ведьмами — Рассмотрение дел в суде в 1692 г. в Сэйлеме, штат Массачусетс, в связи с якобы имевшем место колдовством. В результате этих процессов были повешены 19 человек и еще многие люди оказались настолько запуганными, что сами стали признаваться в колдовстве или обвинять в нем других.

Сюрреализм — Европейское литературно-художественное направление, использующее алогичные, призрачные образы и события для передачи подсознательного.

Тема — Абстрактная идея, воплощенная в литературном произведении.

Тори — Богатая проанглийская группировка в Америке во время Войны за независимость в конце XVIII века.

Трансцендентализм — Широкое философское течение в Новой Англии периода романтизма (достигло наивысшей точки своего развития в 1835–1845 гг.). Большое значение в этом философском направлении придавалось роли божества в природе и интуиции отдельного человека, а также примату чувства над разумом.

Устная традиция — Передача произведений народного творчества в устной форме; традиция, передаваемая из поколения в поколение; традиция устного фольклора.

Фауст — Литературный персонаж, продавший душу дьяволу, чтобы до конца познать мир и в своем могуществе приблизиться к богу; герой пьес английского драматурга эпохи Возрождения Кристофера Марлоу (1564–1593 гг.) и немецкого писателя-романтика Иоганна Вольфганга Гете (1749–1832 гг.).

Феминизм — Сформировавшаяся в XIX веке система взглядов, которые сводятся к тому, что по своей природе женщины равны мужчинам и заслуживают равных с ними прав и возможностей. Позднее переросла в социально-политическое движение, получившее развитие в США в конце шестидесятых годов XX века и вскоре охватившее весь мир.

«Хартфордские остроумцы» — Литературная группа конца XVII века при Йельском колледже, расположенном в штате Коннектикут; придерживалась патриотических, но консервативных взглядов (известна также под названием «Коннектикутские остроумцы»).

ГЛОССАРИЙ

Школа Никербокера – Группа нью-йоркских писателей начала XIX века, подражавших модным английским и европейским литературным течениям.

Экзистенциализм – Философское направление, согласно которому страдающий человек сам должен «находить себя» в непознаваемой, хаотичной и якобы пустой вселенной.

Экспрессионизм – Течение в искусстве и литературе, возникшее в Германии после первой мировой войны, представители которого искажали внешние проявления окружающего мира, чтобы нагляднее передать свои чувства.

Эллипсис – Знак пропуска в тексте одного или нескольких слов, которые явно подразумеваются, но должны быть обозначены подобным знаком, чтобы сохранить правильную грамматическую конструкцию фразы.

Эпическое литературное произведение в комическом стиле – Пародия в эпической форме (также известная как иерокомическая поэма).

Эпоха Маккарти – Период «холодной войны» (конец сороковых – начало пятидесятих годов XX века), в течение которого американский сенатор Джозеф Маккарти преследовал американских граждан, подозреваемых им и его коллегами в том, что они состоят или состояли в Коммунистической партии или сочувствовали ее деятельности. Преследования включали в себя составление «черных списков» в различных профессиях, т.е. списков людей, которым запрещалось работать по специальности. В конце концов, коллеги Маккарти по Сенату США резко осудили его кампанию преследования инакомыслящих.

Юг – Район США, включающий в себя штаты Мэриленд, Вирджиния, Северная Каролина, Южная Каролина, Джорджия, Кентукки, Теннесси, Луизиана, Миссисипи, Алабама, Миссури, Арканзас, Флорида и Западная Вирджиния, а также восточную часть штата Техас.